

ОЛЬГА ПАШНИНА

КОРОЛЕВА
МАГИИ

-- ПРОКЛЯТЫЙ РАССВЕТ --

Annotation

На что вы готовы ради первой любви? Как насчет того, чтобы отправиться в мир, полный магии и загадок? Впрочем, я не столько шла за любовью, сколько бежала от проблем, и жестоко за это поплатилась. Место, куда я попала, имеет мало общего с волшебной школой. Здесь не учат колдовству, не растят всесильных магов и не терпят неповиновения. Однако иной мир готов предложить мне гораздо больше, чем показалось сначала. И помощь таинственного мага с белой волчицей точно не тот дар, который стоит принимать без колебаний.

- [Ольга Пашнина](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
-

Ольга Пашнина

Королева магии. Проклятый рассвет

Пролог

Однажды он ее убьет.

Долгое время Бренн Фаренгейт не знал о девушке, которая должна стать его жертвой ничего. Ни как она выглядит, ни сколько ей лет, ни где и как они встретятся. Просто знал, что однажды он найдет подходящую, и тогда ее убьет.

Сейчас он с нетерпением ждал возможности ее увидеть. Он уже не раз приходил сюда, к самой опушке перед огромным мрачным особняком Сумеречной Эпохи. Девушка еще ни разу не опаздывала. По ней можно сверять часы.

Сегодня выдалась дождливая ночь. От листвы вокруг исходил приятный запах свежести и надежды. Бренн старался держаться за первыми деревьями, чтобы девушка его не увидела. Однажды он настолько потерял бдительность, что едва не выдал себя. Но, к счастью, она решила, что ослышалась.

Над лесом встала полная луна. Бренн закрыл глаза, чувствуя, как внутри растет магия. Сегодня она особенно сильна, для сумеречника нет лучшего времени, чем тот короткий миг, когда лунный диск находится в наивысшей точке. Убийство тоже следовало совершить в полнолуние, но здесь уж как распорядится мироздание. У него будет всего один шанс.

Наконец скрипнула задняя дверь, и на заросшей тропинке, упирающейся в старые, увитые плющом, появилась девушка. День за днем она ускользала от дежурных, чтобы подышать ночным воздухом, одетая в форменное платье воспитанниц академии – черное, с дурацким кружевным воротничком. Бренну всегда виделось в форме идеальных что-то такое... нездоровое.

Точнее в том, кому эти девушки, выглядящие как отличницы младших курсов академии, предназначались.

Он знал о ней немного, но достаточно, чтобы чувствовать, как внутри ворочается совесть.

Грейс. Ее зовут Грейс. Она блондинка с нетипичными для их мира волосами, обрезанными чуть выше плеч. Она достаточно высокая, чтобы с немим укором посмотреть ему в глаза при встрече.

Очень красивая.

Действительно идеальная – воспитанниц не зря так называли.

Послышался шум, с ближайшего куста посыпался град дождевых капель – и показалась белая морда волчицы. Она ткнулась ему в руку, и Бренн ласково потрепал спутницу по голове.

– Набегалась? Быстро ты сегодня. Не любишь луну?

Волчица виновато опустила голову.

– Ну, извини, – хмыкнул он. – Такие уж мы с тобой разные. Но сегодня ты вовремя. Смотри туда.

Он наклонился и раздвинул ветки, чтобы показать Грейс.

Обычно она садилась у ворот, так, чтобы не было видно из дома, и погружалась в артефакт, принесенный из ее мира. Он освещал ее грустное лицо мягким, но тусклым светом. Бренн не мог подобраться ближе, чтобы рассмотреть, что же такое видит на небольшом экране иномирянка, но предполагал, что это связано с ее семьей. Должно быть, оказавшись запертой в стенах академии, Грейс скучала по своему миру.

Но это точно не его проблемы.

– Ну что? Как тебе? – спросил Бренн. – Мне кажется, очень подходит.

Волчица задумчиво опустилась на землю, положив морду на лапы, и уставилась на Грейс.

Сегодня она, к слову, вела себя не как обычно: артефакта при ней не оказалось. Постояв несколько минут у забора, она прислонилась лбом к холодным прутьям, и замерла. Бренн ощутил беспокойство. Заболела? Ему нужна абсолютно здоровая Грейс, в его планы не входит ее болезнь!

Ее плечи содрогнулись от рыданий. Чтобы не выдать себя, Грейс зажала рот ладонью, но слезы катились из глаз не прекращая. Она сжимала прутья забора с такой силой, что даже с расстояния Бренн видел, как побелели костяшки пальцев.

Он не мог оторвать взгляд от хрупкой фигурки, обласканной лунным светом.

Впервые за много лет в душе Бренна Фаренгейта слабо шевельнулась жалость.

Но убийцы часто жалеют будущих жертв.

Глава первая

– Выходи за меня!

Я рассмеялась, прищурилась, посмотрев на линию горизонта, за которую стремительно опускалось солнце, и вздохнула. Пора домой.

– Что смешного, Грейс? – Дилан сделал вид, будто обиделся. – Я серьезно. Хочу, чтобы ты стала моей женой. Хочу увезти тебя отсюда. Хочу познакомить с родными, представить всем. Хочу провести время вместе. Не час или два после твоей работы, а целую неделю! Смотреть вместе дурацкие шоу по телеку, заказывать пиццу, кататься по округе на байке и придумывать перед сном страшилки про старый дом моих родителей.

– Звучит заманчиво. – Я улыбнулась. – Но брак – это слишком. Мы встречаемся несколько месяцев. По статистике ранние браки заканчиваются разводом в более чем семидесяти процентов случаев.

– Но я тебя люблю. И хочу вытащить из... всего этого. – Дилан окинул взглядом пляжный бар и наш с папой трейлер.

Да, я бы тоже многое отдала, чтобы жить в нормальном доме, не работать от рассвета до заката и смотреть дурацкие шоу по телеку, ведь у меня и телека-то нет. Но было бы неправильно воспользоваться случаем и выскочить за богатого парня. Или правильно, и я слишком много думаю?

Мы познакомились, конечно, на пляже. Дилан отдыхал с друзьями, я приносила им коктейли. Тогда выдался безумно жаркий день, песок был настолько горячий, что ноги покраснели и едва ли не покрылись волдырями.

«Ого, да у вас почти ожог!», – воскликнул тогда Дилан, и принялся мазать мои ноги защитным кремом под всеобщее «О-о-о-о!». Я краснела, пыталась сбежать, но чувствовала себя кошкой, которую гладит хозяин: прикосновение холодного крема к раздраженной коже и мягкие уверенные движения рук лишили меня критического мышления и гордости.

Потом Дилан пригласил меня на кофе, и с тех пор мы встречались почти каждый день. В университете, где он изучал право, были каникулы, и бывало, Дилан часами сидел на пляже и заказывал столько

коктейлей, что папа начинал ругаться. Он считал, что это «подачки от богатого ухажера». А мне было приятно и весело. Впервые за много лет я чувствовала себя... окрыленной? Счастливой?

– Я не могу бросить отца. Не сейчас, по крайней мере, не в сезон. Он не справится без меня.

– Еще бы он это ценил, – буркнул Дилан.

Я промолчала. Что тут скажешь? Всем хорошо известно, что Эрл Голд – знатный любитель выпить.

– Если не разлюбишь к зиме, спроси еще раз. Вдруг я соглашусь?

Мы остановились у вывески «Эрл'з бар», Дилан всегда провожал меня до входа, чтобы не нарваться на отца. Хотя, подозреваю, в те вечера, когда папа был трезв, он все равно видел нас, ведь мы никогда не прощались быстро. В том, чтобы целоваться в лучах закатного солнца, было особое очарование.

В общем, я была влюблена в Дилана. По уши и бесповоротно.

Наконец окончательно стемнело. С океана подул холодный ветер, на небе замигали звезды.

– Грейс... – задумчиво произнес он, отпуская мою руку. – Я серьезен, как никогда. И мое предложение в силе. Если вдруг станет плохо, совсем невыносимо, ну или если ты поймешь, что все же хочешь быть чем-то большим, нежели девушка, то достаточно лишь позвонить мне. И все будет – шоу по телеку, пицца, страшилки в старинном особняке и все остальное. Хорошо?

В горле неожиданно возник болезненный комок: я устыдилась саму себя за нахлынувшее нестерпимое желание поддаться искушению и тотчас улететь с Диланом на край света.

Насколько большой скотиной надо быть, чтобы бросить отца, воспитавшего тебя в одиночку после смерти жены? Вопрос риторический.

– До завтра, – через силу улыбнулась я.

– До завтра, – с явным разочарованием откликнулся Дилан.

Я медленно побрела к трейлеру, вслушиваясь в шум волн. Удивительно, как быстро остывает песок. Еще несколько часов назад он был теплый от полуденного зноя, а сейчас ноги утопали в прохладе. Я сняла босоножки, подставила лицо соленому ветру, борясь с искушением побродить вдоль берега по колено в воде. Но Дилан не

уходил, желая убедиться, что я благополучно доберусь до трейлера, и я не хотела его задерживать.

Поэтому с сожалением поднялась по скрипящим ступенькам, не без труда распахнула дверь и вошла в крохотное помещение, служившее нам с отцом и спальней и гостиной. В нос тут же ударил терпкий запах виски. Окинув взглядом пустую бутылку, початую коробку снеков и нетронутый ужин, я заглянула за ширму и вздохнула.

Отец снова был в стельку пьян.

Некоторое время я еще надеялась тенью проскользнуть на свою половину и сделать вид, будто сплю, но сегодня удача была совсем не на моей стороне.

– Гре-е-ейс?! – раздался недовольный голос отца. – Сколько времени?! Где ты была?

– Бродила по пляжу. Иди спать.

– Опять со своим хахалем шаталась?!

Он попытался было подняться, но пошатнулся и сшиб со столика бутылку, пластиковые стаканчики и упаковки с закуской. Я поморщилась – теперь это все убирать.

– Иди спать, – повторила я. – Приберусь.

На мое счастье отец заливал горе, а не кайфовал от опьянения, потому что он никогда не ввязывался в потасовки и скандалы. И, хотя в баре его частенько видели пьяным, он вел себя преимущественно мирно. Но порой в таком состоянии его безудержно несло, и тогда главное было сохранять спокойствие. Я пыталась и сейчас, но Дилан предложением всколыхнул мне всю душу, поэтому что-то пошло не так...

Все время, что я собирала в мусорный пакет стаканчики, обертки и рассыпавшиеся снеки, отец подернутым поволокой взглядом внимательно за мной следил. Алкоголь еще не сказался на его внешности, хотя от того загорелого и улыбчивого мужчины, что смотрел с моих детских фото, не осталось и следа. На самом деле мама умерла довольно давно, я ее даже не помню, но в первые годы отец словно держался ради меня, а с тех пор, как я окончила школу, сорвался. Горе копилось в нем много лет, не находя выхода, и вот, прорвалось.

– Стыдно, да? – Он криво усмехнулся. – Стыдно за отца?!

– Пап, иди, пожалуйста, спать. Я уберусь и выключу свет.

– Не то что принц, да? Богатенький. Щедрый. Красивую жизнь обещает. Да?

– Дилан тепло ко мне относится.

– Тепло, конечно. Еще бы. Ему, поди, тоже в кайф. Нищая симпатичная девочка с пляжа. Принцы любят с такими играть.

Я стиснула зубы. Нет смысла с ним сейчас спорить.

– Дура ты, Грейс. Не видишь, что тебя используют.

В пакет полетела пустая бутылка. Я так разозлилась, что перестаралась: она с силой ударилась об пол и раскололась на несколько крупных кусков.

– Хочется красивой жизни, да? Хочется жить в особнячке с бассейном, да? Хочется брендовых шмоток, да? Богатый мальчик все обещает. Не то что папа, да?

Кажется, словно отец каким-то невероятным образом подслушал наш с Диланом разговор. Впору судорожно искать на себе микрофон, с него станется повесить на меня слежку. Нет, я предполагала, что он будет против моего романа с гостем пляжного бара, но на что папа вообще рассчитывал? Что я до сорока лет буду разносить коктейли, а потом выйду замуж за владельца пиццерии на набережной? Мне девятнадцать, я хочу романтики, общения со сверстниками, личной жизни, в которую не лезут грязными лапами.

Я хорошая дочь! Предупреждаю, когда уйду, не пропадаю ночами, ни разу не пропустила смену и коплю на колледж. Почему меня все время тыкают несуществующей меркантильностью?!

Распаяясь все больше и больше, я почти не слышала, что говорит отец. Только отдельные обрывки фраз долетали до ушей.

– Папа плохой. Папа нищий. Папа все похерил, да? Лучше бы папа тебя отдал чужим людям, да? Может, вырастили бы. Машинку купили на совершеннолетие. Колледж тебе оплатили, да, Грейс? А так вся жизнь – дерьмо, и отец в ней – главная куча!

– Хватит! – отрезала я. – Не желаю слушать пьяный бред, немедленно иди спать! Утром поговорим!

– Конечно, я же не богатенький придурок с родительской кредиткой. Я комплименты не отвешиваю и подачки не делаю, да?! стыдно тебе? Жизнь, думаешь, дерьмо?! Ты не представляешь, из какого дерьма я нас вытащил! Не представляешь, чего избежала! Видела бы тебя твоя мать... мы никогда не продавались за кусок хлеба!

Что молчишь?! Думаешь, я не вижу, как ты смотришь?! Думаешь, не вижу, как он над тобой смеется?! Хочешь красивой жизни, но за красивую жизнь, Грейси, надо платить! Готова платить за то, что этот твой мажорчик предлагает?!

– ДА! – рявкнула я, не выдержав. – Потому что пока он предлагал только заботу и внимание! Я готова платить за это, папа. Никто не называл мне цену за то, чтобы ты все-таки пришел на выпускной, как обещал, а не надрался в это время! Никто не предлагал заплатить и не сидеть возле тебя вместо того, чтобы веселиться с друзьями! Никто не предлагал заплатить и не работать три смены, потому что ты так напился, что не смог выйти на работу! Никто не компенсировал мне отложенные на колледж деньги, которые ты проиграл! Все это в моей жизни, черт возьми, совершенно бесплатно, и да, я хочу другого!

Папа, пошатываясь, поднялся.

– Я бы тоже очень хотела, чтобы все это видела мама. Она бы точно не стала терпеть твои запои и не верила обещаниям, что вот-вот «все станет хорошо». Не знаю, из какого дерьма ты нас вытащил, но, возможно, не стоило – все равно мы вляпались в новое!

Бах!

Я сначала услышала звук, а потом – когда щеку обожгло – поняла, что получила по лицу. Языком почувствовала вкус крови, провела дрожащей рукой по губам, но в полумраке трейлера ничего толком не увидела. Надо отдать отцу должное: он выбил злость одним ударом, оставив только горькую обиду, опустошение и странное внутреннее ощущение – как будто резко упало давление, и от слабости даже просто стоять тяжело.

– Грейс...

Наверное, он понял, что перегнул палку, но я уже не могла говорить с отцом. Бросив мусорный мешок там же, где и стояла, я схватила куртку и выскочила на улицу, как была, без обуви.

– Грейс! – донеслось мне в спину.

Но я умела быстро бегать. И знала все самые укромные уголки бухты. Иногда мысль о том, чтобы остаться в одном из таких жить уже не казалась наивной романтической мечтой в духе приключенческих книг.

Это было одно из немногих «моих» мест. Туристы сюда не совались, тем более ночью. Чтобы попасть в небольшую пещеру

нужно проплыть несколько метров до скалы, а затем обогнуть ее и нырнуть под плоский камень. Я нашла ее еще в детстве, в те времена, когда папа был занят строительством бара.

Местечко не инстаграмное: слишком мало света и моря. Но вода все же подбиралась к ногам, накатывая волнами и оставляя белесую пену. А через круглое отверстие в потолке пещеры лился лунный свет.

– Я на миг всерьез подумал, что увижу тебя с русалочьим хвостом, – раздался в тишине, нарушаемой лишь морем, голос Дилана.

Я подскочила и поспешно вытерла слезы.

– Что ты здесь делаешь?! Следишь за мной?

Он виновато развел руками и улыбнулся. Несколько каштановых прядей упали ему на глаза. А еще Дилан держал небольшую коробку.

– Я готовил тебе сюрприз. Думал, ты пойдешь открывать шезлонги, увидишь шарики и вот... пончики. Пока привязывал шарики, увидел, как ты выскочила и понял, что ты в бухте. Что стряслось, Грейс? Снова отец?

– Так. Семейные дразги.

Он сел рядом, открыл коробку с четырьмя разноцветными пончиками и протянул мне.

– Сладкое не заменяет счастье, но отлично его имитирует. Розовый – «бабл гам». Тебе понравится.

Пончики действительно волшебные: нежное воздушное тесто, бархатистая поверхность, не приторная, а вкусная начинка. Забавно хрустящий воздушный рис и мягкая помадка в роли глазури. Это было бы наслаждением, если бы мне не было так больно жевать. Скула покраснела и чуть припухла. Вряд ли синяк получится замазать утром, все гости будут перешептываться и хихикать за спиной.

– Не угадал?

– Угадал, просто я... не обращай внимания. Мне грустно, но обычно этого никто не видит, и все само собой проходит. Тебе просто не повезло.

– Ну почему же? Очень повезло. Чудесное место. Не думал, что в наших краях есть такие пещерки.

– Да, я с детства люблю здесь бывать. Здесь немного опасно в прилив, но я пока что не попадала. Зато полная луна смотрит прямо в отверстие в крыше. Свет классно падает внутрь, и камни рисуют тени. В детстве я любила придумывать для них сюжеты.

– Расскажешь?

– Ерунда. Сказки. Придумывала огромных древних существ. Женщину с телом медузы ниже пояса, с изящной фигурой и длинными многочисленными рогами на голове. Как в том фантастическом фильме, помнишь? У нее было красивое, но очень инопланетное лицо с огромными черными круглыми глазами, а еще белоснежная – даже больно смотреть – кожа. Я решила, что это луна. И однажды она вышла из моря прямо посреди дня и съела солнце, погрузив мир во мрак.

Я усмехнулась, вспомнив мечты писать рассказы или создавать компьютерные игры.

– Психолог наверняка нашел бы во всем этом тысячи детских травм.

Но Дилан – поэтому я и была в него влюблена – относился серьезно к тому, что от меня слышал.

– А что же случилось с лунной?

– С лунной? – Я нахмурилась.

– Существо съело луну, неужели Ковен Солнца не отомстил?

– А есть такой ковен?

– Если есть пожирательница солнца, то должны быть и его защитники.

– Хорошо, я возьму тебя в соавторы, – рассмеялась я. – Про месь луне я ничего не придумала.

Дилан потянулся, чтобы меня поцеловать, и нечаянно коснулся большой щеки. Я зашипела и отстранилась, а он нахмурился.

– Грейс?

– Прости, я ударилась...

– Не лги мне. Тебя отец ударил?

– Мы оба хороши.

– Нет, Грейс, это работает не так! Раньше он просто напивался, а теперь бьет тебя? Сколько можно так жить? Почему, Грейс, ну почему ты не хочешь выйти за меня замуж и забыть об этой жизни как о страшном сне?!

– Потому что он мой отец. Потому что... – Мой голос сорвался, и я решила признаться в том, в чем не признавалась до сих пор никому. – Я решила взять деньги, отложенные на колледж, и отправить

его в реабилитационный центр. Мне осталось накопить совсем немного.

Дилан укоризненно покачал головой.

– Грейси-Грейси. Ты уже пожертвовала ради отца многим. Почему хочешь пожертвовать будущим?

– Потому что все не так, как кажется. Папа – моя семья. Он не всегда был таким. И я не могу его бросить. По крайней мере, не сейчас, когда есть шанс ему помочь.

Мы долго молчали. Я смотрела на мокрый песок, замороженная блеском его частичек в лунном свете. Дилан задумчиво рассматривал потолок.

– Может, ты и права. Мне сложно понять, у меня совсем иные отношения в семье. Мы выстроили вокруг себя заборы из бабла и лишь изредка устраиваем перекличку.

– Какая у тебя семья?

– Отец – бизнесмен в отставке, наслаждающийся заслуженными дивидендами. Занимается благотворительностью, играет в гольф, летает на острова и все такое. Мама – светская львица, идеальная и благородная. Старший брат – наследник рода, преемник, глава семейного дела. И младшая сестра – популярная старшекласница с личным водителем и непомерным эго. Ну и я...

– Хороший человек, – заканчиваю я.

– Ничем не примечательный студент, родившийся с золотой ложкой во рту. Но мне приятно, что ты считаешь меня хорошим. Грейс...

Он приподнялся, сунул в рот кусочек пончика и, дожевывая, продолжил:

– Давай уедем? Познакомишься с моей семьей. Для этого необязательно выходить замуж. М-м-м?

– Сейчас сезон, Дилан. Я не могу бросить бар.

– Можешь, Грейс. И должна. Ты устала. Ты морально сломлена. Тебе нужна передышка. Твой отец вполне способен нанять студента, как уже делал это, когда ты сдавала экзамены. Ему пойдет на пользу твое отсутствие. Возможно, это натолкнет его на размышления о том, что он рискует потерять.

Я качала головой, но украдкой сжала пальцы в кулак в отчаянной попытке сдержать рвущееся наружу желание оказаться как можно

дальше от опостылевшего пляжа.

– Я не могу. Не могу вот так уехать, не могу бросить работу, да хотя бы показаться твоим с синяком на скуле не могу!

– Синяк мы замажем, заехав в первый попавшийся косметический супермаркет. С твоей работой справится твой отец, а если что – в городе полно студентов в поисках подработки на пляже. И «вот так уехать» – это не на всю жизнь, Грейс. На неделю, не больше. Мне ведь нужно будет вернуться на учебу, помнишь?

Закусив губу, я еще пыталась сопротивляться. Но в глубине души уже сдалась, потому что его мир так и манил окунуться в него, хоть на несколько дней.

– Сейчас нет пробок, доберемся за пару часов. Давай, Грейси!

– Сейчас?! – ахнула я. – Но я должна предупредить отца...

– И он отпустит? – Дилан вопросительно поднял брови. – Не запрет тебя в трейлере, не отберет документы? Отпустит со мной к моей родне? Брось, детка, он будет спать до утра, а утром ты позвонишь и холодным голосом скажешь, что произошедшее неприемлемо. И что вам обоим нужно время, чтобы остыть и простить друг друга. И лучше бы ему за это время завязать. Согласна?

Я устало махнула рукой. Дилан говорил то, о чем я думала часами, днями и месяцами. Порой казалось, мне просто страшно вырваться за пределы привычного «пузыря», открыть глаза и обнаружить, что можно жить иначе. Можно совершать безумные поступки, отправляться в путешествия и верить человеку, который в ночи, за сотни миль от дома, привязывал шарики к шезлонгу, чтобы порадовать меня утром.

– Хорошо. Я принимаю приглашение. Хочу увидеть твой мир, Дилан Кейн.

– Кажется, у меня продуло ухо, – выдохнула я, ставя ноги на твердую землю.

Я ни разу еще не ездила на байке так далеко. Хотя Дилан катал меня по округе, и это отцу тоже не нравилось. Поначалу страх был сильнее удовольствия от скорости и ветра, бьющего в лицо, но Дилан излучал уверенность и безопасность. После фразы «я купил для тебя шлем» я не смогла устоять.

По пустым ночным трассам мы домчались до особняка Кейнов за несколько часов. Могли добраться и быстрее, но задержались на заправке, где немного отдохнули и выпили кофе.

Всю дорогу меня не покидало чувство стыда за поступок. Отец спал, когда я пробралась в трейлер за документами и деньгами. Спал там же, где и пил – на небольшом раскладном диванчике, доживающем последние дни. При виде него обида вспыхнула с новой силой, тем более, что наливающийся синяк не давал забыть о ссоре. Тогда я стремглав выскочила обратно к Дилану и считала минуты до выезда из города. А сейчас, остынув, испытывала чувство вины перед отцом.

Сбежала, ничего не сказала, бросила его в разгар сезона, чтобы отдохнуть недельку с парнем. Он сказал мне много обидных слов, а я взяла и все подтвердила. Или нет?

Заметив, что я мрачною с каждой секундой, Дилан взял меня за руку и ободряюще произнес:

– Брось, Грейс, он еще даже не проснулся. Идем скорее, мне не терпится тебе показать кое-что.

Дом Кейнов оказался огромным особняком, пропитанным историей. Я с восхищением смотрела на здание, простоявшее не одну сотню лет, возможно, с самых колониальных времен. Конечно, он был отреставрирован и перекрашен, но с теми заботой и вниманием к истории, какие могли себе позволить богатые люди. На самом деле то, что Кейны сохранили дом, говорило в их пользу. Мне так казалось.

Дилан не стал звонить, отпер своим ключом, и тихое нутро дома радушно нас встретило. Я вдохнула запах лака для дерева, поняла, что дико хочу есть и не менее дико волнуюсь перед встречей с семьей Кейнов. А если меня не примут?

Но дом был словно необитаем.

– Похоже, все еще спят. Мы никого не разбудим? – нахмурилась я.

– Нет, все в порядке. Идем, надо поспешить, чтобы успеть к рассвету.

– Почему именно к рассвету? И куда успеть?

– Объясню через пару минут. Идем!

Он, крепко держа меня за руку, поспешил по ступенькам вверх, ничуть не заботясь о том, чтобы ступать тихо. Я ничего не могла с собой поделывать, шла за ним на цыпочках.

Изнутри дом был роскошный. Интерьером в классическом стиле явно занимался человек со вкусом и достатком, но меня не покидало ощущение, что здесь никто не жил. Не было личных вещей, портретов, мелочей, что обычно выдают хозяев. Это было так странно и немного пугающе, что я спросила у Дилана.

– Мама ненавидит все, что выбивается из общего стиля, – пояснил он. – Поэтому веселье и разгул фантазии сосредоточены в наших комнатах. Она туда старается не заходить.

Когда мы остановились перед самой обычной дверью, я думала, она ведет в комнату Дилана. К вопросам добавился еще один, самый насущный: мы не обсуждали секс, но было понятно, что если уж я приехала в его дом, то вряд ли рассчитываю, что мне выделят отдельную комнату и всю неделю будут водить нюхать цветочки.

Но он снова меня удивил: за дверью оказалась совершенно обычная нежилая комната. Вся мебель была затянута упаковочной пленкой, которую используют при ремонте, причем затянута давно: сверху скопился приличный слой пыли. Только массивный встроенный шкаф избежал печальной участи. Именно к нему направился Дилан.

– Что происходит? Ты издеваешься?

– Одну минуту, Грейс. Я тебе все объясню.

Он со скрипом (да таким, что наверняка проснулся весь дом!) открыл дверцу шкафа и сделал шутливый приглашающий жест. Я рассмеялась.

– Дурак. Я думала, ты пригласил меня к себе, а не в Нарнию.

– Думаешь, я шучу?

– Думаю, что либо ты издеваешься, либо ты маньяк. Если ты маньяк, то я должна бежать, сломя голову, а если издеваешься – то непременно это сделаю. Я устала, хочу в душ и поесть. Давай поиграем в волшебную страну вечером?

– Окей, я понял. – Он поднял руки, сдаваясь. – Одна просьба. Постоишь здесь пару минут?

– Да, конечно, а что...

Дилан не стал слушать мой вопрос, нырнул в темноту шкафа и... исчез.

– Очень смешно!

Теперь я всерьез разозлилась! Нашел время издеваться! Если это такой юмор, то я пас, потому что хоть я и люблю всякие

фантастические фильмы и книжки, я совершенно точно намного больше люблю панкейки на завтрак. И даже готова их приготовить.

– Эй! Дилан! Ну хватит! – позвала я. – Посмеялись, и достаточно! Вылезай! Ди-и-ила-а-ан...

Я несколько неуверенно подошла к шкафу и сунула в него нос. Ничего. Точнее – темнота, Дилан явно спрятался где-то внутри и с трудом сдерживал смех. Если выскочит и напугает меня, оторву голову и тут же уеду домой!

Потом меня вдруг посетила догадка: в старых домах часто делали тайные ходы! И часто в таких вот встроенных шкафах они и находились. Если судить по книгам, конечно. Неудивительно, что Дилан решил мне его эффектно продемонстрировать, хотя я все равно считаю, что лучше было бы после завтрака.

Что ж, оставалось только ждать, когда он вернется – и он вернулся буквально через несколько минут. Сначала я услышала «Апчхи! Кто повесил сюда эту шубу?!», а потом на свет явился и сам Дилан. Он держал в руках невероятной красоты цветок с нежными перламутровыми лепестками, отливающими всеми цветами рассвета.

– Прошу, любовь моя. – Он галантно протянул мне цветок.

Я рассмеялась.

– Дурак ты. Испугал. Что это за цветок и как ты его там спрятал? Позвонил, пока мы были на заправке?

Он удивленно поднял одну бровь и усмехнулся.

– Вот как, значит. Что ж... будущая миссис Кейн...

Наклонившись, Дилан подхватил меня на руки – даже дыхание на миг сбилось!

– Что ты делаешь?!

– Добро пожаловать в мой мир.

Он решительно шагнул в темноту этого дурацкого шкафа, запутался в длинной розовой и изрядно свалявшейся овечьей шубе, выругался:

– Да когда ее уже моль сожрет!

Закрыв за нами дверцу, и в полной тишине я услышала собственное дыхание. Я едва открыла рот, чтобы задать этому приколисту хорошую взбучку, как вдруг мы вышли... в залитом светом зале, напоминающем оранжерею. Сквозь прозрачный стеклянный купол проникали первые солнечные лучи, а всюду мягко светились

цветки, похожие на тот, что я держала. Тысячи, целое море цветов, которых, кажется, вообще не существовало на Земле!

– Дилан, что за...

– Дело в том, что я все-таки тебе врал, Грейс. Я не совсем обычный парень из богатой семьи. И я не учусь в колледже. А это – мир, в котором я вырос. Мир, в котором я – принц.

Я поняла, что если сейчас не сяду сама, то лягу принудительно. К счастью, чуть дальше, вдоль прохода между рядами цветов, виднелась небольшая скамейка. Я дошла до нее не оглядываясь, опустилась на холодный металл и потеряла виски.

– Ты меня сейчас разыгрываешь? Это шутка, да?

– Это похоже на шутку? – спросил Дилан, обведя рукой оранжерею. – Что это, по-твоему, такое?

– Сад. В шкафу, должно быть, тайный ход. И мы вышли в саду!

– Но в нашем мире еще не рассвело. А здесь уже день.

– В нашем мире... бред! Дилан, это бред! Ты мне что-то подсыпал? Может, мы разбились на байке?

– Грейс...

Он опустился возле меня на колени.

– Это не бред. Я не знал, как тебе сказать. Справедливо боялся, что ты сбежишь, посчитав меня сумасшедшим. Поэтому решил сначала показать. Выслушай меня, пожалуйста, Грейс. Не перебивай. И постарайся поверить, это для меня важно. Сможешь?

Что мне оставалось делать? Пожав плечами, я махнула рукой.

– Существует множество миров. Мы точно не знаем, сколько. И не понимаем, как именно они существуют. Может, это разные планеты, может, параллельные вселенные. Но они существуют. Иногда между мирами открываются проходы. Некоторые тут же затухают, а некоторые стоят вечно. И мы используем их, чтобы изучать природу магии.

– Природу чего?!

– Грейс, ты обещала не перебивать, – напомнил Дилан, и я слегка покраснела. – Магии. Мы ходим в иные миры, чтобы выяснить, кто там живет, что им известно о законах мироздания. Изучаем чужие культуры и так далее. Вот так я оказался на Земле. Вы – мой курсовой проект.

– И ты принц.

– Да, это прискорбный факт в моей биографии. Грейс, я тебе не врал! У меня действительно есть мама, папа, брат и сестра. Мы действительно такие, как я описал. И мама действительно ненавидит личные вещи в доме, просто мы... королевская семья иного мира. Такой уж недостаток. Сама понимаешь, о таком не говорят с наскока.

– Ты понимаешь, что в это невозможно поверить? Другой мир, принц, портал! Бред!

– Именно поэтому я тебя сюда и привел. Увидишь все своими глазами, погуляем, а потом, перед закатом, вернемся.

– Папа сойдет с ума!

– Для путешественников между мирами иначе течет время, Грейс. Здесь пройдет световой день, а на Земле – не больше часа. Я бы не смог жить на два мира, если бы эта забавная особенность времени.

Неожиданно меня посетила жутковатая догадка. Если в нашем мире кто-то заявит то, что Дилан мне сейчас рассказал, то его упекут в психушку. А что если я выдам себя здесь?

– Мое присутствие вообще законно? Что случится, если кто-то узнает?

– О, не волнуйся, у нас есть иномирцы. Немного, но есть. Проходы ведь иногда открываются сами собой и мгновенно закрываются. И не всегда это происходит там, где никого нет. Существо бесследно исчезает в своем мире – и появляется в нашем. Иногда это человек, иногда нечто лишь отдаленно его напоминающее, а иногда – опасный хищник.

– Сурово. Так можно и оказаться кем-нибудь захваченными.

– Да, – Дилан кивнул, – поэтому к появлению проходов относятся серьезно. Их охраняют вплоть до исчезновения. А те, что не исчезают, стараются использовать. Этот, например, самый древний проход из существующих. Королевская семья построила вокруг него оранжерею с солнечными астрами, они подпитывают магическую защиту, когда садится солнце.

– А если он закроется?! – ахнула я.

– Не волнуйся, проход стабилен. Он существует сотни лет, и энергии в нем – еще на сотни. Не закроется. Я предлагаю тебе, Грейс, познакомиться с моим миром. Он тебя поразит, я уверен. Мы проведем здесь невероятный день, а затем вернемся на Землю. Ты позвонишь

отцу, поспишь, а потом сама решишь, хочешь ли продолжать общение с таким странным парнем, как я.

Дилан грустно улыбнулся, и я растаяла. Все это звучало как бред, не могло существовать в реальности, требовало рационального объяснения! Но ведь существовало. Я смотрела на цветы, действительно отдаленно напоминающие астры, но понимала, что никогда таких не видела. По всему выходило, что Дилан не врал. Или врал? Тогда нужно объяснение, а его у меня нет.

– Не знаю, что сказать.

– Не говори. Посмотри своими глазами. Неважно, из какого я мира. Из мира богатых детишек на баснословно дорогих тачках или из мира магии. Ты мне нравишься, я влюблен в тебя. И, если позволишь, организую тебе волшебную неделю отпуска. В прямом смысле этого слова.

Я долго молчала, укладывая в голове услышанное. Мне хотелось задать тысячу вопросов! Метнуться обратно в проход, удостовериться, что я не пьяна и не одурманена, что не лежу вся в трубках и швах на больничной койке, но все, что я смогла сделать – это глупо кивнуть и вложить руку в ладонь Дилана.

Будь что будет, решила я. Тем более, что несмотря на все сомнения, мне было ужасно интересно.

– И что дальше? – спросила я.

– А что ты хочешь? Есть? Давай найдем для тебя одежду и поедим. Папа сегодня поехал на охоту с братом, мама – в туре по северным княжествам вместе с сестрой. А у нее наверняка можно позаимствовать для тебя платье. Идем!

Из оранжереи мы поднялись по неприметной лесенке на второй этаж, а оттуда уже очутились во дворце. Открыв рот, я шла за Диланом, мертвой хваткой вцепившись в его руку. С каждым шагом уверенность в том, что все это мне снится, таяло. Такое просто не могло присниться!

Великолепный, волшебный, залитый солнечным светом дворец поражал воображение. Здесь стены были разрисованы магическими золотистыми птичками, которые порхали по изящным нарисованным веткам. Здесь из башни в башню вели узкие мосты, будто сплетенные из белоснежных веток. Здесь отовсюду звучала негромкая мелодия колокольчиков.

Я едва не свернула шею, пытаясь высмотреть что-то в окне, но Дилан рассмеялся:

– Это жилой дворец, ты не увидишь мир из его окон. Королевский сад состоит из нескольких зданий. Старый дворец работает как музей, примыкающая к нему часть сада открыта для посещения. Мы живем здесь, в новом дворце, скрытые от любопытных глаз. Еще есть дворец для дальних членов королевской семьи, которые не имеют официального статуса, но тем не менее нуждаются в охране. В этом мы мало отличаемся от аристократии твоего мира. Так... сюда. Это гардеробная Рании.

– Рания – твоя сестра?

– Да, и у нее так много нарядов, что пришлось выделить под них отдельные апартаменты.

Мы действительно очутились в раю шопоголика: огромное помещение было заставлено полками, шкафами, ящиками, комодами и стеллажами! Тысячи платьев, туфель, сумочек. Причудливые цвета и формы, материалы. Некоторые наряды казались мне такими странными, что я даже не понимала, как их носят. А некоторые нельзя было отличить от земных.

Дилан быстро осматривал комнату.

– Так, это слишком. Это привлечет внимание.

Для меня он пояснил:

– Нам нужно что-то, что не выдаст в тебе девушку принца.

– Принца... – тупо повторила я. – Дилан, у меня начинает болеть голова.

– Я дам тебе лекарство. Когда переоденешься. Это нормально, на тебя ведь свалилось много информации. Вот! Подойдет. И цвет очень красивый.

Я получила длинное платье из тонкой ткани, напоминающей шелк. Из чего сделала вывод, что и в этом мире на дворе царил лето. Цвет действительно оказался одним из моих любимых: насыщенный синий, невероятно глубокий. К платью шла накидка, застегивавшаяся на шее симпатичной брошкой в виде солнца. Платье было мне немного коротковато, но, поскольку по задумке дизайнера оно явно должно было спускаться к самому полу, то всего лишь чуть-чуть.

– И выбери себе туфли.

– А твоя сестра точно не будет против?

– Она даже не заметит. Она редко сюда заходит, одежду для нее выбирает придворная модистка, а готовит прислуга.

– Удобно, – хмыкнула я.

Выбрала простые черные замшевые туфли на низком каблуке, и отправилась за ширму, переодеваться.

– Расскажи мне что-нибудь об этом месте, – попросила Дилана. – Иначе я сойду с ума!

– Ну-у-у... мой мир называется Магия. В честь магии, понятно. Мы очень чтим это явление и даже в какой-то мере поклоняемся ему, ведь магия – ценный дар. Магия – мир-государство, это значит, что у нас нет других стран, как у вас. Есть только отдельные княжества, их около сотни. Князья входят в совет, над которым стоит король. Это довольно просто.

– Пока да. И впрямь сказка. И что, вы живете в мире, согласии, единым королевством, не воюете и никто не желает отделиться и основать свою страну?

– Не все так просто.

Я вышла из-за ширмы, чувствуя себя неловко в чужом платье. Да еще и таком непривычном. На Земле такое могло бы сойти за выпускное, ну или хотя бы за выходное. А здесь мне предстояло просто гулять по городу.

– У вас все так одеваются?

– Нет, мода довольно демократична. Ты можешь выйти на улицу и в штанах, и в рубашке, здесь даже есть некое подобие футболок. Но я привык бывать в тех местах, где принят определенный дресс-код. Тебе понравится. Идем?

– А пресса? Если принца увидят с неизвестной?

– Пресса бессильна перед моей силой, пока светит солнце, – туманно отозвался Дилан, и не пожелал больше ничего объяснять вплоть до самого ресторана, где мы планировали позавтракать.

Я думала, мы покинем дворец так же тихо, как и вошли, но, к моему удивлению, Дилан направился наверх, по многочисленным лестницам и пандусам. Приходилось приподнимать подол, чтобы не запутаться в платье. Я так устала, что не сразу поняла, что мы оказались на крыше.

– Какой вид... боже, какая красота! – выдохнула я.

Внизу раскинулся чудесный сад. Хаотичный, естественный, он напоминал волшебный лес с изящными фонарями и аккуратными скамейками. Повсюду уже сновали садовники, облагораживая королевскую территорию. Мне подумалось, здесь невероятно приятно гулять перед сном. Я даже представила, как мы с Диланом бродим меж неизведанных деревьев, болтаем о всяком-разном, чтобы после вернуться во дворец, к камину и бокалу хорошего вина.

Прекрасная, но немного неловкая фантазия. Но какая девушка не помечтает быть принцессой, стоя на крыше самого удивительного дворца из всех существующих?

Вдали виднелся город и...

– Это море? – спросила я.

– Океан. Он называется лунным. Скоро объясню, почему.

– Невероятно! Мне кажется, я до сих пор не верю. Но... это реально.

– Более чем. Сейчас будет еще реальнее, потому что мы летим в город.

– Летим?

Я обернулась, собираясь спросить «здесь что, есть вертолеты?», потому что в моем понимании принцы летали исключительно на вертолетах. Но вопросы отпали сами собой: на крышу, в нескольких метрах от нас, опустился огромный белый орел в золотых... доспехах? Броне? Драгоценностях? Я не знала, как назвать обручи и пластины, блестящие на солнце до боли в глазах. Но на спине орла совершенно точно было седло! А сам он по размеру оказался в два раза больше лошади!

– Мы полетим на нем?! – ахнула я.

– Да, Грейс.

Дилан, кажется, наслаждался моим шоком. И получал удовольствие, шокируя меня удивительными вещами из его мира. Это несправедливо! Он прекрасно ориентировался на Земле, а я здесь была слепым котенком.

Не до конца уверенным в собственной вменяемости котенком, если быть честной.

– А как он... он разумен? Или это магия?!

– Все потом, Грейс. Садись!

Дилан помог мне забраться в седло, залез следом и взял тонкие цепочки-поводья. Орел расправил крылья, и одновременно с этим мое сердце пропустило удар. Сначала, когда мы оторвались от крыши и сделали рывок вниз, я решила, что не так уж и страшно летать на орле, подумаешь. А потом он резко ушел вниз – и я завизжала так, что новый мир содрогнулся и сильно пожалел, что радушно принял Грейс Голд.

Глава вторая

До сих пор мне снился только какой-то бред. В одну ночь я путешествовала на ледоколе в компании очаровательных пингвинов. Не далее как вчера – размышляла, стоит ли делать прививку от бешенства после укуса куницы (хотя до сна понятия не имела, как вообще эти куницы выглядят).

Но если это был сон, то самый невероятный на свете! И очень красивый!

Залитый светом город можно было брать в качестве декорации к какой-нибудь утопии. Он был белоснежный, невесомый, почти воздушный. Аккуратные домики с острыми пиками крыш, мосты из белых веток, фонтаны из прозрачного, напоминающего лед, материала. Даже облака на небе – и те были белее привычных.

Все это я рассматривала, открыв рот и крепко держась за специальную ручку на седле белого орла, что нес нас в город. Кажется, воздушное движение здесь подчинялось своим правилам, потому что мы не полетели напрямик, а обогнули дворец и зашли со стороны океана. То и дело я видела вдалеке других орлов со всадниками на спинах, но они ни разу не оказались достаточно близко, чтобы можно было их рассмотреть.

А еще удивительно, но несмотря на скорость и высоту, я почти не ощущала ветер. Волосы послушно лежали так, как я уложила их днем, к тому же было тепло.

– Магия, – пожал плечами Дилан в ответ на вопрос.

Магия. Легко ему одним словом объяснить переворот привычных реалий.

Океан тоже меня поразил прозрачной водой с множеством солнечных бликов. Даже с высоты можно было рассмотреть дно и тени стаек рыбешек. Но самое невероятное, самое шокирующее открылось с веранды ресторана, куда приземлился орел. Испугавшись посадки, я не сразу заметила открывшийся вид, а когда неловко спешила и поправила платье, ахнула.

– Это академии-близнецы, – пояснил Дилан, ткнув пальцев в два замка неподалеку.

Острые башни были такими высоченными, что их концы терялись где-то в облаках. Два прекрасных сказочных замка, абсолютно одинаковых внешне, за исключением цвета: одна академия была отстроена из белого камня и мрамора, вторая – из темного и металла.

– Ваше высочество, – к нам тут же подскочил молодой парень в, вероятно, форме служащего ресторана – белоснежных штанах и рубашке с золотистым шейным платком. – Желаете столик на веранде?

– Да, чтобы для моей спутницы открывался самый чудесный вид.

Я старалась не вести себя, как деревенская девочка, впервые очутившаяся в мегаполисе, но не могла не взглянуть на все вокруг. Мы разместились на небольшом, но очень красивом балкончике с видом на академию, и Дилан сам сделал заказ.

– Впечатляет? – не без гордости в голосе сказал он.

– Не то слово. В голове не укладывается. А почему академии называются близнецами? Вернее, я понимаю, почему, но кто там учится?

– Маги. А близнецы они потому что светлое здание – это Магическая Академия Рассвета, а темное – Магическая Академия Сумрака. Видишь ли, у нас есть определенные магические законы, которые на первый взгляд сложно понять. Есть маги-рассветники: их сила активна лишь во время светового дня, она просыпается с рассветом. А есть маги-сумеречники, они могут пользоваться своей силой лишь с наступлением сумрака. Поэтому наш мир никогда не спит. Он, фактически, разделен надвое.

– А ты какой маг?

– Рассветник. Вся королевская семья – маги рассвета. Сейчас мое время. – Дилан довольно потянулся и весело на меня глянул. – Грейс, у тебя такое лицо!

– Не издевайся. Я до сих пор не уверена, что не в коме.

– Ты не в коме. Ты наконец-то у меня в гостях.

– В сказке.

– Не обольщайся. Наш мир далек от утопии. Рассветники и сумеречники... не скажу, что мы друг друга ненавидим, но определенное напряжение есть. К тому же это деление магии рождает кучу проблем. Представь, что с лучами заката ты становишься беспомощной, обычным человеком! А у тебя есть враг-сумеречник... или сумеречника нанимают твои враги. Чуть больше десяти лет назад

отгремела настоящая гражданская война между рассветом и сумраком. Тогда моя семья и пришла к власти, отец чудом объединил две магии и установил порядок. Но во многих княжествах он до сих пор зыбкий.

Интересно, что он подразумевал под фразой «моя семья пришла к власти». Уж не переворот ли с сопутствующим использованием того самого разделения магии.

– А прошлая власть была на сумеречной стороне? – не удержалась я.

– Нет, – Дилан фыркнул, – прошлый король также был рассветником. Папа не свергал его, если что, он был избран народом после того, как его предшественник натворил кучу дел.

– Никогда не любила историю, – призналась я, – но история другого мира ужасно интересная!

– О, да. Жаль, что у меня нет степени по истории, и я не смогу рассказать так интересно, как наш с сестрой препод.

– Хорошо. То есть ты учишься в академии?

– Нет, я уже закончил. Сейчас я в аспирантуре, делаю проект по вашему миру. Хочу изучать проходы и иные миры. К счастью, я не наследник престола, поэтому с папочкой отдувается брат, а я волен выбирать дело всей жизни. Правда, выбор не велик: военная карьера, благотворительность или наука. Мне нравится твой мир, ну а так как с первыми лучами заката я теряю магию, мама совсем не возражает, что я пропадаю на Земле.

Я с легкой грустью подумала, что мама наверняка будет возражать против нашего романа. Такие мысли и раньше меня посещали, но сейчас для них появилось еще больше оснований. Принц? Да никогда иномирянке не позволят быть его девушкой! Не говоря уже о большем.

Когда принесли вино, Дилан спросил:

– Ты помрачнела. Я тебя расстроил?

– Просто подумала, что твоя семья вряд ли придет в восторг, когда узнает, что ты встречаешься со мной.

– Это ты напрасно. Иномиряне пользуются уважением.

– Серьезно?

– Конечно. Ведь вы – кладезь знаний об иных мирах. Книги, написанные иномирянами, становятся бестселлерами. Их приглашают вести лекции, они работают в газетах, пишут колонки и все такое.

– Ну, я тот еще кладезь. Могу написать книгу рецептов коктейлей. «Маргарита», «Голубая лагуна», «Б-52» и фирменный коктейль «Пьянанасик».

– Кстати, это тоже будет пользоваться успехом.

– Но маме не понравится.

– Маме понравится, если я женюсь на княжне и буду курировать один из ее фондов, но она уже поняла, что этот номер не пройдет.

Дилан нагнулся и накрыл мою руку своей.

– Не бойся. Ты займешь то место в моей жизни, которое я для тебя приготовлю.

Это должно было прозвучать уверенно и окончательно развеять все мои сомнения, но почему-то по коже прошелся мороз. Будто в голосе Дилана прорезалась скрытая угроза. Я поспешила отмахнуться от нее, пригубила вино и натянуто улыбнулась.

– За свидание в новом мире. – Дилан поднял бокал.

– За свидание в новом мире, – послушно отозвалась я. – Какие планы на сегодня?

– А что ты хочешь?

– Посмотреть твой мир, конечно.

– Тогда погуляем. Пройдемся по центру, затем пообедаем, а потом заедем к одной моей знакомой. Мне нужно ей кое-что передать.

– Что за знакомая?

– Так, с учебы. Не бери в голову.

Новый мир ошеломил, сбил с толку и не оставил никаких мыслей, кроме щенячьего восторга. Передо мной словно вывалили целую гору подарков и сказали «это все тебе, Грейс, все для тебя». Я крепко сжимала руку Дилана, чтобы не потеряться, но головой вертела, как шарнирная кукла.

Город оказался пронизан магией. Не знаю, как остальной мир, а эта его часть совершенно точно оправдывала свое название.

Магия.

Ма-ги-а.

Я перекачивала слово на языке, пытаюсь вслушаться в его звучание. Пока что оно было напрочь лишено смысла, но если выдастся шанс здесь задержаться, то Магия станет не абстрактным странным словом, а местом. Со своими воспоминаниями, вкусами, запахами и цветами.

– А почему я понимаю, о чем они говорят? – спросила я, пока мы брели вдоль улицы огромного парка.

– Ты со мной, а мне не хочется тратить время на элементарное обучение. Но можно будет как-нибудь заняться нашим языком. Он очень простой, даже проще английского, как мне кажется.

– Дилан... – Я наконец решилась попросить о том, что сидело в голове с самого утра. – А ты можешь показать мне магию? В смысле... свою. Как ты это делаешь.

Он лукаво усмехнулся и с притворной задумчивостью спросил:

– А что мне за это будет? Я могу рассчитывать на поцелуй?

– Идет!

Мы остановились посреди дорожки, и Дилан огляделся. Я думала, он не хотел демонстрировать всем силу, но, похоже, просто опасался кому-то помешать. Сделав кистью круговое движение, он словно достал что-то из воздуха, а еще точнее – зачерпнул горсть солнечного света и превратил ее в небольшого сияющего орла, который сорвался с ладони и растворился в воздухе, оставив после себя сноп искр.

– Ого... – Я поражено выдохнула. – Красиво.

– Я многое умею. Расскажу тебе подробнее о магии позже. А сейчас... – Он развернул меня к себе. – Хочу свою награду.

Поднявшись на цыпочки, я коснулась его губ своими в легком поцелуе. На большее мне бы не хватило смелости – я сама испытывала неловкость, глядя на парочки в общественных местах, и не собиралась становиться на их место.

– Так нечестно, Грейс! Подразнила и бросила!

Но голос Дилана доносился словно издали – я услышала музыку.

Она звучала совсем рядом, от парня с виолончелью, которого еще минуту назад там не было. Музыка не вписывалась в солнечный и светлый, полный магии, день. Смотрелась чужеродно со своей мрачностью и нетерпеливостью. Она напоминала бурную реку с порогами и ледяными глыбами на пути потока. В летнем парке с белоснежными мостами можно было ожидать игривый звон колокольчиков, меланхоличное фортепиано или степенную скрипку, но эта музыка показалась мне гораздо более магической, чем все, что я видела и слышала до нее.

Она увлекала за собой в темный омут, будто стирала власть рассвета, и под слоем золота проглядывали мрачные сумерки.

Музыкант был одет в длинный черный плащ, а его лицо было скрыто под большим капюшоном. Но он с такой страстью отдавался мелодии, что не было никакого желания отвлекаться на его личность. В этот момент она была музыкой, и только.

Я неосознанно сделала несколько шагов к нему, будто замороженная. Не я одна, надо заметить: вокруг постепенно собиралась толпа. У парня в ногах я заметила небольшую медную шкатулку, в которой поблескивали светлые камушки классической огранки.

– Это ваши деньги? – спросила я.

Показалось, Дилан чем-то недоволен. То ли тем, что я отвлеклась на музыканта, то ли им самим – он так плотно сжал губы, что они превратились в тонкую ниточку.

– Да. Это наши деньги.

– А...

Я хотела было попросить Дилана бросить парню с виолончелью символическую сумму, но он неожиданно резко дернул меня из толпы и устремился куда-то в глубь парка. Я только с сожалением оглянулась и до последней секунды вслушивалась в мелодию, пока все звуки не стихли.

– Эй? Ты чего? Он ведь хорошо играл!

– Он сумеречник, – сквозь зубы ответил Дилан. – Он не имел права сюда приходить!

– Ого, – хмыкнула я. – Похоже, вы и правда друг друга ненавидите. Отголоски войны?

– Не в этом дело. Это негласное правило. Когда светит солнце, сумеречники не лезут со своей культурой в нашу жизнь. Но постоянно находятся идиоты, для которых смысл жизни – нагадить окружающим.

Я испуганно притихла, а Дилан остаток дня был раздраженный и молчаливый.

Мы прошлись по парку, полюбовались академиями-близнецами вблизи. Мне было не по себе от холодной и отчужденной атмосферы между нами: Дилан явно заметил, что мне понравилась музыка, и не пришел в восторг. Но, когда перед нами раскинулось еще одно чудо света, он все же чуть потеплел.

За академиями, на территории кампуса, там, где на газоне группки студентов лениво готовились к экзаменам, весело общались и практиковались в магии, виднелась смотровая площадка. Сначала я думала, что откроется вид на океан и ту часть города, что я еще не видела. Но, подойдя к перилам, я ахнула: внизу были только облака!

Целое озеро облаков. Как будто из разлома в земле в воздух вырывались белоснежные хлопья сахарной ваты. В них то и дело мелькали силуэты каких-то птиц или животных, я не могла рассмотреть.

– Что это? – спросила я, обернувшись к Дилану.

Его будто подкупила моя искренняя радость.

– Это наше любимое развлечение. Смотри.

Он показал на противоположный край разлома, где молодая девушка в белом облегающем костюме делала что-то типа зарядки. Но когда она вдруг, как ныряльщица, сложила руки над головой и прыгнула прямо в облака, я ахнула!

– Что за...

– Смотри! – Дилан не позволил мне отвернуться.

Некоторое время ничего не происходило, а потом девушка вынырнула из облаков, словно то была обычная вода. И я поняла, что напоминали силуэты внизу: пловцов!

– Это тоже магия, я правильно понимаю?

– О, да. Облачный бассейн – уникальный дар Гелиоса для нашего мира.

– Гелиос – это бог солнца?

– Не совсем. У нас нет богов. Но есть... м-м-м... некие предшественники. Те, что были до нас. Но не морочься этим, потом изучишь.

– А у сумеречников есть что-то подобное этому бассейну?

– А нам обязательно говорить о сумеречниках? – снова холодно отозвался Дилан.

– Извини.

Медленно день клонился к середине, а затем и вовсе за нее перевалил. Мы пообедали в милом ресторанчике, окруженном поющими фонтанами, и я поняла, что новый мир начал меня утомлять. Теперь, когда Дилан не отвлекал меня рассказами о нем, блеск расцветной магии словно начал слепить. Хотелось закрыть глаза и

посидеть немного в тишине. Даже глаза начали болеть от всеобщих блеска, лоска и чистоты.

Вот уж не думала, что когда-нибудь буду ждать сумерек с нетерпением. Я хихикнула: только бы не ляпнуть это вслух! Ну и уклад у них здесь, они ведь, кажется, и впрямь друг друга ненавидят только на основании магической силы.

Хотя в моем мире люди ненавидели друг друга на основании расы, религии, политических взглядов или модных брендов, так что не мне удивляться местным странностям.

Ближе к вечеру Дилан снова повел меня к орлу, наверняка для того, чтобы навестить его знакомую. Я слегка нервничала перед первой встречей с незнакомым человеком из этого мира. Что она скажет? Как отнесется ко мне? А если я опозорюсь и сделаю что-то не то?

Так, во всяком случае, я считала – что страх, сосущий под ложечкой, есть ничто иное как волнение интроверта. Уже потом, много позже, я задавалась вопросом: не предчувствие ли так отчаянно мешало мне дышать всю дорогу до старинного особняка на границе густого непроходимого леса. Но даже если оно им и было – я успешно отмахивалась от интуиции.

Хотелось задать Дилану еще тысячу вопросов, но он явно не был настроен болтать. Хотя все еще сжимал мою руку, свободной с легкостью управляя орлом.

Дневной свет стал тусклее, и я поняла, что близится сумрак. Здесь это как-то особенно отчетливо ощущалось. Быть может, во всеобщем настроении, а может, и природа работала по-другому. Вряд ли здесь вообще действовали земные законы. Точно не в облачном бассейне.

Я чувствовала, что начинаю уставать от свалившейся на голову информации. Нужно вернуться домой, позвонить отцу, а потом немного поспать. Пусть здесь время и идет иначе, я-то не спала больше суток! И если бы не боялась лететь на здоровенной хищной птице, то непременно бы уснула прямо здесь.

Наконец центр остался позади, а следом за ним и спальные кварталы. Мы определенно направлялись за город, хотя пики академий все еще хорошо виднелись. Но лес впереди, кажется, был нескончаем. Когда орел пошел на снижение, я рассмотрела несколько особняков,

расположенных на расстоянии друг от друга. К каждому примыкала территория с садом, огороженная красивым кованым забором.

– Что это за место? – спросила я.

– Оно называется Академия Идеальных. Хотя это неофициальное название, пансион не имеет статуса учебного заведения.

– И зачем мы здесь?

– Сейчас, – улыбнулся Дилан.

У меня по коже прошелся мороз. Но я связала это с прохладным вечерним ветерком.

По вымощенной темно-красным камнем дорожке мы поднялись на крыльцо, и дверь сама собой распахнулась, приглашая нас внутрь. Академия сразу мне не понравилась: какая-то совсем не подходящая сияющей сказке, что показал Дилан. В другой ситуации я бы назвала внутренние интерьеры особняка сдержанными, строгими и классическими, а сейчас показалось, что даже стены, выкрашенные в темно-серый цвет и разбавленные лишь сияющими светильниками и картинами в позолоченных рамках, излучали холод.

– Ваше высочество... я не ожидала увидеть вас.

Я увидела самую красивую женщину в мире. И самую роскошную. Она появилась на лестнице бесшумно, и так же бесшумно спустилась к нам. Казалось, она не идет, а плывет, и я была почти готова увидеть за ее спиной крылья, но женщина оказалась самой обычной.

Но очень, **ОЧЕНЬ** красивой. Роскошные светлые волосы тяжелыми кудрями рассыпались по плечам. Темно-бордовое платье облегло фигуру, а руки в черных кружевных перчатках сжимали небольшую тетрадь с золотистыми вензелями на обложке. У женщины была ослепительная приветливая улыбка и очень холодный взгляд. От такого контраста стало не по себе.

– Эржбет, – усмехнулся Дилан, – только не лги, что рада меня видеть.

– Что вы, Ваше высочество, ложь – роскошь, давно мне недоступная. Во всяком случае рядом с вами. Представьте свою спутницу?

– Конечно.

Я нервно улыбнулась, но, полагаю, улыбка получилась вымученной.

– Это Грейс. Она в полном твоём распоряжении, Эржбет.

Постойте-ка... что?!

– Она обладает магией? – спросила женщина.

– Нет, она из другого мира.

– Дилан, что это значит? – тихо спросила я.

Хотя под задумчивым и каким-то усталым взглядом этой Эржбет ощущение грядущих неприятностей стало нестерпимым.

– Скажи спасибо за прогулку, Грейс, и слушайся Эржбет.

– Дилан, я очень надеюсь, что Эржбет – это стилист и визажист, потому что иначе...

– Еще увидимся, Грейси.

Он не дал мне договорить, просто развернулся и ушел! Открыв рот, я смотрела, как медленно закрывается дверь, отрезая солнечным, уже по-закатному красноватым, лучам света доступ в мрачный особняк.

– Идем в мой кабинет, Грейс, – со вздохом произнесла женщина.

Она все еще казалась мне идеальной, но сейчас еще и опасной.

– Нет уж, к черту! – воскликнула я. – Я ухожу! И передайте...

Меня отбросило от двери с такой силой, что я запуталась в подоле и больно упала на спину. От неожиданности из легких выбило весь воздух, а на глазах проступили слезы.

– Ты не покинешь это место до тех пор, пока я не разрешу, – холодно и строго произнесла Эржбет. – Здесь круглосуточно дежурят маги. Даже ночью. Я спишу твою глупую выходку на неопытность, но за следующий проступок жестоко накажу. А теперь поднимайся – и я отвечу на твои вопросы.

Показалось, что меня окатили ледяной водой. Следовало благодарить отца за то, что с малых лет привлекал меня к работе в баре: я могла сохранять самообладание даже видя перед собой откровенного неадекватата. Но Эржбет до неадеквататов было далеко, а Дилан просто ушел, оставив меня наедине с самым главным вопросом.

Когда и как, черт подери, я вернусь домой?

Мне не хотелось отвечать на него самой себе.

Я поднялась, отряхнула платье и закусил губу от боли: падая, я ударилась локтем. Аж искры из глаз посыпались! Хуже, наверное, только вписаться в ножку кресла пальцем ноги.

Вслед за Эржбет я поднялась на второй этаж, попутно пытаюсь осмотреться и приметить пути к отступлению. Но внутри особняк будто казался в разы больше, чем снаружи. А еще – судя по гробовой тишине – был совершенно пуст.

Эржбет впустила меня в большой кабинет с красивыми панорамными окнами, выходящими на темный лес. В только-только наступающих сумерках он выглядел зловеще и мрачно. А может, на меня так подействовала гнетущая атмосфера этого места. И холод, исходящий от женщины. Холод и грусть.

У нее было много книг. В детстве мне казалось, что человек, у которого много книг, не может быть злым. Жаль, что детство давно закончилось.

– Садись, – Эржбет села за стол и кивнула на кресло напротив.

Я не сдвинулась с места.

– Не упрямься, Грейс, это не в твоих интересах.

– В моих интересах вернуться домой, меня ждет отец.

– Это невозможно. Мне жаль.

– И почему же?

– Так решил Его высочество.

– Но это ваше высочество. И я – не его собственность!

Я даже не его девушка, похоже.

– Обычно я не даю объяснений девушкам, которые ко мне приходят. Но для тех, кого приводит Его высочество, делаю исключения. Цени это, Грейс. Сядь!

Я вздрогнула от громкого командного голоса и против собственной воли опустилась в кресло. Это удовлетворило Эржбет, и она кивнула.

– Хорошо. Ты знаешь, что это за место?

Я молча покачала головой.

– Нас называют Академией Идеальных, хотя официального статуса академии у нас нет. Официально мы – частная школа, пансион для девушек, не обладающих магической силой.

– Прекрасно, и причем здесь я? Я закончила школу в своем мире. И не понимаю...

– Не перебивай, Грейс. Мы здесь не выдаем дипломы, хотя в программе есть различные предметы. Мы готовим спутниц для высокопоставленных лордов Магии. Идеальных спутниц.

В который раз за день у меня открылся рот.

– Вы...

Потом закрылся. В глубине меня все еще сидела маленькая воспитанная девочка.

– Обычно девушки приходят к нам добровольно, однако иногда их приводят лорды. Поэтому наша академия надежно защищена, убежать из нее невозможно. Тебе придется принять наши правила, усердно учиться и подойти во всеоружии к главному приему года, на котором твой хозяин подтвердит намерение взять тебя к себе по завершении академии. Кстати, обучение длится год. И кстати, дорогая, закрой рот, это неприлично.

– Вы что, здесь элитных шлюх готовите?

– Я передумала, открой обратно. Над тем, что из него исторгается, предстоит много работать. Мы готовим не шлюх, а идеальных спутниц для сильных мира сего. Идеальных во всем, Грейс. Во внешности. В общении. В игре. В постели. Во всем. Каждая выпускница моего пансиона всю жизнь принадлежит одному мужчине.

– То есть она его жена?

– Нет, – улыбнулась Эржбет. – Не жена. Заполучить идеальную – единственный законный способ уйти от обвинений в измене. Девушки идут ко мне затем, чтобы устроить свою жизнь. После выпуска они ни в чем не нуждаются, купаются в роскоши, живя в тени своих лордов.

Я снова закрыла рот. Эржбет напряглась. Но на этот раз у меня не осталось слов.

– Но тебя привел принц, ты на особых условиях. Будешь участвовать во всех мероприятиях академии на общих основаниях, однако после выпуска отправишься к Его высочеству.

– А если я не хочу? У вас что, нет правоохранительных органов? Это похищение! Я хочу вернуться в свой мир!

– Грейс, это принц. Ему не говорят «нет». И я не стану. А если ты посмеешь, то быстро пожалеешь. Грейс, ты не первая иномирянка, приведенная Его высочеством. Они все были такие же: огромные испуганные глаза, синее платье, светлые волосы. Угрозы, торг, возмущения. Некоторые пытались бежать, вредили другим девушкам или себе, некоторые оказывались благоразумнее и принимали правила игры. Но все...

Она выпрямилась в кресле и посмотрела мне прямо в глаза.

– Каждая из них через год становилась нашей достойной выпускницей.

– И где же они теперь? Или у принца есть целый гарем?

– Это не мое дело, Грейс. Я занимаюсь девушками только до выпуска. Дальше их судьбу решают хозяева.

Я закрыла глаза. В висках пульсировала боль, а желудок сжимался в спазмах, но, к счастью, с обеда прошло достаточно времени, чтобы можно было не бояться, что меня стошнит.

Эржбет, к моему удивлению, со вздохом поднялась и открыла небольшой секретер. Извлекла оттуда бутылку с сапфировой жидкостью, два хрустальных бокала и налила что-то явно алкогольное – по комнате поплыл можжевелевый аромат.

– Выпей. – Она протянула мне бокал. – Полегчает.

Не стоило пить из чужих рук, оказавшись в такой ситуации, но во мне уже не было энергии на сопротивление. Эмоции, мысли и страхи смешались в дурацкий салат с абсолютно несочетающимися ингредиентами: злостью на Дилана, страхом перед будущим, совершенным непониманием происходящего и... стыдом перед отцом, который оказался прав.

Нельзя было верить Дилану! Нельзя было ехать с ним!

Но ведь нас многие видели. Папа проспится, поймет, что я исчезла и поднимет на уши всех! Полицию, знакомых, клиентов! Нас вспомнит девушка из минимаркета на заправке, кто-нибудь отследит мобильник. Он до сих пор лежит у меня в кармане и, хотя я пару раз доставала и смотрела на неизменный статус «нет сети», он наверняка трекнулся в доме Дилана.

И что? Полиция прижмет его к стенке и Дилан расколется про другой мир? Так бывает только в сериалах, да и то в основном сезону к пятому.

А теперь Эржбет казалась понимающей и даже заботливой.

– Много в этой жизни несправедливо, Грейс. Ты сейчас напугана и обижена, но в жизни бывают и более страшные потрясения. Поверь мне.

– Откуда вы знаете? – Я замахнула стакан с джином и поморщилась. – Раз Дилан приводил много девушек.

Алкоголь на голодный желудок и волнение мигом вскружил голову, но спокойствия, вопреки ожиданиям Эржбет, не добавил. А вот

куража – еще как! Я была далека от того, чтобы пытаться вылезти через окно, но не собиралась и сдаваться. Основная проблема была даже не в том, чтобы выбраться отсюда – выход найдется, я уверена. Основная беда в том, что портал на Землю находится в королевской оранжерее, и вряд ли в нее так уж просто проникнуть.

Как же я вляпалась! Никогда в жизни больше не влюблюсь!

– Идем, тебя нужно переодеть в форму. Другие девушки уже готовятся ко сну. Все остальное – завтра. Ах, да... Ступай за мной.

Вскоре я потерялась, плутая за Эржбет по длинным темным коридорам особняка. Не следовало пить джин, он притупил реакции. Особняк изнутри был просто огромен, но ни в одну из дверей заглянуть не удалось. На них не было табличек и номеров.

Женский пансион, готовящий любовниц для богатых магов... так вот что скрывается за блеском солнечной Магии. А я уж было подумала, что хотя бы в параллельной вселенной есть островок света и всеобщего счастья.

Мы спустились вниз и, по ощущениям, уже давно опустились под землю. Здесь было прохладно и особенно тихо, ни одной живой души! Наконец Эржбет остановилась перед внешне ничем не примечательной дверью, взялась за ручку и склонила голову.

– За этой дверью, Грейс, то, что должно раз и навсегда избавить тебя от желания сбежать. Я не испытываю удовольствия от этого, но я – руководитель пансиона, и обязана поддерживать дисциплину. Идеальные девушки не нарушают правила.

С негромким скрипом отворилась дверь, и я ахнула, увидев тесное темное помещение с одной-единственной узкой деревянной койкой. На ней сидела девушка. Роскошные рыжие волосы спутались и висели вдоль лица грязными сосульками, а исцарапанные руки сковывали массивные кандалы.

– В моей академии у воспитанниц есть все: еда, крыша над головой, образование и гарантия золотого будущего. И те, кто этого не ценят, оказываются на месте Одетты.

Девушка, кажется, настолько устала, что даже не обратила на нас внимания, а Эржбет закрыла дверь и улыбнулась, будто мы только что обсудили светские сплетни за чашечкой кофе.

– Тебе все понятно, Грейс? Идем переодеваться в форму или желаешь занять соседний с Одеттой номер?

Стены коридора превратились в клетку. Стало душно и темно, я помотала головой, чтобы избавиться от тумана, но стало только хуже. Каким-то чудом я заставила себя сделать шаг, за ним еще и еще, пока следом за Эржбет не вышла наверх, где дышать стало не в пример легче. Когда она открыла еще одну дверь, я уже была готова ко всему, но внутри оказалась обычная прачечная с рядами стеллажей, где ровными стопками оказались уложены полотенца, одежда и прочий текстиль, необходимый академии-борделю.

– Как же я ненавижу этим заниматься, – пробормотала Эржбет. – Обычно это делает Элен. Так, какой у тебя размер... вот.

Она сняла с полки несколько стопок чего-то черного.

– Это – форма академии. Она должна быть на тебе постоянно. Первое правило: форма надевается утром, перед завтраком, и отдается в прачечную вечером, перед отбоем. Спать в форме, надевать несвежее платье, носить помятую форму или испачканную – запрещено! Переоденься и отдай мне свою одежду, она тебе больше не понадобится. Все остальное получишь завтра. Полотенце для умывания, ночная сорочка и халат на твоей постели в спальне под номером девять. Давай скорее, Грейс, у меня нет времени с тобой возиться.

Чувствуя странную, накатившую внезапно, слабость, я отошла за ширму и принялась переодеваться. Формой академии служило относительно короткое – на пару сантиметров выше колен черное платье с белоснежным кружевным воротничком. Когда я посмотрела на себя в зеркало, то почувствовала, что еще немного, и правилом про запрет ношения грязной одежды придется воспользоваться – меня сейчас стошнит!

Если бы неизвестный волшебник вдруг предложил мне оказаться сейчас рядом с Диланом, я бы вцепилась ему в лицо! Еще недавно я раздумывала над его предложением, а сейчас убила бы его и не поморщилась!

– Ты готова, Грейс?

Снимая платье, я почувствовала странную тяжесть, и в последний момент опомнилась: телефон!

Здесь не было связи с Землей, зато мобильник служил единственной ниточкой, связывающей меня с домом. Сейчас он стал слишком ценным, чтобы просто выбросить его вместе с чужим

платьем. Благо, в форменном наряде были карманы, и я быстро переложила телефон, убедившись, что он на беззвучном режиме, а яркость убрана на минимальное значение.

Буквально через секунду после того, как я сделала это, за ширму заглянула Эржбет.

– Отлично. Обувайся, и пойдем.

К платью шли обычные черные лодочки.

– Тебе много всего понадобится, разберемся с этим завтра. С утра прочитаешь устав академии и выучишь его к вечеру, я буду спрашивать. Если не выучишь – накажу. С остальным тебя познакомят девушки. Ах, да... Грейс, в моей академии категорически – слышишь, категорически! – запрещены свары, ссоры, драки, интриги и скандалы. Тебе ясно? Дружи с девочками, не лезь в бутылку.

Мы вновь оказались в холле, и я с тоской посмотрела на дверь. За ней меня ждала свобода. Или хотя бы первый шаг к свободе, потому что выбраться из академии мало, нужно добраться до отца. И как это сделать, совершенно неясно. Господи! Он же сходит там с ума! И корит себя за пощечину, за сказанные в гневе слова.

«Или не может продрать глаза после попойки», – совершенно не к месту подумалось вдруг.

Эржбет остановилась у подножия лестницы, рассеянно огляделась, будто вспоминая, что еще мне не сказала, но в итоге просто махнула рукой:

– Слишком поздно, я ужасно устала. Продолжим завтра. Сейчас покажу тебе комнату. Ты тихо войдешь, найдешь единственную свободную постель со стопкой чистых полотенец, ляжешь и проспишь до самого подъема. Тебе ясно, Грейс? Не смей никого тревожить!

– Хорошо, – нехотя ответила я.

– Чудненько. Тогда...

Она осеклась, потому что входная дверь с едва слышным скрипом открылась сама собой, впустив в холл сумерки. Я успела рассмотреть двоих охранников у дверей, а потом увидела гостя – и застыла.

В нем было что-то пугающее, не столько в облике, сколько во взгляде. На темно-синем камзоле блестели какие-то нашивки: возможно, мужчина был здешним чиновником или военным. На черных, как смоль, коротко стриженных волосах виднелись капли воды – на улице шумел дождь.

– Что ты здесь делаешь, Бренн? – резко и даже гневно спросила Эржбет.

– У меня может быть лишь одна причина явиться сюда, – с легкой хрипотцой и явной насмешкой сказал незнакомец.

Он скользнул по мне взглядом, задержавшись всего на пару секунд, но я почувствовала, как пол уходит из-под ног и схватилась за перила. Это еще больше развеселило гостя.

– Кажется, твоя дебютантка немного... как бы сказать? Нажралась?

– Грейс, ты идешь вот в эту дверь. – Эржбет тоном, не терпящим возражений, ткнула пальцем в нужную сторону. – Твоя комната под номером девять. Немедленно!

Ничего не оставалось, как поползти – а у меня и впрямь получалось скорее ползти, чем идти – куда велено. Я чувствовала взгляд загадочного Бренна, от него по спине прошел холодок. Прежде, чем темнота очередного темного коридора отрезала меня от звуков из холла, я услышала:

– Хочу внести залог за идеальную. И ты не имеешь права мне отказать, Эржбет, как бы ни ненавидела. Я – советник Его величества.

Потом я начала отсчитывать двери. В тусклом свете одного-единственного на весь коридор ночника я кое-как рассматривала цифры, ища нужную. Мне было так плохо, что мысль лечь прямо в коридоре не казалась такой уж кощунственной! Голова кружилась, желудок то и дело скручивало от спазмов. Состояние напоминало нечто среднее между опьянением и низким давлением, которое иногда накрывало всех, кто жил у моря, в низине.

Наконец я схватилась за нужную ручку. Стараясь не шуметь, ввалилась в комнату, ухватилась за стену и сползла на пол, осознав, что не смогу сдвинуться с места.

– Это еще кто? – послышался чей-то голос.

– Похоже, новенькая.

– Что это с ней?

– Она же не собирается спать здесь?

– Какое тебе вообще дело? Не наши проблемы, пусть спит, где хочет.

– Девочки, вы невыносимы!

Перед глазами все расплывалось, поэтому я даже не пыталась рассмотреть обладательниц голосов.

– Эй, ты как? Тебе плохо? Как тебя зовут?

– Грейс... – Язык тоже ворочался с трудом.

– Идем-ка, Грейс, я уложу тебя на постель. Давай, поднимайся... вот так, осторожнее.

Кто-то подвел меня к кровати, отогнул покрывало и помог сесть. Я закрыла глаза, проваливаясь в сон, но девушка, в лицо которой я никак не могла всмотреться, похлопала меня по щекам. Это было как во сне, когда невозможно сфокусировать взгляд и приходится преодолевать неведомую силу, мешающую двигаться.

– Не спи! Ты должна переодеться, иначе завтра тебе влетит. Давай, вот твоя рубашка. Девочки, отвернитесь, вы ее смущаете!

Я попыталась сказать, что мне плевать, и я совсем не стеснительная, но смогла издать невнятное «м-м-м». И зачем только я переодевалась в форменное платье, если сейчас надо раздеться и бросить его в корзину для белья?

– Ты была в кабинете Эржбет, да? Нельзя пить джин в кабинете Эржбет. Это всегда заканчивается вот так. Ничего, завтра все пройдет, ложись.

Опустившись на подушку, я почувствовала облегчение, будто закончила интенсивную тренировку. Сердце колотилось с бешеной скоростью. Тоскливо подумав, что если то, что подмешала в джин Эржбет вдруг вызовет у меня тахикардию или какой-нибудь гипертонический криз, меня вряд ли кто-то будет спасать.

А Дилан наверняка найдет себе новую дурочку.

Мои соседки быстро уснули, а мне мешали «вертолеты». Голова кружилась при каждой смене положения, будто я выпила не пару глотков, а всю ночь кутила с компании текилы! Наверное, так себя чувствовали посетители папиного бара, когда увлекались коктейлями и потом жаловались, что их укачивает при виде моря.

Море... папа. Мне снова стало грустно при мысли о нем. Я старалась не расплакаться, но все равно несколько раз всхлипнула, надеясь, что соседки уже спят и не услышат. Несмотря на адскую слабость, я долго смотрела в потолок, не спеша отключаться. В глубине души еще теплилась надежда, что завтра я открою глаза в нашем трейлере и за утренней уборкой перескажу папе странный сон.

О другом мире, полном солнечного света, о белых орлах, парящих над академиями-близнецами, о бассейне, полном облаков. О принце-предателе, растоптавшем мою первую любовь и о мрачном особняке, скрытом и от солнечного света и от понятий добра и порядочности. Об академии, в подвале которой страдает рыжеволосая юная девушка. О тюрьме, из которой мне только предстоит убежать.

Уже засыпая, я вдруг почувствовала приятный летний ветерок – окно в спальне было открыто. Балансируя на краю между сном и явью, я вдруг совершенно четко услышала:

–Луна...

Мгновенно протрезвев, я вскочила на постели. Но четыре девушки-соседки крепко спали, а за окном царила совершенная тишина.

Бренн Фаренгейт ненавидел счастливые концовки за лицемерие. Всегда есть тот, для кого концовка совсем несчастливая, иначе, Гелиос подери, это не книга, а дерьмо. Герои победили злодеев, и вернули миру солнце, но для кого-то путь окончен, для кого-то конец совсем не счастливый, но...

Всем плевать.

Он ненавидел счастливые концы за то, что, в отличие от большинства, не умел отмахиваться от второстепенных никому не интересных трагедий и радоваться на руинах чужих судеб. Может, это потому что Бренн и сам был второстепенным героем, на трагедию которого всем было плевать.

Самое кровоточащее воспоминание – последний вздох невесты под грохот праздничного фейерверка.

Станешь тут приятным человеком.

Эржбет влетела в кабинет, готовая метать молнии. «Хорошо, что она рассветница», – подумал Бренн. Сейчас у Эржбет не было магии. На то и расчет.

– Что ты здесь делаешь, Бренн? Я надеялась, ты забудешь о моем существовании, как и обещал.

– Я уже ответил на этот вопрос, Эржбет. Я здесь, чтобы внести залог за идеальную.

– Ты не получишь девушку! – отрезала она.

– Это не тебе решать.

Эржбет никогда не отличалась сдержанностью, она умела играть холодную стерву только перед своими воспитанницами. Бренн знал, что один его вид выводит ее из себя, и предпочел бы не бередить старые раны. Но ему нужна идеальная. Сейчас или никогда.

– Я советник Его величества, с разрешения которого действует твоя академия. Я – князь Фаренгейт. И имею право на идеальную.

– Ты разведен, богат, хорош собой, ты можешь получить любую девушку, стоит только поманить.

– Но я хочу идеальную.

– Мы не делаем здесь с ними ничего такого, что делало бы их особенными. Это просто воспитанные девушки, вот и все. И капелька правильной работы с репутацией.

– Хочу такую.

– Нет.

Она отвернулась к окну и замерла. Изящная фигура, контуры которой нежно обрисовал лунный свет. Когда-то Эржбет была первой красоткой Магии. Возможно, из-за этого у них с королевой были такие сложные отношения. Бренн даже думал, что после смерти королевы Эржбет вздохнет с облегчением, но... жестоко ошибся.

– Ты уничтожил мою семью.

– Ты знаешь, что я этого не хотел.

– Нет, Бренн, хотел.

– Только Эрмес. Его семья не должна была пострадать. Они...

– Скажи имя, Бренн. Кто не должен был пострадать? За какую цену ты продал их жизнь? За Ариадну? Думаешь, она смогла бы стать твоей женой после того, что ты сделал?

– Думаю, что нет смысла об этом говорить. Все случилось так, как случилось.

Она резко развернулась, глаза яростно сверкнули, и ему даже показалось, будто в кабинете стало светлее, но нет. Воображение играло с ним злые шутки.

– За то, что ты сделал, Бренн, ты должен носить траур до самой смерти! Каждое утро ты должен вставать с их именами на устах! Каждый вечер смотреть в зеркало и жалеть, что погибли мои девочки, а не ты!

Она сорвала с шеи массивный медальон на тонкой, сверкающей даже в полумраке, цепочке. Две половинки медальона – два портрета.

Светловолосая кроха, девчушка четырех лет. И она.

Ариадна. Его Ариадна.

Бренн не хранил ее портреты в доме. Во-первых, они бесили сына, а во-вторых при одном взгляде на тонкие черты лица, светлые локоны и легкую, чуть насмешливую, но все же добрую, улыбку внутренности превращались в битое стекло, а в воспоминаниях всплывали полные ужаса глаза и трепещущее в груди сердце, готовое разорваться в любой миг.

– Не смей говорить, что имеешь право мне приказывать! Я была княгиней, Бренн! Сестрой королевы! Вы отняли у меня земли, людей, титул, деньги, семью! Отправили сюда... ты думаешь, это легко?! Отдавать таким, как ты, этих девчонок? Учить их этикету, танцам, законам, а потом самолично ставить на полку, как куколок – легко?! Я постоянно думаю о том, что если бы Луна осталась жива, ей было бы столько, сколько им. Она могла бы быть среди этих девушек, и тогда я думаю, что, возможно, смерть – не самый страшный вариант для нее. А потом ненавижу себя за эти мысли.

Она прерывисто всхлипнула и снова отвернулась, оставив медальон на столе. Бренн с трудом отвел взгляд от портретов и нечеловеческим усилием избавился от постыдного желания спрятать его в карман.

Незачем. Он и так помнит все ее черты.

– Зря ты пришел, Бренн.

– Я могу все исправить, Эржбет. Я могу... ей помочь.

– Это невозможно.

– Ты не знаешь всех граней магии. Возможно все. Но мне нужна девушка. Пожалуйста, Эржбет. Мне нужна идеальная.

Она долго молчала, и мужчине показалось, что ответа он не получит. Наверное, если он обратится к королю, чтобы тот надавил на Эржбет, это не будет выглядеть подозрительно, но тогда точно узнает сын...

– Какую ты хочешь? – Ее голос прозвучал глухо и равнодушно.

Бренн уже знал ответ:

– Ту, что была с тобой сегодня, когда я пришел.

– Это невозможно. Ее привел принц. Он заберет ее после выпуска, он не откажется от нее.

– С этим я разберусь сам. Просто внеси мое имя в список приглашенных и возьми залог.

– Самое отвратительное, – произнесла Эржбет, садясь за стол и открывая книгу с записями, – я знаю, что ты лжешь. Но не могу заставить себя отказаться от призрачной веры в чудо. И однажды кто-нибудь жестоко тебя за это накажет.

Глава третья

Меня разбудили громкие голоса. Они звучали так ясно и звонко, что я совершенно точно поняла: поспать еще не получится. В голове был какой-то туман, хотя в теле чувствовались легкость и энергия. Только вот... я совершенно не понимала окружающую речь.

Вокруг говорили на незнакомом языке, довольно певучем и красивом. Сначала я подумала было, что отец снова забыл выключить телек, а потом вспомнила.

Дилан!

Застонав, я закуталась в одеяло и отчаянно взмолилась, чтобы неведомая сила перенесла меня домой. Но чудес не бывает. Дилан популярно это объяснил.

– Эй!

Одеяло кто-то стянул, а передо мной возникло лицо миловидной девушки с каштановыми кудрями и огромными голубыми глазами. Ничего, кроме «эй!» я не поняла, хотя она говорила что-то еще.

– Она не понимает вас, леди. Это Грейс, она из другого мира.

Чеканя шаг, Эржбет подошла к моей постели и недовольно поджала губы.

– Ты проспала подъем.

– Я ничего не слышала. Вы меня опоили!

Она поморщилась и махнула рукой.

– Не выдумывай. Ты устала, выпила алкоголя и отключилась, как и все девицы, не привыкшие к алкоголю.

Спорить не было смысла, и я закрыла глаза, чтобы хоть ненадолго спастись от яркого солнечного света.

– Твоя главная задача сейчас – выучить язык Магии, наше мироустройство, основные законы и правила. С этим тебе поможет профессор Руб. А это...

Она ткнула пальцем в голубоглазую девицу.

– Пейдж О’рен. Одна из наших лучших воспитанниц. Ты сможешь общаться лишь с ней до тех пор, пока не выучишь язык. И то – всего лишь до сумерек. Это послужит отличным стимулом. И да, Грейс, если ты попытаешься сбежать или нарушишь распорядок

академии, я накажу вас обеих. Я не знаю, что ты за человек, но на случай, если в тебе достаточно безрассудства, чтобы навредить тебе – помни об угрозе ни в чем не виноватой сокурснице.

Очень надеюсь, я посмотрела на Эржбет с ненавистью и презрением. Но ее вряд ли можно было пробить на эмоции таким примитивом.

– А теперь прими душ, переоденься и иди на завтрак. Постарайся успеть до девяти часов, потому что с половины десятого начинаются занятия.

Эржбет обернулась к остальным девушкам, с любопытством меня рассматривавших.

– Не нужно проявлять излишнее любопытство. Ступайте на завтрак.

Ванная оказалась в смежной комнате. Две крошечные кабинки не содержали ничего лишнего, только чугунные ванны на массивных бронзовых ножках, стойка для полотенец, скамья, на которой можно переодеться и небольшое витражное окно. Свет, проходящий через разноцветные кусочки стекла, пускал зайчиков на светлые стены. Пожалуй, здесь было даже уютно. Если бы академия в целом не производила гнетущее впечатление.

На стене над скамьей я нашла четыре небольших шкафчика. К каждому был прикреплен золотистый шильдик с именем.

«Грейс Голд» – гласила надпись на крайнем слева.

Дилан передал сюда всю информацию обо мне. Подонок!

В шкафчике я нашла кучу бутылочек – шампунь, мыло, бальзам, масло и все такое. Наполнив ванну, я позволила себе десять минут понежиться в горячей воде. Благо прямо перед глазами висели часы, до девяти оставалось пятнадцать минут.

Когда я вернулась в комнату, замотанная в полотенце, то увидела Пейдж.

– Ты ждешь меня? – спросила я.

– Конечно, ты же не знаешь, где столовая и кабинет профессора Руба. Эржбет велела мне за тобой приглядывать.

– Следить.

– Называй, как хочешь. Что ты такого сделала, что она так взъелась?

– Не проявила должного энтузиазма при зачислении, полагаю.

– Если так, то держи свои мысли при себе. Я не хочу оказаться в одиночной камере.

– Как Одетта? – вырвалось у меня.

– Одетта? – Пейдж будто удивилась, но тут же снова нацепила скучающую маску. – Да, как Одетта. Постарайся не подставить меня. Сидеть там в темноте, без еды, на привязи – довольно жутко.

– Потрясающее место, – буркнула я.

– На самом деле довольно неплохое, если соблюдать все правила и усердно учиться. Ты правда не хотела здесь учиться? Тогда что ты здесь делаешь?

Сначала я хотела соврать, но потом подумала – а какого черта? Пусть Дилан разбирается со слухами о том, как принц проводит досуг.

– Его высочество привел. Наврал с три короба и сделал предложение, не уточнив, что предлагал он... вот это.

– Ого. Я о таком не слышала. Раньше приема идеальных обычно не выбирают.

– Приема?

Пейдж кивнула.

– Ну да. Мы учимся несколько месяцев, а в это время влиятельные лорды, желающие получить идеальную, вносят залог. Все они, а также некоторые влиятельные гости, получают приглашения на прием, где присматриваются к девушкам и выбирают понравившихся. С этих пор каждая идеальная имеет хозяина, и начинается индивидуальное обучение: ее готовят именно для него.

Я тут же ухватилась за соломинку:

– А если девушку никто не выберет?

– Тогда ее отчислят. Поэтому мы все стараемся быть лучшими из лучших.

– Хорошо, а если двое лордов вцепились в одну девушку? Что тогда? Сойдутся в поединке? Эржбет предложит в качестве компенсации проигравшему сразу двоих?

– Это невозможно, – отмахнулась Пейдж. – Есть приоритет выбора. Члены королевской семьи, затем князья, затем другие лорды. К тому же всегда видно, кто уже занят, а кто еще ждет хозяина.

– Отвратительно, – поморщилась я.

Пейдж дождалась, пока я переоденусь в форменное платье, и мы вместе отправились на первый этаж, в столовую. Прежде я никогда в

таких не бывала, больше всего столовая напоминала класс с одноместными партами. Несколько десятков одинаковых девушек сидели за небольшими столиками и почти синхронно поглощали омлет.

– Рекомендую все съесть, – посоветовала Пейдж. – Нам нельзя набирать вес, а значит, вечером дадут пару морковок и яблоко.

Два столика в крайнем ряду были свободны, туда мы и сели. Меня поразила царящая в столовой тишина. Неужели такое количество девушек способно удержаться от бурного общения?

– А как... – начала было я, но Пейдж испуганно шикнула.

– Тихо! Во время приемов пищи запрещено разговаривать. Ешь, пожалуйста, молча!

– Потрясающее место, – буркнула я омлету.

Впрочем, недостаток общения быстро и с лихвой компенсировался напряжением от попыток тихо жевать. Никто в столовой не чавкал, не хрустел, не гремел приборами. Когда я уронила вилку, ко мне обратились сразу все взгляды присутствующих, и стало максимально неловко.

Итак, вывод первого урока такой: идеальная любовница должна есть тихо.

Справившись с омлетом, кофе и злаковым батончиком, мы дружно поднялись и отправились на занятия. Что ж, урок второй: идеальная любовница посуду не моет.

– До занятий полчаса. Сначала возьмем в библиотеке все необходимое, а потом отведу тебя к профессору Робу, – сказала Пейдж. – На обед пойдешь сама, должна была запомнить дорогу.

– Ты, похоже, не в восторге, что к тебе прикрепили новенькую, – заметила я.

Пейдж пожала плечами.

– Тебе кажется. Просто у меня много учебы, а я трачу драгоценное время на ерунду. Если успеваемость снизится, шансов на хорошего хозяина будет меньше.

Я поморщилась.

– А можем мы называть... гм... ИХ не хозяевами, а как-то иначе?

– Как?

– Не знаю. Покровителями? Спонсорами? Э-э-э... хахалями?

Впервые за утро Пейдж улыбнулась по-настоящему.

– Никогда не видела воспитанницы, которая так странно относится к самой концепции идеальных.

– То есть здесь все добровольно сдали себя в долгосрочную аренду?

– Конечно! А ты как думала? Иначе академии не позволили бы существовать.

Библиотека располагалась в дальнем крыле, в мансарде. Красивое, очень уютное помещение со странными шкафами, полными книг, журналов, свитков. В тихой части мансарды – везде висели предупреждающие знаки – за столиками сидели девушки и что-то сосредоточенно писали или изучали.

Урок третий: идеальные точно имеют право читать и писать. Прекрасно.

– Мне сложно представить мотивацию девушки идти сюда.

Библиотекаря – ну, или кто тут у них отвечал за книги – не оказалось на месте, так что мы сели на небольшой диванчик и принялись ждать.

– Это очевидно, Грейс. Мы все ищем лучшую жизнь. Да, идеальные не становятся княгинями, женами, официальными спутницами. Всю жизнь живут в тени, но это красивая, сытная и роскошная жизнь. В отличие от девушек легкого поведения у нас один партнер, есть отдельное жилье, мы не думаем о завтрашнем дне.

– А дети?

– Ну... – Пейдж стушевалась. – Довольно часто в идеальных влюбляются так сильно, что заводят с ними детей.

– Мерзко.

– Ну, смотри, в нашей комнате пять человек. Кларисса – дочь одного из артистов бродячей цирковой труппы. До тех пор, пока она не подросла, они использовали ее в представлениях для детей, а потом явно намеревались... сдавать ее для дополнительного заработка, так что она сбежала сюда. Феникс – сирота, сначала она пыталась работать, потом – воровала, потом связалась с какой-то компанией, те ее кинули, выбросили на мороз, она очнулась в лекарском доме и какая-то соседка посоветовала ей написать Эржбет. Феникс должна была учиться здесь еще в прошлом году, но не успела восстановиться. Эржбет вложила в нее кучу денег и рассчитывает выгодно пристроить. Татия на первый взгляд из обеспеченной семьи, ее отец, конечно, не

князь, но богатый лорд. Но она хоть и не распространяется о своей семье, явно не от хорошей жизни сюда пришла. И ей ни разу не пришло ни единого письма.

– Ну а что ты? – спросила я.

Пейдж пожала плечами.

– Мой отец пьет, а мама давно умерла.

Я вздрогнула и поежилась. Случайно ли Эржбет прикрепила меня к ней? Вряд ли, Дилан наверняка рассказал ей много интересного.

– Я решила, что будет проще стать идеальной, преумножить то небольшое, что у меня есть – красоту. Прежде, чем превращусь в замученную жизнью и бедностью тридцатилетнюю старуху, подающую напитки в какой-нибудь заштатной таверне.

Я скрипнула зубами и мысленно пообещала себе, что как только выдастся случай – придушу Дилана! Или Эржбет. Или обоих.

– И вы не боитесь, что хозяин будет обращаться с вами грубо? Что будет бить, издеваться? И это я сейчас еще привела мягкие примеры, чтобы по вине моей фантазии ты не дала деру прямо после обеда.

– Грейс, идеальные – не рабыни. Мы подписываем контракт, где все оговорено.

– Контракт на всю жизнь?

– Да, но в случае нарушения его хозяином, мы вправе уйти.

– А ты образец контракта читала?

– Нет, но Эржбет подробно все объяснила...

Я фыркнула – и на этом разговор закончился.

Закончился бы, если б Пейдж со свойственной ей невозмутимостью не поинтересовалась:

– А что насчет тебя? Я слышала, ты не хотела здесь учиться.

– Не хотела, – кивнула я, хотя в голове крутилось «И от кого это ты слышала?».

– И что будешь делать?

– А что я должна?

Судя по лицу Пейдж – выложить ей все свои тайные планы побегов, бунтов, революций и переворотов. На что рассчитывала Эржбет? Что я скажу «вылезу в окно, кустами доберусь до трассы, и автостопом доеду до границы с Мексикой»?

– Я здесь по желанию принца. То, что мне нужно, находится в его дворце. Самый простой способ – дожидаться выпуска из вашей

академии, уехать с ним во дворец и дело сделано.

Только есть две проблемы.

Первая: вряд ли Дилан позволит мне подойти к оранжерее, и я пока не знаю, что случилось с другими идеальными.

Вторая: год – это долго! Отец сойдет с ума!

Пейдж будто выдохнула и расслабилась. А я окончательно уверилась в том, что она не только вводит меня в курс дела, но еще и приглядывает по поручению наставницы.

Когда вернулась библиотекарь, Пейдж с явным облегчением подскочила и обворожительно ей улыбнулась. Я не знала, сколько времени прошло с начала их учебы, но чувствовалось, что некоторые девушки уже вошли в роль идеальных. Пейдж, например.

Увы, но смысла их разговора я не поняла, Эржбет дала мне возможность общаться лишь с Пейдж. Мне выдали несколько тетрадей, забавных бронзового цвета ручек, пару свитков и небольшую коробочку с чем-то гремящим внутри.

– Идем, тебя наверняка ждет профессор, а мне нужно успеть на урок танцев.

– Танцев? – ужаснулась я. – Мы еще и танцевать должны? Я думала, идеальные не выходят официально в свет.

– Иногда все случается.

Я как могла запоминала дорогу, а еще размышляла, пойму ли хоть слово профессора, и как вообще учиться, когда язык окружающего мира тебе совершенно не знаком.

Но коридоры были бесконечны и одинаковы! Я не запомнила ни одного поворота, и надеялась лишь на то, что по пути на обед кого-нибудь встречу и спрошу дорогу.

У одной из дверей Пейдж остановилась.

– Значит, так. Профессор Мердок Роб – преподаватель этикета, литературы, истории. Он кажется довольно лояльным, но только до тех пор, пока ты сдаешь все работы вовремя и не отвлекаешься на занятиях. На этом все.

– погоди! – остановила я Пейдж.

Не знаю, почему мне вдруг кровь из носу понадобилось это узнать, но я поняла, что не сдвинусь с места, пока не спрошу!

– Ты сказала, что девушек в комнате пять, но рассказала только о четырех.

– Ты пятая, Грейс.

– И до меня никого не было?

– Была Одетта, но она не вернется. Удачи на занятиях, Грейс.

С этими словами Пейдж буквально растворилась в многочисленных коридорах Академии Идеальных. А я отправилась учиться быть куколкой ненаследного принца.

И снова логика, казавшаяся нерушимой, потерпела крах. Я думала, в таких учебных заведениях могут преподавать или женщины, или глубокие старики. Во избежание, так сказать. Но Мердок Роб оказался... черт, да он словно сошел с календаря австралийских пожарных!

Широкоплечий, с правильными чертами лица и чуть вьющимися темными волосами. Он улыбнулся, когда я вошла.

– Ты, должно быть, Грейс?

– Э-э-э... да, я...

– Садись, пожалуйста, за первую парту. Тебе сказали, чем мы займемся?

– Я-а-а...

Я хотела спросить что-то вроде «и какой процент идеальных влюбляются в молодого профессора?», но вовремя прикусила язык. Хорошо, я многого не понимаю в этом мире, и не уверена, что хочу разбираться.

– Мне сказали, что для начала я должна выучить язык.

– Тогда начнем. Садись, – снова пригласил профессор.

Может, он евнух? Или гей. Или на нем какое-нибудь жуткое мрачное заклинание типа «при попытке соблазнения ученицы разверзнутся небеса и молния ударит прямо в темечко».

– Грейс? Ты в порядке?

– Да, простите. Вчера был сложный день.

Профессор со вздохом отложил мел, который было взял в руки. Мне стало неловко, когда он сел на преподавательский стол и задумчиво отряхнул руки.

– Эржбет сказала, что ты не совсем... в восторге от пребывания здесь. Не поделишься переживаниями?

– Эржбет плотно взялась за меня. Не только вы пытаетесь выпытать все, что я чувствую.

– Нам не нужны проблемы, – пожал плечами преподаватель. – Но я спрашиваю не только по просьбе Эржбет. Знаешь, мне всегда было интересно, почему девушки идут сюда. Не с точки зрения их мотивации – она всегда простая. А с точки зрения представлений о будущем. Как они его видят. Кто-то считает, что будет королевой в окружении слуг, кто-то собирается творить добро чужими деньгами. Эржбет не одобряет такие разговоры, но мы даже пишем сочинения на такие темы.

– Уверена, над ними ржет весь преподавательский состав.

– По стремлениям и мечтам можно многое понять о человеке. О чем ты мечтаешь?

– Вернуться домой, – не думая, ответила я.

– Вот тебе первый урок Академии Идеальных, Грейс. Формулируй свои желания предельно четко. Мироздание может тебя удивить. Вдруг оно считает, что ты уже дома?

Надо отдать ему должное: профессор умел располагать к себе. До сих пор я твердо решила держаться холодно и отстраненно, как настоящая стерва. Но стоило кому-то проявить участие – и я расклеилась.

– Что он с ними делает? – Вопрос вырвался сам собой.

Отвернувшийся было к доске, профессор Роб снова обратился ко мне.

– Прости?

– Принц. Эржбет сказала, я не первая иномирная, которую привел Дилан. Что с ними происходит? Что он с ними делает? Для чего забирает?

– Я не знаю, Грейс. Мне не известны подробности о жизни идеальных вне стен академии.

– Но ведь ничего хорошего, так? Раз ему нужны новые и новые?

– Прости. Ничем не могу помочь.

– А что сделала Одетта? За что ее наказали?

Брови профессора удивленно взлетели.

– Эржбет рассказала об Одетте?

– Даже оказала.

– Одетта пыталась сбежать. Это все, что мне известно. Грейс, тебе не стоит слишком рьяно интересоваться такими вещами. Я – не враг тебе, но здесь у всех есть уши. Даже у стен.

– И что мне делать?!

Профессор Роб пожал плечами и написал на доске несколько символов, по очертаниям напоминающих руны.

– Мы начнем с простых слов, чтобы ты поняла принцип письма и чтения. А затем перейдем к звукам и произношению. Пожалуйста, открой тетрадь и запиши это слово с доски. Постарайся обратить особое внимание на черточки и точки, это – интонационные знаки. От них подчас зависит смысл всей речи.

Я старательно перерисовала руны в тетрадь.

– И что это слово значит? – спросила я.

– «Сражайся», – невозмутимо отозвался профессор.

К обеду я выучила все звуки, десять раз поцокала языком, как будто пыталась выковырять из зубов зелень, и заучила несколько фраз.

«Доброго рассвета, мое имя Грейс Голд, и я – воспитанница Академии Идеальных».

«Благодарю, все в порядке».

«Извините, я еще плохо понимаю язык».

«Не могли бы вы мне помочь».

«Спокойного сумрака».

И еще одну, по моей большой просьбе (профессор даже рассмеялся, услышав ее):

«Пройдите, пожалуйста, к черту».

– Только не используй ее в разговорах с Эржбет, а не то я потеряю работу.

Когда дали звонок на обед, я быстро собрала вещи и поспешила к выходу, чтобы не опоздать.

– Жду тебя завтра, Грейс, – напомнил профессор. – Сделай, пожалуйста, все задания. Это важно... вне зависимости от того, насколько идеальной воспитанницей ты станешь.

Что ж, профессор Мердок Роб – единственный глоток свежего воздуха в этом заведении.

Вот только... быть им оставалось ему минут десять. Их я потратила на то, чтобы поблуждать по коридорам, трижды пройти мимо одной картины с усатым и носатым мужиком в старинном камзоле и жабо, забрести в какой-то непонятный темный коридор, вернуться к кабинету с табличкой «М.Роб» и вздохнуть.

– Ладно, я заблудилась, а он сказал, что на моей стороне. Я же не прошу его проводить меня на обед. Пусть... нарисует карту. Со стрелочками.

Но все же было немного страшно, что хорошее отношение первого преподавателя в этом мире, испарится, едва я совершенно по-дурацки затуплю.

Я осторожно постучала и, не услышав ответа, толкнула дверь. Возможно, не думай я, что профессор уже ушел, то не так нагло бы попыталась вломиться в его кабинет, но на самом деле я была уверена, что он ушел. Обедают же они!

Поэтому, обнаружив профессора в недвусмысленной позе возле преподавательского стола и обнимающей его длинными ногами девицы в форменном платье, я зависла, открыв рот. А когда узнала в девице Пейдж, то окончательно потеряла способность двигаться и думать.

– Грейс! – Пейдж охнула, увидев меня, а профессор отскочил от нее, ударился поясницей о парту и охнул.

– Извините... – закашлялась я. – Не смогла найти столовую и решила спросить дорогу.

Вот так академия идеальных.

– Я... уже ухожу.

Прежде, чем они что-либо сообразили, я выскочила из кабинета и юркнула в ближайший коридор. Сердце билось так, словно я не застучала сокурсницу в объятиях преподавателя, а по меньшей мере наткнулась на инопланетную тварь.

Плевать, доберусь я до столовой, или нет. Голова раскалывается! Я как будто смотрела в кривое зеркало. Этот мир не имеет ничего общего с тем, что показывал Дилан. За золотом, светом и магией скрывается много темных пятен.

– Начинаю тоже ненавидеть рассветников, – буркнула я.

Послышались торопливые шаги, и я не успела юркнуть в убежище. Острые коготки Пейдж сомкнулись у меня на запястье. Девушка потащила меня к ближайшему классу и бесцеремонно впихнула внутрь.

– Эй! Уймись! – рявкнула я. – Оставь меня в покое!

– Ты...

– Мне плевать на твою личную жизнь, ясно?

От уверенной в себе благовоспитанной ученицы не осталось и следа. Глаза Пейдж лихорадочно метались, а губы и волосы еще хранили следы учиненного профессором Робом беспорядка.

– Грейс, только не говори никому, пожалуйста! Они же... они меня убьют! А Мердока уволят... или еще хуже!

– Что же может быть хуже увольнения из такого потрясающего места?

– Грейс, я серьезно! Мы просто... это глупое чувство, но я не смогла устоять, ты же видела, какой он!

– Избавь меня от подробностей.

– Мы неправильно поступаем, но обо мне никто так не заботился! Никто не относился ко мне с такой нежностью.

– Тебя через год прикрепят к какому-нибудь толстосуму. Которому будет плевать на твои романтические чувства. И что будешь делать?

– Еще не решила. – Пейдж тоскливо вздохнула. – Мердок хочет найти денег на залог, но Эржбет вряд ли позволит ему получить идеальную. Поэтому я наслаждаюсь каждым мгновением. Грейс, я умоляю, никому не говори!

– Хорошо. Но ты перестанешь шпионить за мной.

– Эржбет требует, чтобы я докладывала...

– Говори, что все хорошо. Что я не в восторге от пребывания здесь, но не вижу выхода. Что я жду встречи с принцем, чтобы зарядить ему промеж глаз и высказать все претензии. И что меня очень выматывает учеба, совсем нет сил на глупости. Пейдж, я серьезно, если хоть одна личная вещь, которая станет тебе известна, просочится к Эржбет, я нарисую плакат «Свободу отношениям Мердока и Пейдж!» и устрою митинг в холле.

Пейдж побледнела, обхватила себя руками – и мне стало стыдно. Но вот она вряд ли испытала бы угрызения совести, докладывая о наших разговорах Эржбет.

– Хорошо. По рукам. Я ничего не скажу о тебе. А ты – обо мне.

– По рукам. И еще кое-что...

Пейдж была готова застонать, и я фыркнула.

– Покажи мне, где столовая. И нарисуй карту академии, потому что я больше не хочу вламываться в чужие шкафы и беспокоить скелеты в них.

Итого мы имеем: мой парень оказался принцем из другого мира. Принц из другого мира – мудаком, заманившим меня в академию для эскортниц. И там я встретила Одетту – пытавшуюся сбежать бедняжку и связанную в подвале, и Пейдж – любовницу профессора.

И кормят здесь отвратно. Все бы отдала за лангустинов на гриле или мидий, запеченных прямо в раковинах! А вместо этого получила тарелку супа со злаковой булочкой, паровое мясо с овощами и чашку травяного чая.

Без углеводов я здесь сдохну раньше, чем улучшенную версию Грейс Голд представят принцу.

Зато в полной тишине обеда можно было подумать о том, как быть дальше. Рискнуть бежать? Не вариант, меня до дрожи пугала судьба Одетты. Я видела тюремную камеру старого особняка каждый раз, когда закрывала глаза. Всего несколько секунд – и Одетта стала моим наваждением, призраком, проклятьем.

Я никогда не смотрела жуткие фильмы про маньяков, похищения и пытки. Могла тоннами поглощать ужастики о злых духах и потусторонних демонах, но одна мысль о физической боли, о том, что кто-то получит абсолютную власть над ней, вызывала дрожь омерзения.

И увиденный наяву кошмар не выходил из головы. Сдерживал лучше стальных оков.

Самым простым действительно был вариант, изложенный Пейдж. Дождаться выпуска и попробовать проскочить к порталу. Но здесь возникает куча сложностей и «если»: если Дилан играет со своими куколками не во дворце, если куколки не успевают сказать «мяу», как отправляются на чердак со сломанными ручками, если пройдет слишком много времени...

Хотя нет, об этом думать нельзя. Если я начну в красках представлять, каким ударом для папы станет еще и мое исчезновение, то начну реветь прямо в суп и никогда его не доем.

Варианта вернуться домой немедленно просто не было, и мне это не нравилось. Даже самые дикие фантазии поначалу казались спасительными соломинками. Единственной ниточкой, связывавшей меня с домом, был мобильник. Украдкой, запершись в туалете, я смотрела на фотки в галерее. Те, что с Диланом, убрала подальше, в скрытую папку, оставив только папины. Он не любил

фотографироваться и – стоило быть честной – редко бывал в состоянии это делать. Но в те редкие минуты, когда папа улыбался, он будто молодел. Становился совсем другим человеком.

Мобильник неумолимо разряжался, хотя без сети и непрерывной работы это происходило медленнее, чем обычно. Но все же ему оставалось работать не больше пары дней.

После обеда мне надлежало заниматься, и я послушно сидела в комнате, боясь наткнуться на еще какие-нибудь мерзенькие тайны этого странного места. Но в голову не лезла учеба. Хотела бы я сказать, что размышляла о своей судьбе и двуличности открывшегося мне мира. Но все оказалось прозаичнее: я хотела есть.

Нет, не так, я хотела ЖРАТЬ! Как всегда в такие моменты думалось только о сочных бургерах, хот догах с пышными нежными булочками, мясе, зажаренном на гриле до хрустящей, но в то же время сочащейся корочки. Вот как можно выживать на девяти сотнях калорий в сутки?! Примерно таким вышел подсчет.

Ужин не спас положение: нам дали паровые овощи, все тот же безвкусный травяной чай и небольшую миску с орехами.

– Диетолога бы вам сюда, – вздохнула я.

Я едва ли продвинулась дальше второй страницы в учебнике с языковыми упражнениями. Приняла ванну самой последней и вознамерилась спать, когда разговор девчонок явно перетек на меня. Я совершенно точно пару раз услышала «Грейс», а еще они то и дело косились в сторону моей кровати.

– Эй! – окликнула я их. – Я вообще-то здесь.

Пейдж виновато потупилась.

– Обсуждайте меня, пожалуйста, вне моего поля зрения. Это отвлекает.

– Мы тебя не обсуждаем, – вздохнула Пейдж. – Мы спорим.

– О чем?

– Мы хотим погулять. И не можем решить, брать тебя с собой или нет.

– А это разрешено?

Судя по ее лицу – нет, и я совершенно не планировала в первый же день подставляться.

Одетта. Я помню об Одетте.

– Официального запрета нет, если ты не покидаешь территорию академии. Эржбет не приветствует шатания туда-сюда, но... как бы так объяснить? Считает, что идеальные должны обладать капелькой дерзости. Поэтому если мы не переходим черту, то ничего не говорит.

– Свежо предание, – хмыкнула я. – Идите. Я не хочу.

– Серьезно?

Пейдж ожидала чего угодно, но только не этого – такое изумление не сыграть. Остальные же смотрели на меня, как на неведомую зверушку. Я не понимала их, они – меня, и это рождало враждебность.

– Ну, в первый же день сбежать из академии ради сомнительной цели – идея так себе. К тому же я не уверена, что вы... м-м-м... не разыгрываете новенькую. В моей школе новенькие частенько попадались.

– Ничего мы тебя не разыгрываем! Ладно, как хочешь, мой долг наставницы выполнен, только не говори нико...

Ее речь превратилась в тарабарщину в один миг, и я инстинктивно обернулась к окну, где последние лучи солнца скрылись за деревьями. Поразительно! Просто раз – и магия затухла. Вот бы увидеть хоть одного сумеречника в деле. Да и вообще мир, разделенный на две половины, до сих пор открывался мне только с одной стороны. Считалось, что светлой, но я бы поспорила.

Девчонки явно проделывали это не в первый раз. Свернув пледы, они сунули их под одеяла, сделав видимость спящих фигур. И выскользнули из комнаты бесшумно, словно тени. С наступлением сумрака в академии надлежало ложиться спать, да и световой день, насыщенный событиями, изрядно выматывал.

И сны здесь приходили яркие. Я будто вновь оказалась в залитом светом парке, где со струн виолончелиста, чье лицо надежно было скрыто под капюшоном, лились звуки сумеречной музыки. На этот раз рядом со мной не было Дилана и шумной толпы, как будто парк и музыкант в нем существовали лишь для меня.

Когда музыка смолкла, он вдруг поднял голову и замер. Мне почудилось в этом жесте приглашение, и я не смогла справиться с любопытством. Протянула руку и коснулась плотной ткани, на ощупь оказавшейся ледяной.

Однако прежде, чем я открыла лицо сумеречника, ветер с грохотом распахнул окно, и в спальню ворвался запах дождя и цветов.

– Итак, Грейс, с чего хочешь начать? Что-то вызвало затруднение? Или, возможно, хочешь изучить какую-нибудь тему?

От уверенного улыбчивого красавчика-профессора не осталось и следа. Мердок Роб напоминал школьника, которого всю жизнь травили сверстники. Мялся с ноги на ногу, отводил глаза, старался казаться меньше, чем есть, и вертел в руках карандаш.

– Ну, хорошо. Давай разберем домашнее задание. С какого слова начнем?

– Может, со слова «неловкость»?

Голод, ставший постоянным спутником, не придавал мне дружелюбия. Белковый завтрак – это прекрасно, но мне отчаянно не хватало углеводов. Хотя бы шоколадки, не говоря уже о фруктах, соках или кофе с пенкой, которыми я зачастую питалась дома.

Со вздохом профессор сел за соседнюю парту и взял такую паузу, что я было подумала, мы так и просидим здесь до обеда.

– Грейс, я должен как-то объяснить то, что ты видела, но не могу, и это мучает меня почти сутки. Я серьезно, еще сутки без еды и сна – и Эржбет уволит меня за профнепригодность.

– Пейдж все объяснила. У вас любовь, вы в тупике, и мне там не место. Я не сплетница, профессор.

– Но ты умная, Грейс. Я не верю в то, что ты сболтнешь что-то по глупости. Но могу допустить, что при случае перешагнешь через нас по пути к цели. Какой бы она ни была.

– Вы ведете у меня второе занятие, а уже сделали вывод, что я первостатейная стерва, шагающая по головам. Профессор, спешу вас разочаровать – я просто голодна. Очень! Ненавижу это место и эту столовую!

Профессор Роб рассмеялся, а потом, к моему удивлению, подошел к столу и покопался в ящике.

– Вот, возьми. Только съешь здесь, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов.

Сначала я не поняла, что это за предмет, обернутый в крафт, но когда развернула и увидела вафлю, то не смогла держаться достойно воспитанницы пансиона неблагородных девиц. Никогда не любила вафли, но какой же у нее был божественный вкус!

– Знаешь, девушку из этой академии легко очаровать, если у тебя есть сладости.

– Это вы так закадрировали Пейдж?

– Ну... – Он слегка покраснел. – Я не стану изображать из себя порядочного. Наша с Пейдж связь аморальна даже вне стен академии идеальных. Но знаешь, Грейс, я уже давно здесь преподаю и вижу девушек. Они исчезают через год, и больше я не слышу их имен. Конечно, Эржбет утверждает, будто дает им билеты в счастливую жизнь, но для меня они исчезают, как моя магия – с первыми оттенками сумерек. Поэтому нет ничего аморального в том, что делает тебя счастливой. А мы с Пейдж в какой-то мере счастливы.

– Это не мое дело, профессор Роб. Я ничего не знаю ни о вас, ни о вашем мире, поэтому не имею права судить. И я не беспринципная стерва, которая пойдет по головам.

– На тебя определенно неплохо действуют сладости, – рассмеялся он. – Давай все же немного...

Мы услышали стук каблуков за секунду до того, как Эржбет вошла в кабинет, но я успела спрятать обертку от вафли под тетради и проглотить последний кусок. Надеюсь, я достаточно идеальна хотя бы для того, чтобы есть и не обмазываться крошками.

– Профессор Роб, Грейс. Как идут занятия?

– Она быстро схватывает. Хотя будут определенные сложности с произношением, поэтому, боюсь, дополнительные занятия – лучшие друзья Грейс до самого выпуска.

Эржбет кивнула, одарив меня холодным и задумчивым взглядом.

– Когда сможете закончить?

– К приему, думаю, смогу подготовить ее.

– Это слишком поздно, профессор. Грейс нужна мне через три недели, не позже. Постарайтесь подготовить ее к этому времени, а затем будете шлифовать навыки. Грейс?

Она повернулась ко мне.

– Ты уже освоилась? Есть какие-то проблемы? Недопонимания с девочками?

Я знала, что нельзя отвечать поспешно, так что выдержала паузу, поджала губы и хмуро кивнула.

– У меня есть проблемы, но ни одна из них не связана с девочками или вашей... гм... академией.

– Что ж, – обворожительно улыбнулась Эржбет, – они вскоре потеряют актуальность.

– Не сомневаюсь.

– Не буду вас отвлекать. Учись усердно, Грейс. Все мои воспитанницы должны подойти к приему во всеоружии.

Когда Эржбет ушла, я пробурчала себе под нос:

– В первую встречу она показалась мне совершенством, а сейчас кажется самым уродливым существом во вселенной.

– Вот поэтому я и сказал, что боюсь тебя, Грейс. Никто не дерзит Эржбет. Знаешь, когда-то она была сестрой короля. Княгиней. Очень влиятельной и очень красивой женщиной. Она рано овдовела и, оставаясь одинокой, все силы отдавала на благотворительность и воспитание племянниц. А потом...

– Что потом?

– Потом случился переворот. Семью короля убили, а Эржбет пощадили. Ее лишили титула и состояния, но позволили стать директором академии. Ее всегда называли снежной королевой, но после всего... я бы не спорил с ей.

– Тогда помогите!

Я не планировала такой поворот в разговоре, но интуитивно, увидев, как побледнел профессор, поняла, что на этот рычаг можно надавить.

– Меня забрали из моего мира! Папа сходит с ума! Мы потеряли маму, он не переживет еще и мое исчезновение! Профессор Роб... Мердок! Что бы вы чувствовали, если бы ваш близкий пропал? Исчез без следа! Вы бы смогли с этим жить?!

– Грейс...

– Я не прошу пронести меня на свободу в коробке из-под вафель! Дайте зацепку, слабое место! Скажите, как мне выпутаться! Я не хочу быть игрушкой принца, я хочу домой! Ваше право жить так, как вам хочется, если девушки идут сюда добровольно – пусть! Но не я!

– Если бы способ был, думаешь, я бы не придержал его для Пейдж? Эржбет действует с согласия короны. Она здесь – божество. Как только девушка попадает в списки идеальных, она уже не существует для остального мира.

– Вы сказали мне сражаться!

– Это было просто слово, которое легко выучить.

– Я выучила.

Профессор устало потер глаза. Похоже, он и правда почти не спал, вблизи это было особенно заметно. В какой-то мере мне было жаль его и Пейдж. Я бы даже с замиранием сердца следила за их историей. Но не теперь, когда моя собственная рискует остаться без хэппи энда.

– Твой единственный шанс, – наконец, произнес Мердок, – выбраться отсюда. Вас будут выводить, но под строгим присмотром, улизнуть не получится. Пейдж знает, как выбраться из академии, но как покинуть территорию знала только Одетта.

– И ее поймали, а потом посадили на цепь.

– Поэтому тебе придется спрятаться лучше. Ты должна найти человека по имени Бренн Фаренгейт. Он живет не так далеко отсюда, можно дойти пешком. Если не поможет он, то не поможет никто, Грейс.

– Кто такой этот Бренн?

– Сумеречник. Советник Его величества. Князь.

– Советник короля? – Я невесело хмыкнула. – Да уж, отличная кандидатура, учитывая, что меня сюда привел принц.

– Вот именно. Бренн с самого начала стоит между королевской семьей и окружающим миром. И некоторые выходки принца изрядно его раздражают. Возможно, он приструнит его, когда услышит твою историю.

– А возможно и нет.

– Лучшего варианта у тебя нет.

– И какая гарантия, что вы не подставляете меня, чтобы сохранить свой секрет?

– И ее у тебя нет. Знаешь, как это называется? Безысходность. Сложное слово, но простые тебе слишком быстро даются. Записывай руны, Грейс.

Дни в академии проходили один на другой. У девчонок было хотя бы разнообразие в занятиях, а у меня – только профессор Роб, ставший отстраненным и холодным. Он явно старался как можно меньше болтать и демонстрировал, что все самое главное уже сказал.

Я так и не решила, подставляет меня Мердок или нет. С одной стороны, для него логично толкнуть меня на преступление – и там уже плевать, что я буду подвывать из подвала, гремя цепями. С другой к моим воплям могут и прислушаться, профессор не может этого не

понимать. А вот если я сбегу... вместе со мной сбежит и их с Пейдж постыдная тайна.

Пейдж теперь следила за мной не для Эржбет, а для себя. Надо сказать, это было приятнее – она хотя бы пыталась быть милой. Я уже немного понимала язык и вне действия магии, если со мной говорили короткими простыми фразами.

– Ты быстро учишься, – с удивлением говорила Пейдж.

– Это странно?

– Нет, но... это может тебе пригодиться.

– Что, принц не любит умненьких? – хмыкнула я. – Не выдерживает конкуренции?

– Тише! – побледнела Пейдж. – Если кто-нибудь услышит, тебя накажут.

– Пойду, приму ванну. Вы сегодня снова ускользаете?

– Ага. Точно не хочешь с нами?

Вряд ли соседки хотели приколоться – они убегали после заката раз в два-три дня. Говорили, что сидят в саду, болтают и дышат воздухом. Все чаще я думала о том, чтобы напроситься с ними. Мне хотелось погулять, тех редких занятий танцами на улице не хватало, чтобы дышать полной грудью.

Но когда их не было в комнате, я могла смотреть в телефон, и не была готова лишиться драгоценных минут наедине с воспоминаниями.

Удивительно, но телефон разряжался не просто медленно, а супермедленно. Как будто вообще не расходовал энергию. Это было странно, но я не спешила проводить расследование. Чем дольше телефон проработает, тем легче мне будет.

Набрав полную ароматной – в нее добавляли масла и цветочные лепестки – воды, я опустила в ванну и закрыла глаза. Монотонность выматывала. К рациону я немного привыкла, но все равно сильно не хватало углеводов. Тот парень с виолончелью больше не снился, зато снились бутерброды и чизкейки.

Чем дольше я здесь находилась, тем меньше верила, что однажды вернусь домой. То, что казалось временным пристанищем, вынужденным жильем, превращалось в дом.

С наступлением сумерек в академии утихала магия, но все же ванные комнаты работали.

Опустив голову на бортик, я листала фотки в телефоне, держа его так, чтобы не уронить случайно в воду, и плакала. Злость и готовность сражаться сменялись глухой тоской и отчаянием. Я знала, что нельзя поддаваться унынию, но ничего не могла с собой поделать.

Придется довериться профессору Робу. Надо выяснить, как выбраться из академии, а потом найти этого Бренна Фаренгейта. Мне нечего предложить ему, но если Дилан и впрямь не пользуется популярностью среди сильных мира сего, это может сработать.

Вода совсем не остывала, так что я закрыла глаза и позволила себе несколько минут полежать в тишине. Девчонки ушли, но я все равно не рискнула включать музыку, хотя и хотела.

Тишина. Сумрак. Я была в порядке только когда последний луч солнца угасал и погружал Магию во мрак. Кажется, предательство Дилана навсегда испачкало образ полного счастья мира.

Я вдруг услышала какой-то звук и открыла глаза. То ли шорох, то ли шаги...

– Пейдж? – позвала я. – Вы вернулись?

Никто не ответил, и я решила, что воображение сыграло со мной шутку. У особняка определенно была история, и наверняка не слишком веселая. В позитивных местах камеры с цепями не строят.

Зачерпнув из небольшой баночки бальзам, я нанесла его на волосы и запрокинула голову, чтобы смыть. И в этот же момент мне на голову легла чья-то рука.

Не успев даже вскрикнуть, я ушла под воду, практически пригвожденная ко дну ванны дьявольски сильной хваткой!

Паника захлестнула так сильно, что я потеряла ориентацию в пространстве, и просто истерично пыталась выскользнуть из-под руки. Не успев глотнуть воздуха, я задыхалась, и легкие горели от напряжения. Кто бы ни пытался сейчас убить меня, он отчетливо понимал, что долго это не продлится.

И я обмякла. Ладони скользнули по чужой руке, упав в воду, тело расслабилось, и изо рта на поверхность вырвались несколько пузырей. Сквозь толщу воды я увидела копну рыжих спутанных волос и длинную белую рубашку.

Я не обращала внимание на легкие в огне, на дико колотящееся сердце. И, как только хватка чуть ослабла, как только почувствовала, что поток воздуха близок, вложила в рывок оставшиеся силы,

вынырнула из воды и мертвой хваткой вцепилась в волосы сучки, решившей, что можно вот так взять и утопить меня прямо в общей ванной!

– Привет, Одетта! – выдохнула я.

Дернула ее что было сил, ударяя о бортик, и затащила в воду, устроив в небольшой комнатушке практически потоп.

– Меня зовут Грейс, приятно познакомиться!

Одетта, не ожидавшая отпора, потеряла ориентацию в пространстве, засучила руками и пыталась выбраться, как брошенный в воду котенок. За эти несколько секунд, что она приходила в себя, я успела вылезти, обернуться полотенцем и схватить подсвечник.

У Одетты были совершенно безумные взгляд и улыбка. Невольно подумалось, что заточение в камере вряд ли проходит бесследно. Как она выбралась? Или наказание закончилось?

Откинув рыжие кудри, Одетта села в ванне, криво усмехнулась и... истошно завизжала.

Я даже отшатнулась, не ожидая такого вопля.

– Замолчи, неадекватная!

Послышались торопливые шаги.

– Грейс?!

Сначала в ванную влетела Пейдж, за ней остальные девчонки. Одетта продолжала надрываться, добавив к визгу всхлипывания. Сквозь этот вой я с трудом расслышала, как кто-то произнес «Позовите Эржбет!», и не прошло и минуты, как директор была здесь, как всегда безупречная. Хотелось подумать «идеальная», но с некоторых пор я избегала этого слова.

– Тише! Тише, я сказала! Что здесь происходит?! Немедленно замолчи! ОДЕТТА! Заткнись, я сказала! Закрой свой рот!

От неожиданности – Эржбет так не подходила ярость – умолкли все, включая Одетту. Она все еще сидела в ванне, мокрая с ног до головы, безумным ненавистным взглядом пытаюсь прожечь во мне дырку.

– Что здесь происходит? Немедленно отвечайте! Отбой уже был!

– Она напала на меня! – воскликнула Одетта. – Я ничего не сделала!

– Лжешь! – рявкнула я. – Ты пыталась меня утопить, какого хрена?!

– Одетта, что ты забыла в этой комнате? – холодно поинтересовалась Эржбет.

– Я пришла поболтать с девочками. Я по ним скучаю!

– Да уж как же, – хмыкнула Пейдж.

Я даже не заметила, что снова стала всех понимать. В присутствии Эржбет это происходило само собой.

– Я пришла, девочек в комнате не оказалось, я решила, что они в ванной, а тут эта! Накинулась на меня, начала душить... она ненормальная!

– Замолчи! – рявкнула я. – Прекрати врать, ты меня чуть не убила! Да мы даже не знакомы! Лечись!

Рука Эржбет взметнулась вверх, и мы умолкли. Я думала, сейчас разразится гром, но женщина лишь вежливо улыбнулась.

– Пейдж, вы, кажется, куда-то собирались? Захватите Грейс и оставьте нас с Одеттой.

– Но...

– Пейдж, либо вы сейчас идете вместе с Грейс, либо вы заканчиваете свои вечерние променады навсегда, я четко выразилась?

– Да, Эржбет. Грейс, – шепнула она мне, – идем!

Она вцепилась в мою руку мертвой хваткой и потащила прочь из ванной. Меня все еще потряхивало, а дыхание не восстановилось. Безумный взгляд Одетты будет преследовать меня до конца жизни. Неадекватная девица!

– Стой! Дай мне хотя бы одеться!

Я наспех натягивала форменное платье – ничего другого у нас не было – и одновременно вслушивалась в голоса в ванной. Но то ли Одетта и Эржбет говорили тихо, то ли ждал, когда мы уйдем. Пейдж явно боялась наставницу и переминалась с ноги на ногу все время, что я собиралась.

– Вы тут вообще нормальные? – поинтересовалась я, когда мы шли по бесконечным коридорам. – Что с ней такое? Что я ей сделала?

– А что она сделала тебе?

– Пыталась утопить меня в ванне! Просто подошла и засунула мою голову под воду!

– Что-то ты не выглядишь пострадавшей, в отличие от Одетты.

– В отличие от Одетты я там ванну принимала, а не людей топила. Пусть в следующий раз идет на дело, прикрывшись фиговым листом.

– Не злись, – вздохнула Пейдж. – Просто в последнее время размеренная жизнь в академии не такая уж и размеренная.

– Так что с Одеттой?

– Она... странная. И всегда была странной. Жестоко шутила, всех подставляла, издевалась и все такое. А потом Одетта попыталась сбежать, ее поймали и наказали. Мы думали, ее отчислят.

– Ого, отсюда могут отчислить?

– Не тебя. – Пейдж рассмеялась. – В общем, мы думали, Одетта не появится. Она действительно раньше была нашей соседкой. И сегодня, кажется, навестила свою бывшую комнату. Это в ее духе. Одетта вполне может считать, что ты заняла ее место.

– Вот уж здорово. Я здесь всего пару недель, а уже нажила себе как минимум двух врагов.

– Кто второй?

– Дилан.

– А ты отчаянная.

– Я хочу домой, Пейдж.

Спустившись на первый этаж, мы юркнули в неприметную дверку, за которой обнаружилась слабо освещенная лестница вниз.

– Она ведет в подвал, где хранят продукты. А из него есть дверь на улицу. К ней подвозят продукты. Через нее можно выскользнуть в сад.

– И Эржбет не ругает за это?

– Эржбет придерживается концепции допустимого безобразия. То есть она, конечно, может пресечь наши нарушения, но в отместку мы можем придумать что-то похуже. А так никому нет вреда: мы дышим воздухом и довольны бунтарством, а Эржбет делает вид, что не замечает наших вылазок.

– Почему все называют ее Эржбет? А как же «госпожа директор» или «профессор»?

– Эржбет ненавидит титулы. Ее даже передергивает, когда кто-то называет ее «Ваше сиятельство».

– Интересно.

Когда в лицо ударил ночной воздух, я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Как же вкусно! Как приятно быть на улице не для тренировки, а просто брести по траве. Я думала, мы будем просто гулять, но Пейдж уверенно тащила меня куда-то к забору.

– Ты что делаешь?

– Тихо, не кричи! Сейчас увидишь.

Пейдж вдруг свернула с дорожки и нырнула прямо в кусты, и мне ничего не оставалось, как последовать за ней. За кустами обнаружилась небольшая полянка, скрытая от посторонних глаз. Другие девочки уже расположились в кругу, заставив центр свертками с едой.

– Ого, а у вас серьезный подход.

От меня не укрылось, как другие девочки глянули с подозрением и даже враждебностью.

– Да, вот только братик Татии сегодня принес на редкость противное вино, – скривилась Феникс.

– Тебя никто не заставляет его пить, – в ответ съязвила Татия.

Я с интересом взяла глиняную бутылку и принялась. Белое, сухое, с довольно приятным сливочным запахом.

– Кислятина.

– Ну, – я повертела баночки, – это что, персики? Пожалуй, я смогу помочь.

Без особых восторгов (хотя возражений тоже не последовало) девочки освободили для меня место.

– Где вы все это достали?

Здесь были несколько баночек с фруктами в собственном соку, пачка с ароматными и еще теплыми слоеными язычками. Надо было держаться отстраненно, но я не смогла сдержать тоскливый вздох.

– Брат Татии таскает ей вкусняшки, а она пользуется его добротой, – улыбнулась Пейдж.

Они где-то добыли несколько стеклянных стаканов, а вот приборов не нашлось, и мне пришлось смешивать коктейль в полевых условиях: налив всего треть стакана и хорошенько поболтав. Когда я протянула его Феникс, та брезгливо скривилась.

– Что это за бурда?!

– Это называется «Беллини». Вообще он делается с персиковым пюре, но персики в собственном соку тоже сойдут. Не хочешь?

Я пожалала плечами и сделала глоток. Когда-то я поклялась, что не возьму в рот ни капли спиртного, видя отца. Но сейчас глоток игристого, щедро разбавленного соком из обалденно вкусных

персиков, стал настоящим спасением. Я немного расслабилась, и даже руки потеплели.

– Дай мне тоже! – попросила Пейдж.

И, пока я замешивала новую порцию, нетерпеливо спросила:

– Что случилось у вас с Одеттой?

– Она явилась в ванную, схватила меня за макушку и держала под водой, пока не решила, что я захлебнулась. Тогда я схватила ее, ударила о бортик и немного искупала.

– Ого... с тобой опасно ссориться. Вку-у-усно! Девочки! Это определенно лучше, чем чистое вино. Да бросьте, это всего лишь персики, они не ядовитые.

Некоторое время мы молчали. Пейдж поровну разделила персики и язычки, и мы накинулись на них, будто неделями голодали. Не я одна мучилась от нехватки сладенького.

– А разве посещения разрешены? – спросила я. – Как твой брат передает тебе еду?

Татия не могла ответить, она жевала, но красноречиво кивнула в сторону забора, а пояснила Пейдж:

– Там есть фальшивая секция. Через нее можно проникнуть на территорию академии. Ну или ускользнуть.

Должно быть, у меня изменилось выражение лица, потому что Пейдж поперхнулась коктейлем и поспешно добавила:

– Только не вздумай сбежать! Эржбет найдет тебя мгновенно! Так же, как нашла Одетту, а Одетта выросла в здешних местах. У тебя нет шансов.

Нет. Только один, и его имя – Бренн Фаренгейт.

– Вы слышали что-то о человеке по имени Бренн Фаренгейт? Кто он?

– Советник Его величества. Князь. Сумеречник, кажется. Это все, что я знаю. Он не публичный человек, но пару раз я видела его в патруле. А почему ты спрашиваешь?

– Так. Проходили с профессором Робом ваше мироустройство. Все кажется запутанным. И я ничего не знаю о жизни здесь. А меня уже приметил принц и пыталась убить однокурсница. Как она выбралась?

– Может, ее отпустили? – пожала плечами Феникс. – Эржбет явно неровно дышала к Одетте и считала ее любимой доченькой. Теперь

будет всем доказывать, что даже из бунтарок и психопаток получаются идеальные. Ты, Грейс, теперь тоже будешь под пристальным вниманием. Немногие могут так приложить противника.

– У моего отца пляжный бар. Папа, конечно, сам разбирался со всеми дебоширами, но мне приходилось таскать подносы и осаживать слишком дерзких клиентов. Так что я далека от идеалов.

Начинало холодать. Мы допили вино с соком, доели сладости, и начали собираться спать. В доме уже не горело ни одно окно, а значит, чем бы ни закончился разговор Эржбет и Одетты, они или уехали, или крепко спали.

– Думаю, тебе не стоит напоминать, что о наших посиделках не должен никто знать, – сказала Татия.

Из всех девчонок только она не стала относиться ко мне теплее.

– Эй, Эржбет прямым текстом отправила нас бухать в кустики. Все и так знают.

– Я имею в виду других девчонок, дубина, – закатила глаза она.

Я только вздохнула. Женский коллектив – всегда непросто, а для меня и коллектив в целом может быть испытанием. Я давненько не общалась с таким огромным количеством людей.

Когда мы вылезли из убежища, Пейдж, Татия и Феникс вырвались вперед, а я немного замешкалась и вдруг обнаружила себя рядом с Клариссой. Мы и словом не перекинулись за все это время.

И я точно не ожидала, что она спросит:

– Зачем ты хочешь найти Бренна Фаренгейта?

– Я не хочу его искать, с чего ты взяла? Просто спросила.

– Не лезь к нему. Не связывайся.

– Ты его знаешь?

– Я знаю его сына. Не связывайся с ними, Грейс Голд. Иначе место у ног принца покажется тебе самым желанным на свете.

Глава четвертая

Со следующего дня у меня появились две новые вещи: место, куда я могла приходить, чтобы побыть наедине с собой и... враг.

Одетта не просто не исчезла по волшебству, но и явилась утром в столовую. Яркая, уверенная в себе, дерзкая. Ее не портило даже дурацкое форменное платье, а рыжие кудри выделялись из общей массы девушек. Среди идеальных почему-то не было рыжих, и Одетта определенно привлекала внимание. Когда мы встретились взглядами за завтраком, она криво усмехнулась и украдкой показала мне средний палец. Что ж, какие-то элементы коммуникации определенно общие для всех миров.

С тех пор я выбиралась на уютную полянку почти каждый вечер, тем более, что занятий с профессором Робом становилось все больше. Если раньше мы заканчивали к ужину, то сейчас я возвращалась и после. Я уже бегло читала и почти все понимала, только с произношением оставались проблемы. Судя по беспокойству Мердока – серьезные. Надо думать, если на параде идеальных канареек будет одна скрипучая курица, ему серьезно влетит.

В общем, никого не удивляли мои поздние приходы, и после занятий я могла несколько минут провести в тишине, привалившись спиной к холодному дереву рассматривать фотографии и давать волю тоске по отцу.

– Грейс? Ты меня слушаешь? – Мердок вытащил меня из раздумий.

– Извините. Я устала.

– Понимаю, но у нас мало времени. К балу я должен вывести тебя... в приемлемом состоянии.

– Чтобы принц был доволен.

Мердок всегда смущался, когда я заводила тему Дилана. Хотя наличие совести вообще сложно предположить у мужчины, преподающего в заведении для эскортниц и крутящего роман со студенткой, но мне казалось, ему словно стыдно передо мной за то, что творит принц. Хотя что именно он творит, я до конца не понимаю.

– Вообще это для того, чтобы все девушки были в равных условиях. По сути на первом балу в сезоне от идеальных требуется только хорошо выглядеть и уметь поддержать непринужденную беседу парой фраз. Затем, когда их выберут лорды, уже начнется обучение с учетом... потребностей каждого.

– Даже интересно, – хмыкнула я. – Какие потребности у Дилана.

– Давай совместим важное с еще более важным и немного поговорим о нашем мире. Думаю, тебе понравится легендарииум.

Я тут же наострила уши. Каждая кроха чего-то магического вызывала мурашки. Запертая здесь в четырех стенах, я чувствовала огромное сожаление от того, что даже фальшиво сверкающий идеальный мир, что показал Дилан, оказался недоступен.

– Итак, ты уже знаешь, что все в нашем мире подчинено делению на рассвет и сумрак. С приходом ночи просыпается магия луны, а с первыми лучами рассвета набирает мощь магия солнца. У нас нет божеств, как во многих мирах, однако есть легендарииум – сборник мифов о сотворении мира, разделении его и постепенному переходу к тому порядку, который сейчас есть. Итак, в начале был только свет. Теплый, солнечный и холодный, лунный. В свете рождалась магия, и магия создавала чудовищ. Арлуну и Гелиоса. Арлуна – олицетворение женского начала, холодной ночи и магии сумрака, жила в лунном океане, вдали от суеты, а Гелиос – мужское начало и воплощение солнца, создавал мир таким, каким мы его знаем. Гелиос очень любил свой мир: он создавал материки, людей, животных, наделял их всех особыми свойствами и радовался, когда его детище развивалось и жило по своим законам. Гелиос был счастлив в одиночестве, ведь у него было его детище – то, что сейчас мы называем Королевство Магии.

– И что в это время делала Арлуна?

Странно было слушать подобные сказки, держа в голове, что это чьи-то легенды, а не фантастические романы. В них ведь кто-то верит. Кто-то считает их историей, и наверняка довольно большое количество людей, потому что Мердок был предельно серьезен.

– Арлуна жила в свое удовольствие в глубинах лунного океана, не подозревая, что происходит над ее головой. Но однажды она решила выйти на поверхность и увидела, как Гелиос изменил привычный мир.

Арлуна пришла в ярость: она считала, что Гелиос не имел права создавать мир без нее! Тогда Арлуна в порыве гнева...

– Съела солнце, – вырвалось у меня.

– Ты уже что-то читала?

– Я... не знаю. Наверное, девочки что-то рассказывали. Извините, я не буду перебивать.

Я буду дышать через раз, потому что мне до сих пор кажется, что я ослышалась! И Мердок произнес нечто совсем другое! Очень хотелось спросить о том, как выглядела Арлуна, но я не решалась. И это странно, потому что поводов для подозрений у профессора не было, так что скорее всего я просто боялась подтверждения того, что в моей жизни куда больше сложностей, чем казалось сначала.

– Верно, Арлуна съела солнце. Сила Гелиоса угасла, он погиб, но люди, маги рассвета, восстали против Арлуны. Разразилась настоящая война, Арлуна создала сумеречников – магов ночи – и они выступили против рассветников, но проиграли, ведь создания Гелиоса намного дольше учились жить со своей силой. Тогда Арлуну заточили в океане, а сумеречники и рассветники так и не научились жить в мире. Прошло много веков прежде, чем установилось хрупкое равновесие. Впрочем...

Мердок усмехнулся.

– Оно – лишь видимость, ты и сама могла понять. Наш мир принадлежит рассветникам. А легендарium – всего лишь удобный способ объяснить войны и постоянное соперничество. Однако он очень хорош для изучения нашего языка: там простой слог и много интересных зарисовок. Я выпишу тебе разрешение на него в библиотеке. Очень важно практиковаться не только по учебникам.

На то, чтобы взять книгу в библиотеке, получить еще письменных принадлежностей или даже взять дополнительный травяной чай в столовой требовалось разрешение куратора или самой Эржбет. Впрочем, с питьем здесь не ограничивали: чай в любое время суток, особенно если соврать, что першит в горле или знобит. Хотя я все же скучала по кофе и классическим чаям, эти травяные сборы жутко надоедали, хотя в остальном кухня была почти привычная.

– Можно вопрос? – спросила я, глядя, как Мердок подписывает разрешение.

– Конечно.

– Что такое Ковен Солнца?

Нахмурившись, профессор отложил листок.

– Об этом тоже говорили девочки? Грейс, если кто-то из них упоминал Ковен Солнца, я должен знать.

– Нет, об этом говорил Дилан, еще когда мы встречались в моем мире. Что это такое?

– Ну, скажем так: это некая организация, которая придерживается очень радикальных взглядов. Видишь ли, несмотря на доминирование рассветников мы научились жить в относительном мире. Ковен Солнца же считает, что для светлого будущего нам необходимо искоренить сумеречников в принципе. Но пусть тебя это не шокирует, Культ Луны не отстает в кровожадных идеях. Симпатии к этим обществам не приветствуются, поэтому постарайся не слишком-то распространяться, что я тебе о них рассказал. Вот, твое разрешение.

Мердок посмотрел на часы и покачал головой.

– Боюсь, наше время вышло, Грейс. Ты уже не успеешь в библиотеку, но завтра перед занятиями обязательно заскочи. И напиши, пожалуйста, небольшое эссе о себе. Только, – он строго на меня посмотрел, – без шуточек. Эссе будет читать Эржбет.

Я только махнула рукой. Устала. Дни слились в один бесконечный. Даже еда уже не вызывала тоски, только глухое раздражение. Одни и те же стены, одни и те же лица, не слишком-то жаждущие общаться. Порой казалось даже воздух в стенах академии был какой-то тяжелый, густой. Только ночью, когда можно было приоткрыть окно, у меня получалось дышать полной грудью.

Сначала я хотела снова проскользнуть на полянку, но быстро поняла, что слишком устала. В комнату тоже не хотелось: девочки наверняка ложатся спать, а мне снова принимать ванну в одиночестве и вздрагивать от каждого шороха. К счастью, в академии было достаточно укромных уголков, чтобы немного отсидеться и обдумать услышанное.

Итак, мои дурацкие фантазии оказались реальностью иного мира. Завтра я возьму в библиотеке легендарium, сравню изображение Арлуны с женщиной-медузой размером с дом из собственной фантазии и... и что? Я понятия не имею, почему дурацкие выдумки от скуки оказались чьими-то легендами. Но совершенно точно мне это не нравится. Какое-то от всего этого нехорошее предчувствие.

Чтобы успокоиться, я достала смартфон. Я всегда таскала его с собой, боясь, что кто-нибудь (Одетта, например) найдет его в вещах и заберет. Батарея все еще держалась, и телефон меня успокаивал. Фотки с отцом и – самая главная радость и страх – плейлист. Большая часть песен была недоступна без интернета, но несколько штук загруженных я все же нашла. Выкручивала скорость до минимума и слушала, закрыв глаза.

День, когда телефон разрядится, станет черным.

Я так устала, что не заметила, как задремала, и очнулась лишь когда телефон в руках завибрировал. Поначалу я даже не поняла, что в этом такого странного – подумаешь, завибрировал?

Потом взгляд сфокусировался на укромном уголке в конце одного из коридоров, где я сидела, на ряде одинаковых дверей, и погасшем свете. Должно быть, я засиделась до отбоя, но... что, черт возьми, завибрировало в телефоне?

Посмотрев на экран, я не поверила собственным глазам. Там, в аккуратном окошечке, светилось невозможное:

«У вас 1 новое сообщение».

Дрожащими руками, чувствуя, как внутренности скручиваются в тугую узел, я смотрела на экран, не решаясь кликнуть по всплывающему окну. Значок сети все так же показывал полное отсутствие интернета, значок батареи – полный заряд. Это должна была быть какая-то ошибка, глюк, но... если нет?

– Что это?

Я подскочила, едва не выронив смартфон, попыталась спрятать его в карман, но Эржбет молниеносным движением вцепилась мне в запястье. Я вскрикнула от боли.

– Отпустите!

– Размечталась! – рявкнула Эржбет. – Я задала вопрос, Грейс. А когда я их задаю, то рассчитываю на ответ.

– Ничего! Просто игрушка, это ерунда!

– Вот как? И как же она у тебя оказалась?

Я закусила губу.

– Я жду, Грейс Голд.

– Это из моего мира. Она ничего не значит, правда! Просто память об отце! Это как... как...

Я лихорадочно металась, пытаюсь подобрать слова, которые убедят Эржбет оставить мне мобильник, хотя надежда стремительно ускользала. Ярость читалась в каждой частичке Эржбет: во взгляде, в плотно стиснутых губах, в мертвой хватке, грозящей оставить у меня на руке синяки.

– Это всего лишь портреты. Мои с отцом. Ничего больше! Мне они дороги. Они никому не могут принести вреда, я клянусь! Идеальным ведь не запрещается иметь семью? Татия...

Прикусив язык – нельзя было рассказывать о брате Татии – я снова безуспешно дернулась.

– Татия говорит о брате, она помнит его и верит, что не потеряет связь, а у меня остались только фото... то есть, портреты! Эржбет... посмотрите сами. Ничего, кроме изображений!

Я включила смартфон, открыла галерею и вытащила несколько наших с отцом фото с пляжа. Их делали для инстаграма бара, который я в меру сил старалась вести.

Нехотя, но Эржбет всмотрелась в экран, но вопреки моим ожиданиям не только не ослабила хватку, но еще и стиснула мое запястье так, что я не сдержала крика.

– Дай сюда! – рыкнула женщина.

Она буквально силой вырвала из моих рук телефон и несколько долгих секунд пялилась в экран. Ее лицо скривилось, словно от боли. Или ненависти? Показалось, Эржбет увидела не наши с папой фотографии, а нечто жуткое.

– Немедленно иди к себе, Грейс, – сквозь зубы процедила она.

– Верните мне телефон!

– Что?

– Эту штуку! Верните!

– Воспитанницам запрещено иметь личные вещи.

– Я – не ваша собственность! – рявкнула я. – Вы не имеете права меня здесь держать! Идите к черту вместе с вашим принцем, ясно?! Весь ваш мир – как цирк уродцев! С виду прикольный и яркий, но стоит заглянуть за шатер, как оказываешься в грязи!

– Достаточно, Грейс. Иди к себе – это последний шанс.

– Иначе что? Скажете принцу, что я для него недостаточно идеальна? Запрете меня в подвале? Что-то по Одетте не видно, что она впечатлилась вашими методами воспитания! Верните мне телефон!

Я попыталась вырвать мобильник из рук Эржбет, но она с такой силой его сжала, что побелели костяшки пальцев. Уже не контролируя себя, я потянула сильнее, толкая Эржбет. Злость и обида застилали глаза, я не контролировала себя. Эта потасовка могла закончиться очень печально, но я не думала о последствиях. Я цеплялась за ниточку, соединяющую нас с Землей, как утопающий цепляется за спасательный круг.

И, как часто это бывает, круг переворачивается, добавляя паники и неразберихи.

Смартфон в наших руках вспыхнул голубыми искрами и, на миг ослепив, исчез. Просто растворился в воздухе!

Несколько секунд мы с Эржбет одинаково удивленно смотрели на наши руки, сжимающие воздух, а затем женщина встряхнулась и снова надела маску равнодушной идеальной стервы.

– Вон! – бросила она мне. – Немедленно вон! И запомни, что бывает, когда перечишь мне.

Развернувшись на каблуках, Эржбет буквально унеслась прочь, чем ввергла меня в недоумение. Показалось, словно она не могла оставаться со мной наедине ни одной лишней секунды. Еще пару дней назад Эржбет бы за ухо отвела меня в спальню и лично удостоверилась, что я в постели. Почему мой мобильник вывел ее из равновесия?

И главный вопрос: как он исчез, если Эржбет – рассветница, и ее сила давно исчезла с наступлением сумрака?..

Я бы не смогла вернуться в комнату и спокойно лечь спать. Хотелось не то порыдать, не то истерически рассмеяться. Единственная память о доме только что растворилась в сумеречной магии. Или в какой-то другой, но какая вообще разница?

Глупо было расстраиваться из-за потерянного телефона с фотками, в то время как сама ты застряла в чужом мире, но почему-то я чувствовала себя так, словно лишилась последней надежды. И вот в этом мире мне придется как-то жить, считать его своим, приспособливаться к обстоятельствам. С пляжным баром и теплым земным морем придется распрощаться навсегда.

С отцом – тоже.

Я брела в единственное место, где можно было посидеть в тишине и глотнуть немного воздуха. Привычным путем я проскользнула в сад

и жадно задышала, пытаясь избавиться от опостылевшего запаха коридоров старого особняка.

Совсем недавно прошел дождь, на воротах поблескивали капельки воды. В обычное время лес пугал, я вздрагивала от его звуков: шорохов, скрипа, треска. Но сегодня даже лес казался куда более уютным местом, чем академия идеальных с ее безумной Оддетой и неадекватной Эржбет.

То, что последнюю выбесил мой мобильник, можно понять, но как он исчез? Либо это очередная уловка. И Одетта была демонстрационным вариантом для глупенькой новенькой, а исчезновение телефона – угроза, что даже с наступлением сумрака у Эржбет есть власть.

Несмотря на ночную прохладу, лицо горело. Я прислонилась лбом к холодным прутьям забора и закрыла глаза. Как-то давно я читала, что человек, разлученный с родными, лишенный возможности видеть их, постепенно забывает черты лица. Пройдут годы прежде, чем я не смогу вспомнить папину улыбку или хватит пары месяцев обучения у Эржбет?

подавив рвущиеся наружу рыдания, я посмотрела на забор. Фальшивая секция ничем не отличалась от прочих, но я уже знала, что это не шутка. Я несколько раз дотрагивалась до нее и чуть отодвигала, но никогда не решалась сделать это до конца.

А сегодня оглянулась на дом, в котором не оказалось ни единого светлого окна, посмотрела на луну, освещающую мягким светом кроны деревьев, схватилась за прутья и потянула.

С едва слышимым скрипом фальшивая решетка отъехала в сторону, открывая мне путь на свободу.

Сегодня все шло не как обычно. Грейс плакала, Ари куда-то убежала и не собиралась возвращаться. Бренн брел по лесу в одиночестве, но с ним он уже свыкся. Когда-то давно он был совсем не одинок, но от того улыбчивого парня не осталось и следа. Если бы двадцать лет назад кто-то сказал Бренну, что он превратится в такое, он бы рассмеялся ему в лицо.

Сейчас как-то не смешно.

– Ари, – позвал он, – возвращайся. Пора домой.

Волчица должна была слышать голос хозяина. Бренн не слышал ее рядом, но знал, что Ари где-то здесь. Он всегда ладил с животными, а в доме жил целый зверинец: коты, собаки, птицы. Только сын вырос, дом опустел, а из животных остался только волк.

– Ари, я начинаю злиться.

Услышав женский крик, Бренн весь обратился в слух. Ему показалось, или крик принадлежал Грейс? Это уже становится интересным. На такой поворот он даже не рассчитывал.

– Готов поспорить, Одетта проболталась про дыру в заборе, – сквозь зубы процедил он.

Бренну не составило труда найти источник звука, понадобилось лишь несколько минут, чтобы, обратившись в тень, очутиться рядом с Грейс и Ари. Девушка лежала на влажной земле, а над ней, на корнях старого дерева, нависла волчица.

Ари утробно рычала, опустив уши. Бренн никогда не видел ее такой. Меньше, чем полчаса назад, Ари смотрела на Грейс и не выказывала никаких эмоций, а сейчас сдерживала прыжок лишь потому что чувствовала настрой хозяина.

Кажется, Ари не понравилось, что Грейс решила сбежать.

– Нет, Ари! – твердо сказал он. – Успокойся.

Подожел, положил руку на голову волчицы, и та чуть успокоилась. Перестала рычать, хотя теперь Бренн особенно остро чувствовал ее напряжение.

Пришло время играть.

– Привет. Ари тебя напугала, прости. Она вообще добрая, просто боится чужих. Я подобрал ее волчонком после браконьерского капкана.

– Я в порядке. Только испугалась.

Бренн подал Грейс руку, и она поднялась, украдкой поморщившись. Похоже, все-таки ударились. И еще наверняка вымокла и замерзла. Интересно, она бежала бегом? Неплохо развитая девчонка, умудриться сбежать на такое-то расстояние от академии!

– Ты ведь та пьяная воспитанница.

– Я не... ладно, это не самая плохая примета. Но просто для сведения – Эржбет меня опоила.

– Не сомневаюсь. Это в ее стиле. Ты ведь Грейс, да?

– Вы знаете мое имя. Эржбет говорила?

– Ага. Сказала, ты новенькая.

Бренн усадил ее на корягу и сел рядом сам. От него не укрылось, как настороженно Грейс косится на Ари, но волчица уже успокоилась и лежала, положив морду на лапы.

– Ну, давайте.

– Что?

– Спрашивайте. Я знаю, что вам хочется поинтересоваться, какие именно занятия проводятся в такой глуши.

– Да нет, мне интересно, какой у тебя был план. В тоненьком платье, ночью, без карты. Какой у тебя вообще был маршрут?

– Три дня через лес, в четверг налево, – буркнула Грейс и забавно надулась.

Нет, он совершенно не жалел, что встретил ее так внезапно.

– Будет здорово, если вы не сдадите меня Эржбет. И еще круче, если подскажите, как добраться до какого-нибудь города и найти там одного сумеречника.

Грейс даже не замечала, что легко и свободно говорит в его присутствии, хотя за то время, что она находилась в академии, невозможно идеально выучить язык.

– Что за сумеречник?

– Бренн Фаренгейт.

И снова интересно. Надо же, какая продуктивная ночь.

– Зачем тебе он? Идеальные не должны интересоваться мужчинами. По крайней мере до бала. Да и после – всего одним конкретным.

Ему удалось сдержать улыбку при виде того, как Грейс передернуло. Но внутри противно шевелился червячок сомнений. Она ведь видела его в академии, слышала имя. Неужели была так пьяна, что не запомнила? Сильно маловероятно, раз узнала.

«В какую игру ты решила со мной поиграть? Я знаю их все, я проиграл лишь однажды, и с тех пор уничтожаю противников еще в первом раунде».

– Мне сказали, он может помочь. Я не хочу оставаться в академии. Не хочу участвовать во всем этом. Я должна вернуться домой, к отцу, и если Бренн Фаренгейт может помочь – я должна его найти и убедить помочь.

– Что ж, идем. – Бренн поднялся.

Грейс удивленно вскинула голову.

– Куда?

– Ко мне, разумеется. Или останешься здесь, сидеть на пенечке?

Скоро снова начнет лить.

– Может, вы хотя бы представитесь?

– Ты знаешь, кто я, Грейс. Чтобы искусно врать мне, тебе придется долго учиться. Вставай, до рассвета не так много времени.

Ари, домой.

В первом же раунде. Без исключений.

Глава пятая

Роб Мердок мог толкнуть меня как к спасению, так и к концу, но осторожно выяснить это не удалось. Бренн Фаренгейт производил... жуткое впечатление. Я мало знала о сумеречниках, после занятий в голове отложилось, что они полностью подчинены рассветникам и не слишком стремятся выделяться.

Но Бренн Фаренгейт если кому и подчинялся, то лишь для видимости, это чувствовалось. Если бы я не лежала к тому моменту, как черная тень превратилась в высокого мужчину, я бы непременно упала, ибо это стало хоть и не первым увиденным проявлением, потрясло почти так же сильно, как и сама весть о существовании иных миров.

В холодном лесу, наедине с волком и сумеречником, способным превращаться в тень, мне стало страшно.

Вскоре страх сменился холодом, Фаренгейт оказался прав: снова начался дождь. К концу пути я стучала зубами и морщилась от холодных струек воды, стекавших с волос за шиворот. Хотя еще оставались силы посмеиваться над забавностью момента: человек с фамилией Фаренгейт предсказал, что похолодает.

Мы вышли из леса на дорогу и через пятнадцать-двадцать минут вдали показались огни. Огромный дом был скрыт в чаще, словно хозяин не хотел, чтобы его нашли. Лес будто поглотил здание, оставив лишь небольшую тропку, ведущую к крыльцу. Даже фонари, освещавшие дорогу, терялись среди деревьев.

– Вы живете так далеко от города? – спросила я.

«И так близко к академии», – подумала.

– Это загородная резиденция. В рабочие дни я живу в апартаментах в столице. Но там нельзя держать волка.

Я опасливо покосилась на волчицу. Она тоже была жуткой, хотя и очень красивой. Белая шерсть будто светилась в ночной тьме. Но Ари – так Бренн ее, кажется, называл – сложно было представить милым домашним любимцем, к которому хозяин спешит после работы. Она все время бесшумно следовала за нами, и я старалась не отставать от мужчины.

В доме светились несколько окон. Интересно, лорд Фаренгейт живет один? Я бы не хотела, если бы мой муж принес из леса мокрую и грязную девицу.

Но когда мы вошли внутрь, все мысли исчезли в один миг.

Тепло!

Я едва не застонала от кайфа. Платье все еще противно прилегалo к телу, а с волос натекала приличная лужа, но вокруг было тепло, приятно пахло чем-то съестным, а еще уютно трещал камин.

– Значит, так, – Фаренгейт оглядел меня с ног до головы с крайне скептическим выражением лица, – иди, приведи себя в порядок. Душевая на втором этаже, на ней есть значок. Там же найдешь полотенце, халат и все остальное. Брось одежду в корзину, затем спускайся вниз, в гостиную. Поговорим.

Несмотря на то, что при слове «душевая» я была готова вприпрыжку нестись наверх, вопрос вырвался сам собой:

– Так вы мне можете помочь?

– Да. Помогу не слечь с воспалением легких.

– Но...

И он просто ушел. Аккуратно меня обошел, явно стараясь не задеть, и ушел, я даже не успела понять, за какой из дверей скрылся! Я так и осталась стоять посреди коридора в огромном пустом доме, мокрая и замерзшая, удивленно хлопая глазами.

Пожав плечами и рассудив, что меня хотя бы не выгнали еще после первой фразы, так что шанс на помощь есть, я побрела наверх, стараясь оставлять как можно меньше грязных следов на явно дорогом ковре.

У подножия лестницы я оглянулась.

Возле дверей все еще стояла белая волчица. Смотрела, не отрывая взгляда, будто изучала. Теперь я поняла, что меня в ней пугало: осмысленный, почти человеческий взгляд.

В ванной меня ждал уже привычный ритуал: остановиться, осмотреться, выругаться на Одетту, взрастившую страх перед пустыми и тихими ванными комнатами, и начать раздеваться.

У Бренна был поистине королевский дом, совсем непохожий на академию: светлый, легкий, но в то же время сдержанный и строгий. Ногам было холодно ступать по серому мрамору, и я быстро нашла в небольшом шкафчике халат, тапочки и полотенце.

Боги – или кто там в их мифологии отвечал за людей – явно забыли отсыпать мне застенчивости. Я осмотрела все баночки и флакончики, выбрала несколько приятно пахнущих и опытным путем одну назначила шампунем, а вторую – маслом. Может, я и ошиблась, но после горячей ванны волосы стали чистыми и блестящими, а от кожи шел едва уловимый аромат лаванды.

А вот потом застенчивость все же проснулась. Моя одежда насквозь промокла, Бренн велел бросить ее в корзину. Халат хоть и скрывал меня с макушки до пят, все равно казался... слишком неуместным нарядом для незнакомого дома.

– Да ладно, Грейс, – вздохнула я, стоя перед зеркалом, – здесь все равно никого нет.

Открыла дверь и тут же врезалась в... кого-то.

– Обалдеть! – хмыкнул он. – Вот это подарочек. Признаюсь честно, я просил у папочки на день рождения пони, но ты – тоже неплохо.

Отойдя от испуга, я рассмотрела неожиданное препятствие. Парня примерно моих лет освещал только свет из ванной, придавая облику мрачности. У него были темные и слегка вьющиеся, коротко обстриженные волосы, легкая небритость на лице и еще круги под глазами – будто следы жесткого недосыпа.

Мне чудились какие-то знакомые черты, но в темноте и от страха еще не то увидишь.

Не знаю, сколько мы так стояли, друг на друга пялясь, но я все же опомнилась и поплотнее запахнула ворот халата.

– Извини, я не знала, что в доме кто-то есть.

– Не то чтобы ты в накладе, верно?

Он что, пьян? Или просто дурачок? Хотя нет, дурачки обычно странные, но мирные, а этот довольно настойчиво оттеснял меня внутрь ванной, и если сначала я этого не понимала, то сейчас напряглась.

– Мне кажется, ты немного не понял. Меня привел Бренн Фаренгейт...

– Ага, я его сын.

Сын? Ого, я думала, он моложе – так и не скажешь, что здесь может быть взрослый сын. Хотя откуда мне знать, может, у них тут как у жирафов, к пяти годам уже потомство.

– Что ж, приятно познакомиться, я Грейс. Думаю, мне лучше спуститься вниз, твой отец хочет поговорить...

– Я тоже не против, – сообщил наследничек и... запустил руку мне в халат.

От прикосновения грубых пальцев к разгоряченной коже я взвизгнула и подскочила. Первым порывом было схватить с туалетного столика подсвечник и долбануть идиоту прямо по голове, но разум еще не отключился окончательно. Мне все же нужна была помощь его отца.

– Да ладно, расслабься, я не насильник.

С этими словами он притянул меня к себе, неожиданно продемонстрировав мертвую хватку.

– Я просто хочу капельку твоей энергии. Иначе зачем ты здесь, мой подарок?

Он прижался ко мне губами – и словно вдохнул в легкие холод. Я почувствовала, как тело наливается слабостью, а веки тяжелеют. Ни с чем не сравнимое ощущение, как будто жизнь утекает сквозь пальцы. И следом – волна ярости, ответившая на холод огнем.

– ОТОЙДИ ОТ НЕЕ, ДЕБИЛ! – услышали мы рык Бренна Фаренгейта.

Одним прыжком мужчина преодолел расстояние от порога до места, где мы стояли, но это оказалось бессмысленным. Мы с его сыном уже отшатнулись друг от друга, да с такой силой, что я влетела в чугунную ванну и почти ушла в воду, а парень, врезавшись в зеркало, тут же покрывшееся сеткой трещин, сполз на пол.

Раздалась такая ругань! Из-за шума в ушах я улавливала лишь отдельные слова, но и те следовало запомнить.

На сером мраморе расплывалось пятно крови, и я вдруг с ужасом поняла, что она моя.

– Полчаса! – через туман и звон пробился голос Бренна. – Как вы, Арлуна раздери, это делаете?! Тебе что, пять лет?!

– Откуда я знал, что она...

И на этом я отключилась. Как в детстве, так и не узнав концовку интересного фильма.

Я впервые в жизни увидела белоснежный мраморный камин с черным пламенем.

И окончательно проснулась.

Пришлось даже ущипнуть себя за руку, чтобы убедиться, что мне это не снится и не приглючилось: в камине действительно сверкало черное пламя, словно состоящее из мириадов блесков. Дрова весело потрескивали, в комнате было тепло и светло, несмотря на то, что тяжелые шторы закрывали окна.

Вторым делом я сразу же посочувствовала здешним горничным. Сколько труда надо, чтобы содержать такой дом в чистоте! Я даже когда поверхностно убирала пляж, ненавидела тех, кто не способен донести окурок до урны, а уж если бы кто-то уделал вином белоснежную шкуру, что лежала сейчас на полу... Надеюсь, им здесь хорошо платят.

Я осторожно поднялась, осмотрела большую постель, в которую меня уложили, и поползла к краю. Ожидая приятного ощущения, которое бывает, когда ноги утопают в мягком ковре, я потянулась и...

Поняла, что наступила на чью-то морду.

Раздался злобный рык, я взвизгнула и чуть не оказалась на люстре. Волчица! Она лежала у самой кровати, и я наступила ей прямо на нос! К счастью, не всем весом, иначе мне бы наверняка откусили ногу в мгновение ока.

Может, она и за малое бы откусила, но мой визг привлек внимание Бренна.

– Ари! Что ты здесь делаешь?! Я где тебе сказал находиться? Немедленно вон!

Мне повезло, что волчица беспрекословно слушалась хозяина. Меня передумали есть, только наградили угрожающим взглядом. Фирменным, жутким, очень осмысленным.

– Кажется, я ей не нравлюсь, – пробормотала я.

– Лунные волки преданы только хозяину. Чужих они лишь терпят, если им приказали. Она не причинит тебе вреда, я ее предупредил. Но старайся не раздражать Ари.

– Ари, – проворчала я, – стоит стараться не совать морду под ноги.

– Она учтет, – усмехнулся сумеречник. – Голова болит?

Я задумчиво ощупала место, которым ударилась. Там чувствовалась какая-то повязка, но боли не было.

– Кажется, я в порядке. Только как-то пошатывает.

– Это нормально. Тебе принесут поесть, через пару часов силы вернуться.

– Что случилось? Этот придурок правда ваш сын?

– Увы. Его зовут Лазарь. Он не знал, что попытка полакомиться твоей жизненной силой приведет к шишке на затылке. Видимо, прогулял лекцию «Самые красивые животные в природе – хищники».

– Я не животное!

– По красоте, значит, вопросов нет. Ожидаемо.

– Зачем ваш сын пытался... как вы сказали? Полакомиться жизненной энергией?

Брэнн пожал плечами и уселся в небольшое кресло у камина. Ему, кажется, было комфортно разговаривать на таком расстоянии, а вот я, всю жизнь прожившая в небольшом трейлере, чувствовала себя неуютно, перекрикиваясь с ним в огромной комнате.

– Это его магия, его потребность. Некоторые сумеречные маги могут пить чужую энергию, она придает им сил.

– А что происходит с жертвами?

– В каждом человеке заложен некий объем энергии, последняя капля которого приходится на последний вздох. Если часть энергии выпить, человек меньше проживет.

– Это ужасно!

– Спорно. Никто ведь не знает, сколько для него припасено сил. Днем больше, днем меньше – какая разница, если речь идет о десятках лет?

– То есть если меня завтра хватит удар, я знаю, кого благодарить.

– Боюсь, что нет. Выпить энергию сумеречный маг может только у рассветника или обычного человека.

Я почувствовала, как сердце пропустило удар.

– Что это значит?

– То, что у тебя есть магия. Как ты оказалась среди идеальных? В их ряды не берут магов. Ты проходила проверку?

– Нет, я...

Вот теперь у меня заболела голова.

– Никаких проверок не было, во всяком случае, мне о них не известно.

– Значит, сюрприз. Поздравляю, ты совершенно точно обладаешь сумеречной магией, котелок моего сына подтвердит – он до сих пор

гудит после удара о стену.

– Разве выходцы из других миров могут быть магами?

– Нет.

– Тогда вы ошиблись.

– Я похож на человека, который ошибается?

– Ну, с тем, чтобы сказать мне о сыне в доме, вы явно напортачили.

Бренн Фаренгейт удивленно поднял брови и бросил на меня красноречивый взгляд: ему явно не понравился упрек в голосе.

– Извините. Тяжелый день. В любом случае, это некрасиво – вот так вести себя, как повел ваш сын. Я испугалась.

– Даже не собираюсь спорить, но времени пороть паршивца ремнем у меня нет, как и желания. Знаешь, я бы с удовольствием обсудил свои принципы воспитания, но у меня всего час до работы, поэтому предлагаю тебе решить куда более важные вопросы. Чего ты хочешь от меня, Грейс?

– Чтобы вы мне помогли. Мне нужно вернуться домой, я не могу здесь оставаться. Не могу быть идеальной и все такое, я должна вернуться к отцу! Проф... один человек в академии сказал, что вы сможете помочь.

– Даже интересно, кто это мог быть.

Мне казалось, он все прекрасно знал, но вообще Бренн Фаренгейт вызывал множество самых странных чувств. До сих пор жизнь умело оберегала меня от встреч с сильными мира сего, и я равнодушно пропускала мимо ушей все эти пафосные, полные патетики, речи о «от него шла такая энергетика!», «одним взглядом этот великий политик мог заставить собеседника умолкнуть» и что там еще говорят в документальных фильмах?

– Ну и что у тебя случилось? В чем именно я должен тебе помочь?

Вздыхнув, я начала рассказывать. Как жила на Земле, познакомилась с Диланом, ушла за ним в новый мир и вляпалась по самые уши. Только ссору с отцом позволила себе опустить. Она и так каждый раз вставала перед глазами, когда я собиралась спать и закрывала глаза.

– Все это понятно, – после того, как я умолкла, сказал Бренн, – но я здесь причем?

– Я не знаю. Это была единственная соломинка, за которую я уцепилась. Мне не у кого просить помощи, а самой сбежать вряд ли получится. Я только хочу вернуться домой, к отцу. У вас ведь есть сын. Что бы вы чувствовали, если бы он пропал?

– Полагаю, безграничный восторг, – хмыкнул мужчина.

Интересные семейные отношения.

– Ты не назвала ни одной весомой причины, почему я должен рискнуть положением, должностью, благосклонностью короля. Ради тебя? Не смейся, вас таких сотни, вы как фарфоровые чашечки во дворце. Разбивается одна – заказывают новую, а то и целый сервиз.

– Вы ведь знакомы с Диланом?

– Знаком.

– И что он делает с идеальными? Зачем тащит их из иных миров?

– Ты не хочешь знать, поверь.

– Да нет, черт возьми, хочу! Это моя жизнь! Он собирается то же самое проделать со мной, и мне надо смириться с тем, что я – фарфоровая чашечка?! Должна здесь быть хоть какая-то мораль! Нельзя брать девушек в безвыходном положении и заставлять их продавать себя! Нельзя обманом приводить иномирянку и издеваться над ними! Это что, игра?!

– Для принца? Да. Успокойся, – жестко отрезал князь. – Меня мало волнуют мораль и все твои «нельзя». Но в одном ты права: паршивец уже достал с иномирянками. Мне надоело выгораживать его специфические вкусы, если ты понимаешь, о чем я.

Я не понимала, но на всякий случай промолчала, потому что под «специфическими вкусами» могло скрываться что угодно.

– Выгораживать? То есть если станет известно, что принц использует девушек из другого мира, а потом они исчезают, то будет скандал?

Бренн Фаренгейт изменился в лице и выпрямился в кресле. Я даже поплотнее закуталась в одеяло, потому что от его взгляда пробрал мороз.

– Ты мне сейчас угрожаешь?

– Не знаю... зависит от того, поможете вы мне или нет.

От меня не укрылось, как нервно и даже угрожающе он забарабанил костяшками пальцев по подлокотнику.

– Не поймите меня неправильно, я буду бороться любыми доступными способами. Я пришла к вам, потому что не знала, к кому обратиться. Если вы мне откажете, я буду искать дальше, а поскольку времени у меня не очень много, то круг будет шире. Девушки пропадают без следа после выпуска из академии, я не хочу в их число.

Угроза во взгляде Бренна быстро сменилась насмешкой. Пытаясь его запугать, я выглядела, как котенок, который шипит и прыгает на огромного пса. Или волка... кстати, где Ари? Я все еще будто чувствовала ее присутствие. Неужели ждала хозяина у порога?

– Под «выгораживать» я имел в виду то, что мне приходится возвращать девушек в их миры, когда Дилан теряет к ним интерес.

– Правда? – вырвалось у меня.

– Нет, но именно эту версию я скормлю общественности, если ты вылезешь со своими откровениями. Принц – натура увлекающаяся, часто влюбляется, заводит романы, а потом влюбляется снова, и нам приходится развозить его пассий по домам. Вот и Грейс Голд, проведя с Его высочеством несколько месяцев, отправилась с почестями и подарками домой. Оп – и нет Грейс. В первую очередь я защищаю королевскую семью, и если ты будешь ей угрожать, то в лучшем случае отправишься на дно, к Арлуне.

– Это тупик, – устало покачала головой я. – Всем будет проще и выгоднее, если я вернусь домой.

– Это ты хочешь верить, что всем будет проще. Лично мне проще избавиться от тебя и донести до короля, что поведение принца уже не вписывается ни в какие рамки.

– И часто вы у себя дома девиц убиваете? Слишком много белого.

– Тебе стоит следить за языком, Грейс. Иначе из тебя не получится идеальной.

– Ладно, забудьте. Можете связаться с Эржбет и сказать, что поймали меня в лесу. Какая разница, где сдохнуть: в ее подвале или в кукольном домике принца?

– Я не сказал, что не помогу тебе. Я еще не принял решение.

– Тогда чего вы хотите?! – почти в отчаянии воскликнула я, хотя старательно избегала этого вопроса на протяжении всего разговора, боясь, что ответ мне не понравится.

– Чтобы ты перестала вести себя со мной как королева, которой понадобилась помощь верноподданного. Попроси, Грейс. Ты ведь

умеешь просить?

Ожидая чего угодно, кроме этого, я несколько раз удивленно моргнула.

– Что...

– За пятнадцать минут ты объяснила, почему искала меня, выдала пламенную речь, почему все происходящее с тобой несправедливо, вывалила кучу угроз, но ни разу не сказала «пожалуйста». Может, тебе пойдет на пользу год у Эржбет? К ее академии можно относиться по-разному, но все без исключения выпускницы умеют просить. И быть благодарными.

От нервов и подступающей паники – я чувствовала, что едва все не испортила – голос показался мне чужим.

– Извините. Мне страшно. Я прошу вас помочь мне. Пожалуйста, верните меня домой.

– Что ж, ты хотя бы не безнадежна.

Брэнн поднялся. Кажется, его моя растерянность только забавляла, и это неожиданно разозлило.

– Вон там уборная, приведи себя в порядок. Тебе принесут одежду и еду. Я должен быть на службе, к тому же сейчас время рассветников. До заката ты пробудешь здесь. Дом к твоему распоряжению, все комнаты, в которые тебе нельзя заходить, заперты. Можешь развлекаться. Но ни смей ступить за порог. Никто не должен знать, что ты здесь, Грейс, тебе понятно?

– Да. Только...

– Что еще?

– Вы сказали, я обладаю сумеречной магией. Как это возможно?

Брэнн будто не слышал, он направился к двери и лишь открыв ее, чуть обернулся.

– Ты только что убедила меня, что хочешь вернуться в свой мир. На Земле не существует магии. Так какая разница?

– Вы правы, – после паузы ответила я. – Никакой разницы. Я хочу вернуться.

Так страусы прячут голову в песок, но у страусов есть железное оправдание: их мозг по размеру меньше, чем глаз. У меня оправданий не было, но мир Магии еще не успел преподать все запланированные уроки.

За дверь в углу я нашла небольшую уборную, где попыталась привести себя в порядок. Увы, но без расчески мне не удалось придать волосам хоть какую-то приличную форму. Даже несмотря на карэ они топорщились и не слушались. Зато после холодных умываний слабость почти прошла.

Вернувшись в комнату, я обнаружила на столике у камина еду. Стоило огромных усилий не накинуться на нее так, словно я всю жизнь прожила в трущобах. Но там был хлеб! Наваристый куриный бульон, небольшой, но сочный стейк со стручками фасоли и пирожное! Настоящее, шоколадное, с кремом и ягодами. Я не удержалась и откусила кусочек, растягивая удовольствие.

Ради этого определенно стоило сбежать!

Спустя полчаса я стала напоминать себе колобок. Как же было вкусно! Пожалуй, обед здесь станет одним из самых ярких воспоминаний, а следующим – я надеюсь – будет возвращение к отцу.

От волнения мне не сиделось на месте. Сначала я попыталась гипнотизировать стрелки часов, чтобы закат наступил быстрее, но так время текло еще дольше. Тогда, вспомнив, что Бренн разрешил гулять по дому, я осторожно высунула нос из комнаты и, убедившись, что в доме и впрямь никого нет, отправилась на разведку.

В доме не на что было смотреть, зато была площадь, по которой я могла гулять. И это слегка отвлекало от мыслей о будущем. Ничего в доме не говорило о личности владельца: ни портретов, ни личных вещей. Впрочем, Бренн говорил, что запер все помещения, в которые мне не стоило заглядывать, так что ничего удивительного не было.

Магического – тоже. С тех пор, как я оказалась у Эржбет, категорически не хватало проявлений магии. Я старательно гнала мысли о том, что сказал Бренн, но невозможно делать вид, будто ничего не происходит, когда тебе говорят «ты обладаешь магией». Откуда? Как? Почему?

Самым простым было объяснение, что они далеко не все знают о мирах. Вдруг магия – всего лишь талант, которому нужны соответствующие условия? Как те истории, в которых дети из стран Африки, охваченных войной и голодом, попадают к приемным родителям в США и становятся нереально красивыми моделями или артистами? В трущобах ты не можешь рекламировать люксовые тачки, но стоит попасть в благоприятную среду – и вуаля.

Сомнительные аргументы, зато очень удобные.

Исследовав второй этаж, я спустилась в гостиную.

Странный мир, странные люди. Я уже поняла, что между сумраком и рассветом такая ненависть, что они с удовольствием бы истребили если не друг друга, то какого-нибудь соседа – просто с психу. Но занавешивать окна в доме? Seriously, в жилище Бренна не проникал ни один лучик света! Все окна оказались закрыты плотными шторами. Вампиры они тут, что ли?

В большой и почти пустой гостиной я не удержалась и сунула нос за шторы. За окном простирался огромный, залитый светом, сад. В темноте я не рассмотрела его очарования, приняв за часть леса, но теперь поняла: за прилегающей к дому территорией тщательно ухаживали. Если бы я не боялась разозлить хозяина и остаться без билета домой, то непременно выскользнула бы погулять.

Стоя у окна и наблюдая за силуэтами орлов вдали, я поняла, что несмотря на радость от близящейся встречи с отцом, все же сожалею, что не увижу этот мир ночью. Должно быть, он совершенно другой, и хоть одним глазком...

Нет, нельзя о таком мечтать, о красивом романе уже домечталась. У мироздания порой причудливые пути исполнения просьб.

– Ты крепче, чем кажешься, – раздался за спиной уже ставший ненавистным голос. – В школе для шлюх учат выносливости, да?

– У тебя какие-то проблемы с этим, да? – холодно хмыкнула я.

– Нет, у меня нет проблем. Я всего лишь презираю таких, как ты. Готовых продаться любому, кто предложит крупную сумму и сытую жизнь. Не знаю, зачем отец тебя притащил, но очень надеюсь, что он вернет тебя туда, откуда достал, пока мы все не извозились в этой грязи.

– Ух, – я закатила глаза, – красиво сказано. Я бы с тобой даже в чем-то согласилась, если бы ты, мистер Моральный Облик, не попытался меня убить, едва увидел.

– Ой, да кому есть дело, что очередная шлюшка проживет на пару лет меньше?

– Как оказалось, твоему отцу, он же назвал тебя дебилом и велел отойти от меня.

Я фыркнула, посмотрев на обалдевшую рожу Фаренгейта-младшего и направилась вверх, не желая участвовать в спорах с ним.

Тем более, что будь я на его месте, вряд ли бы всем сердцем одобряла концепцию воспитания элитных любовниц. Может, в чем-то Лазарь и был прав. Но форма подачи, знаете ли, тоже имеет значения, поэтому если ты навалил под дверь соседям – то ты идиот, даже если это действие было преисполнено мудрости и философии.

Кроме лестницы других путей наверх не было, и мне пришлось протиснуться мимо Лазаря, который продолжал пожирать меня глазами – раз уж не получилось сделать это почти в прямом смысле ранее. А еще у него была отменная реакция: парень вцепился мне в запястье так быстро, что я даже не заметила движения.

– Отвали от моего отца, тебе ясно? – злобно прошипел он. – Не хватало здесь еще тебя!

– Если ты знаешь, кто такие идеальные, то знаешь и то, что мы не можем отвалить. Кто заплатит – тот и в дамках. В дамке... ладно, забудь, это странное выражение.

– А также я знаю, что церемонии выбора еще не было. И в твоих силах сделать так, чтобы отец не захотел тебя покупать.

– Не волнуйся, – я скривилась, – нет никакого желания становиться тебе мамочкой.

– Следи за языком!

– Убери руки! Хочешь снова сцепиться? Я и не таких обламывала!

– Давай посмотрим, как тебе удастся обломать меня, если я тебя куплю?

Лазарь отстранился, сделав вид, будто осматривает меня и оценивает.

– Выберу тебя и стану твоим хозяином. Ты будешь так же дерзить?

– Тебе придется довольствоваться мечтами, потому что папа на такую дорогую покупку денег не даст.

– Не так уж дорого ты и стоишь. Уверен, тебя оплатят последней. Будешь стоять в зале в одиночестве и ждать, пока кто-нибудь подберет невостребованный товар.

– Ты только что собирался покупать этот товар в числе первых.

Показалось, мы зашли слишком далеко, но никто не собирался уступать: Лазарь – пропускать меня наверх, а я сдаваться и признавать его правоту. Хотелось двинуть ему в челюсть, но проклятый Бренн

Фаренгейт должен был мне помочь, и мог отказаться, если я побью его сына!

– И куплю. И знаешь, что?

Он приблизился.

– Никто тогда не остановит меня от того, чтобы полакомиться твоей энергией.

– Кроме моей магии.

– О, не волнуйся, я знаю много способов обойти это препятствие.

Я поежилась от холодного ветра, взявшегося из ниоткуда. От Лазаря исходила такая злость, что стало еще больше не по себе, и от паники меня отделяла тонкая ниточка. Которая быстро порвалась, когда мы услышали низкий угрожающий рык.

Парень тут же меня выпустил, и мы вместе отступили к центру гостиной, к креслам. А волчица, не сводя с нас глаз, спускалась по лестнице, обнажив острые клыки.

– Кхм... хорошая волчица, – тихо пробормотала я. – Мы тебя разбудили? Мы больше не будем...

И зачем я вообще пошла гулять?! В комнате не сиделось?!

– Ари, фу! – Лазарь повысил голос и явно старался казаться невозмутимым.

Чихать она хотела на все его старания. Ари прошла по гостиной, нервно хлеща себя по бокам хвостом, а затем остановилась между нами, подарив мне и Лазарю по очереди угрожающий взгляд.

– Ладно, – я подняла руки, – поняла, не ссориться. Сейчас я поднимусь наверх и остаток дня проведу в комнате, которую мне выделил Бренн. Вот, видишь? Я поднимаюсь...

Р-р-р.

– Хорошо, не поднимаюсь. И что мне делать?!

– Ари! Место! Эй, я тоже твой хозяин!

Волчица низко наклонила голову и сделала молниеносный рывок вперед. Стальные челюсти клацнули где-то рядом с ногой Лазаря. Стоит отдать ему честь: он только вздрогнул, а вот я не удержалась от вскрика. Стало стыдно за слабость, поэтому я съязвила:

– Ну вот, тебя даже животное не слушается, а ты хотел бабу купить.

Теперь «клац» подарили мне, и от неожиданности я грохнулась в кресло, очень удачно оказавшееся позади. Лазарь последовал моему

примеру, и только тогда Ари удовлетворенно улеглась на ковре.

Кажется, мы здесь застряли.

В «Твилиде» подавали запеченный сыр с вареньем и бокалом белого вина, но Эржбет не интересовала еда. По мнению Бренна – очень напрасно. Если кто-то увидит их здесь, то этот обед станет для него последним, так что следовало насладиться вкусом.

– Она сбежала, Бренн. Сбежала!

– Ты повторила это шесть раз с тех пор, как села за столик. Да, Грейс Голд сбежала, и она сейчас в моем доме. А чего ты ждала? Девчонка в твоей академии не по своей воле, она хочет вернуться домой. Это логично. Я верну ее вечером, ничего с твоей Грейс не произойдет. Пообщается с моим сыном, поймет, что принц еще неплохой вариант, и как миленькая пойдет со мной обратно.

– Дело не в этом.

Она сжала губы и дрожащей рукой поднесла бокал к губам, но будто забыла сделать глоток, и так же поставила его обратно на стол.

Бренн соврал, если бы сказал, что ему не интересно, что же привело всегда собранную Эржбет в такое состояние. Но и помогать ей не собирался. В последний раз он видел ее без холодной улыбки-маски, когда Эржбет рыдала над телом племянницы, и не сказать, чтобы Бренн жаждал чего-то подобного еще раз.

– Я знаю, почему Грейс сбежала. У нас с ней вышел конфликт... я забрала артефакт из ее мира, который был ей дорог.

– Эржбет, ближе к делу, у меня не так много времени. Скоро вернется король, я должен присутствовать на собрании.

Ее передернуло от упоминания о короле, и Бренн подумал: как такая, как Эржбет, сумела смириться? Принять нового правителя, правила игры, почти с благодарностью взять руководство над академией?

– Этот артефакт содержал в себе изображения. На них была Грейс и ее отец.

Она подняла на него покрасневшие глаза. Их глубина могла утянуть его в водоворот воспоминаний. Глаза Эржбет были почти такие же, как у Ариадны.

– Это Эрмес, Бренн. Эрмес!

Сыр попал не в то горло, Бренн принялся надсадно кашлять и – пусть будет проклят рассвет! – привлечь внимание.

– Это невозможно, – наконец произнес он. – Ты ошибаешься.

– Я, по-твоему, похожа на сумасшедшую?! Это был Эрмес! Но в совершенно другом окружении, в ином мире! Он как-то спасся, как-то ушел...

– Эржбет, никто не выжил. Король, королева и младшая принцесса погибли мгновенно. Они даже не успели ничего понять, я...

– Ты видел тела?

Только Ариадны

– Нет.

– Значит, это возможно.

– Эржбет...

– Возможно?! Я знаю, что видела, Бренн! У Грейс были портреты Эрмеса с собой, она называла его отцом! Я не знаю, как это возможно, но ты хоть понимаешь, что это значит?! Если он жив...

– Он мертв! – отрезал Бренн. – Он мертв, Эржбет, заруби себе на носу, если не хочешь сама оказаться в могиле! Где этот артефакт? Ты забрала его?

– Он исчез. Не знаю, что случилось, должно быть, на нем какая-то защита. Вряд ли он у Грейс, иначе она бы не сбежала. Бренн... она ведь может быть... может быть Луной?

– Значит, на портретах Эрмес в ином мире? – хмуро уточнил он.

Эржбет кивнула, и Бренн едва подавил желание грязно выругаться.

– Тогда Грейс не должна попасть к нему. Ни в коем случае. Я верну ее в академию, и ты будешь молчать. И мы не отступим от плана, тебе ясно?

– Она моя племянница, Бренн...

– Твоя племянница мертва. Если ты объявишь Грейс принцессой Луной, то лишишься всего. Подумай, Эржбет, готова ли ты поставить на карту все. Никто не должен знать, что ты видела Эрмеса, никто не должен знать, кто такая Грейс. Если ты говоришь правду – унеси ее с собой в могилу, а если ложь – немедленно забудь!

Эржбет злилась, Бренн больше не видел в ее глазах боль давно минувших дней, теперь он видел там пылающий яростью омут. И,

прежде, чем она натворила дел, он накрыл ее руку своей и до боли сжал.

– Ты готова лишиться всего, к чему стремишься, из-за девчонки, которая не знает тебя? Которая не хочет не иметь ничего общего с Магией? Которая может быть – я подчеркиваю, может быть! – по крови принцессой, но на деле всего лишь одна из многих, пришедших из иного мира?

– Бренн, что ты собираешься с ней сделать? Зачем тебе идеальная?

– Это мои проблемы. Я обещал тебе результат, а пути его достижения тебе лучше не знать. Возвращайся в академию, Эржбет, и прекрати обо всем этом думать. Ты поняла меня?

– Да, Бренн. Но это не так-то просто забыть. А ты предлагаешь мне смотреть на нее каждый день, видеть, как повзрослела Луна, и знать, что она – лишь инструмент?

– Она не инструмент. Она – расходный материал. И в ней нет ничего от Луны, Эржбет. Что бы ни значили те портреты с Эрмесом, Грейс Голд не имеет ничего общего с принцессой. И у нее нет ни единого шанса ею стать. Для нас обоих лучше, чтобы она исчезла. А теперь иди, я должен вернуться на службу.

Но прежде он закончит обед, ибо что-то в этом все-таки есть: в разгар рабочего дня потягивать холодное сухое вино, сквозь мутное от пыли стекло смотреть на улицу и размышлять о том, какие причудливые порой повороты совершает судьба.

У принцессы Луны, младшей наследнице рассвета, члена древнейшего рода рассветников... сумеречная магия.

А еще она послужит тем недостающим инструментом, что вернет Ариадну.

Это даже красиво: сестра отдаст жизнь за сестру.

Время обеда заканчивалось, но «Твилида» совсем не пустела, напротив, свободных столиков оставалось все меньше, разносчики сновали туда-сюда, едва успевая менять салфетки и посуду, а отовсюду поплыли аппетитные запахи самых разных блюд.

Во всеобщей суматохе рассветного города никто не замечал мужчину за столиком у окна. И уж точно никто не слышал, как он устало и обреченно смеялся.

Глава шестая

Я проснулась от негромкого смеха. Он так резко вытащил меня из приятной, хотя и поверхностной, дремоты, что голова включилась не сразу, и поначалу я не поняла, где нахожусь и что происходит. Потом мозг худо-бедно начал соображать, хотя затекшая и ноющая шея не способствовала активному мыслительному процессу.

Мы с Лазарем так и отрубались в гостиной, сидя в креслах, а волчица сторожила нас вплоть до заката. Я поняла, что наступил сумрак, по раздвинутым шторам и робкому свету луны, проникающему в окна.

Черт, сбитый режим меня добьет. Голову будто набили ватой.

Бренн сидел на ковре, почесывая явно довольную собой волчицу. Его сын в кресле выглядел так, словно пережил там похмелье. А может, и пережил: кто знает, на что способна магия, когда ты застрял в кресле, а рядом кровожадная зверюга?

– Я даже не стану спрашивать, как вы оба здесь оказались, – посмеиваясь, сказал Бренн, – но Ари определенно заслужила сегодня награду.

– Быть ковром у меня в комнате тоже своего рода награда, – буркнул Лазарь.

Ари оскалилась, а я поняла, что ему наша сиеста тоже не понравилась. Даже на душе потеплело. Главный моралист этого мира пострадал за собственные убеждения – прекрасный штрих к общему портрету.

– Молодец, девочка, – ласково сказал Бренн, – только на тебя и можно положиться.

Поразительная связь с волком! Я, конечно, слышала, что дикие животные одомашнивались, особенно те, кого люди подобрали в детстве. Но никогда не видела вживую, как смертоносный хищник мурчит и бешено машет хвостом, подставляя пузо под чесание. Должно быть, здесь не обошлось без магии.

И мне тоже ужасно захотелось погладить Ари, глядя на них с Бренном, но, помня об оскале, я не рискнула.

– Переодевайся, – наконец поднялся Бренн.

– Во что? – не поняла я.

– В форму, естественно.

Сердце сначала испуганно замерло, потом с силой стукнуло в груди, а потом забилось в неистовом темпе, грозя лишить меня способности дышать.

– Вы что... вы вернете меня в академию? Но вы же обещали!

– Что обещал? – вежливо поинтересовался Бренн.

– Помочь! Отправить меня домой!

Лазарь, все еще сидевший в кресле, от души рассмеялся. Бренн бросил на него быстрый взгляд, но ничего не сказал, только на секунду недовольно скривился. Затем снова обратил внимание ко мне.

– Ты думаешь, это так просто? Ввалился во дворец с неизвестной девицей, прошел в портал – и все? Никто не пустит тебя внутрь, а вот принцу могут доложить, и попадешь в его сундучок с игрушками раньше, чем Эржбет сделает из тебя настоящую куколку. Тебе надо попасть во дворец, и проще всего это сделать с принцем.

– Диланом?! – ахнула я. – А если он не поведет меня во дворец?

– Поведеет, будь уверена.

– Но это почти через год! Отец сойдет с ума! Он без меня не сможет!

– Значит, как раз приедешь к наследству! – отрезал Бренн. – Я не собираюсь рисковать ради тебя жизнью и пробираться к замку кустами и канавами. Вернешься к Эржбет, затем, как все нормальные воспитанницы, отправишься с хозяином в его дом, и там я смогу провести тебя к порталу. На этом все. Бегом переодеваться.

Но я не могла заставить себя сдвинуться с места. Ноги налились тяжестью, а в голове в тысячный раз звучало «вернешься к Эржбет». Да она убьет меня за побег, и Дилану некого будет вести во дворец!

– А если вы лжете?

– То ты никак это не проверишь. Придется рискнуть, потому что я все равно не позволю тебе уйти и шататься по новому миру одной. Что? Что ты стоишь и смотришь на меня? Еще вопросы?

– Да, – медленно проговорила я, – мы можем пройти через город?

– Город в другой стороне.

– Сделаем крюк.

– Зачем?

– Хочу посмотреть на сумеречный мир и его магию прежде, чем вернусь в место, лишённое всякого волшебства.

Сначала подумалось, откажет. Я мало знала Бренна Фаренгейта, но была уверена, что водить девиц на ночные прогулки совсем не в его характере. Он точно не позволит мне сбежать, вернет к Эржбет не моргнув и глазом, а мне останется только верить, что сумеречник не обманет. Хотелось бы верить, имея что-то в истории.

– Ладно, – наконец произнес мужчина, – но быстро. Посмотришь город – и вернешься в академию. И без глупостей, Грейс. Если хочешь снова увидеть отца – слушай то, что я говорю, понятно?

– Да, – вздохнув, ответила я. – Понятно.

Хотя порой «понять» совсем не означает «поверить».

Платье выстирали, высушили и отгладили пожелавшие остаться неизвестными эльфы (ну или кто у них здесь занимался хозяйством?), но все равно я надевала его скрепя сердце. За столько времени дурацкая форма с пошлым белым воротничком стала ненавистной.

Сомнения, сомнения, подозрения и тревоги. Могу ли я довериться Бренну? Стоит ли возвращаться к Эржбет? Сумеречник обещал, что уладит вопрос с моим побегом, но я понятия не имела как, и руки тряслись, когда я покидала комнату. Только возможность одним глазком взглянуть на сумеречный мир отвлекала от мрачных мыслей.

– Мы полетим на орле? – спросила я, когда дверь особняка Фаренгейт закрылась за нашими спинами.

– Не совсем. Орлы летают на рассветной магии, ночью они бесполезны. Мы полетим на нем.

Брэнн кивнул на площадку перед домом, но из-за его спины я не сразу увидела наш транспорт. Но когда рассмотрела в темноте, лишь чуть подкрашенной слабым светом уличных фонарей, драконий... скелет, то изумленно ахнула.

– Вы что, еще и некроманты?

– Успокойся, это всего лишь эстетика сумрака. Мы питаем слабость к подобным вещам, они отличают нас от приторного лоска рассвета. Говорят, сумрак обнажает пороки – и эта истина метафорично отражается во всем, что нас окружает.

Брэнн помог мне забраться в седло, галантно подав руку. Я старалась не показывать страх, тем более, что уже летала с Диланом на орле, но все равно сидеть верхом на скелетообразном ящере было

жутко. И очень неловко держать его за кости позвоночника. Надеюсь, это его не оскорбит.

Привычный рывок, набор высоты, бьющий в лицо воздух и несколько секунд абсолютного отсутствия дыхания. Все это уже не пугало, и даже немного радовало. Я судорожно и крепко сжимала ручку на седле, но при этом мечтала, чтобы мы полетали как можно дольше.

– Ты голодна? – спросил Бренн.

Мысли о еде ушли на второй план, но, вспомнив, чем кормят в академии, я кивнула.

– Тогда пройдемся, – решил Бренн.

Впереди показались огни ночного города. Как я и ожидала, все вокруг было залито ярким искусственным светом. Этот мир не засыпал ни на секунду, и то, что днем казалось царством солнца и тепла, сейчас выглядело совершенно иначе. Мы приземлились на площади, и сделали это не одни: одновременно на брусчатку ступили еще три дракона-скелета. Бренн снова мне помог, а затем мы неспешно двинулись по длинному мосту, под которым то здесь, то там горели костры и слышалась громкая музыка.

– Поразительно, – не удержалась от комментария я, – вы действительно словно два мира в одном. Я не узнаю мест!

Только академии-близнецы хорошо просматривались с любых точек. Но даже они в ночи выглядели иначе. Один замок буквально купался в свете и жизни, а второй крепко спал со спущенным флагом.

– Облачный бассейн тоже не работает?

Еще один пункт в копилку под названием «сожаления о том, что никогда не доведется испытать».

– Ночью – нет, хоть это и наше общее развлечение. Сейчас покажу, что больше всего любят сумеречники. Только возьму еду.

Я пришла в восторг от местной уличной еды. На несколько минут Бренн скрылся в одном из крошечных ресторанчиков вдоль променада, а потом вышел с двумя небольшими коробочками в руках. Внутри, в трех отсеках, обнаружили мясо, какие-то незнакомые овощи и маленькие порционные кусочки лепешки. Специальными щипчиками нужно было брать сначала лепешку, затем класть на нее мясо, и закусывать овощами. Удивительно удобно для еды на ходу и безумно вкусно!

– Спасибо, что взяли меня в город. И простите, что не поладила с вашим сыном. Я не специально, правда. Просто я не всегда могу сдерживать раздражение и злость. Папа говорит, это из-за работы. Когда ты вынуждена терпеть хамство и разные намеки, невозможно молчать еще и за пределами бара.

– Не советую никому говорить, что ты работала в баре.

– Я всего лишь хотела сказать, что не планировала ссориться с вашим сыном.

– С ним все ссорятся. Я бы скорее удивился, если бы пришел – а вы объявили о скорой свадьбе.

– Это не мое дело, но... у вас, кажется, тоже отношения с ним не задались?

– Ты права. Это не твое дело, – отрезал Бренн.

На всякий случай я уткнулась в коробочку и решила больше жевать и меньше говорить. Чтобы не лишиться себя шанса на спасение. И заодно прогулки. Но Бренн, к моему удивлению, вдруг продолжил:

– Мы не испытываем друг к другу любви. Я никогда не любил его, а он не любил меня. Но, пока он учится, я обязан быть его опекуном. По завершении академии сумрака Лазарь отправится в княжество, которое ему оставила бабка. И, полагаю, мы навсегда друг о друге забудем.

– Но так ведь нельзя, – вырвалось у меня. – Вы – семья. Все дети должны любить родителей, а родители – детей. Так правильно!

– Ты приемная?

Вопрос меня обескуражил. Первой реакцией было почти выкрикнуть «Нет!», ведь напоминания об отце болезненно кололи в самое сердце. Потом я вспомнила слова Бренна о том, что у меня есть магия, и сникла.

– Не знаю. Я ничего не помню из детства. Папа говорит, это потому что я очень тосковала по маме и тяжело переживала ее смерть. Он сказал, что меня называли в честь Грейс Келли – княгини Монако. Не думаю, что я приемная. Хотя и не знаю, как объяснить возможное наличие магии.

– Тебе стоит молчать об этом. Наличие у тебя магии может поставить под угрозу возвращение во дворец. Эржбет ничего не скажет принцу, если заметит, но вот преподаватели и другие идеальные...

– Почему магия поставит под угрозу мое возвращение?

– Потому что Дилан – трус. Он боится тех, кто может дать ему отпор. А с магией это сделать проще, потому что сам принц ужасно посредственен и ленив. Его уделаёт мало-мальски талантливый подросток, и совершенно точно принц не станет рисковать, издеваясь над идеальной с магическим даром.

– Потрясающий мир.

Аппетит как-то резко пропал, но, к счастью, я почти все уже доела.

– Вон там, возле академии сумрака, происходит главное развлечение. Но мы не будем подходить, посмотрим отсюда. Присмотрись...

Мост сделал резкий поворот, на несколько секунд обзор закрыл скелет-дракон, взлетающий откуда-то снизу, а потом я ахнула, потому что увидела, как сотни крошечных фигурок карабкаются к луне прямо по звездному небу!

– Как... как они это делают?!

– Легко и просто. – Бренн пожал плечами. – В воздухе висят камни, которые лишь кажутся звездами. Надо дойти до самого конца, не сорвавшись вниз. Это сложнее, чем кажется.

– Они без страховок? А если сорвутся?!

– Они маги.

Вот и все, очень просто. Маги – и вопросы отпадают. Хотя скорее это Бренну лень было объяснять, он вообще казался ужасно отстраненным. Погруженным в собственные мысли, задумчивым, мрачным. То и дело бросал на меня странные взгляды.

– Так почему вы не любите сына? Я просто... не понимаю, как это возможно. Ну, Лазарь явно не подарок, но обычно как раз именно такие и купаются в родительской любви.

«И вырастают мудаками», – этого я не говорю.

– Мы разошлись с его матерью. Она уехала, а мальчика оставила мне. Мне всегда было плевать на ребенка, я служу короне, а не купаюсь в розовых слюнях.

– Ясно, – вздохнула я, не зная, что еще сказать.

Холодало. В тонком платье мне было зябко, но попросить что-нибудь теплое я не решалась, уповая на то, что прогулка скоро завершится. Нам ведь нужно было обернуться до рассвета. Хотя

покидать город было жалко. Его нарядная суэта внушала уверенность в том, что все будет хорошо.

Но до этого мне предстояло вернуться в академию идеальных и дожить до выпуска. Не такая уж простая задача, и, когда мы улетали навстречу скрытому в глухом лесу особняку, я с сожалением, едва не свернув себе шею, жадно смотрела на звездную стену и ее скалолазов.

Мечтая, что однажды доберусь до самого верха.

А ведь должна была мечтать о том, как доберусь до дома и отца.

Я не думала, что вернуться в академию будет так сложно. И не осознавала этого вплоть до момента, когда Бренн направился по дорожке к воротам. А я, отстав на несколько шагов, едва заставляла себя переставлять ноги, вплоть до момента, пока совсем не остановилась. То ли услышав, то ли почувствовав, сумеречник тоже замер.

– Много лет назад, уже после развода с матерью Лазаря, у меня была невеста. У нее была непростая семья, которая строго относилась к потенциальным избранникам дочери. Она должна была познакомить нас на королевской охоте, куда я не без труда получил приглашение. Я прибыл после заката, оставил дракона в ангаре и решил срезать через лес к отелю, где традиционно селятся участники охоты. Когда до него оставалось буквально сто метров, я услышал шум позади, и быстро нашел маленькую девочку, которая пряталась за деревьями, но упорно за мной шла. Она сказала, что выбежала посмотреть на полную луну и потерялась. Увидела меня и испугалась, но подумала, что я смогу вывести ее к дому.

Он задумчиво посмотрел на луну.

– Она отказалась идти ко мне на руки и вообще приближаться, но попросила разрешения следовать за мной – и мы вышли из леса к отелю. Там все носились в панике, потеряли ребенка. Ребенок оказался сестрой моей невесты – и вот как-то так я получил одобрение будущего тестя.

– Милая история. Зачем вы мне ее рассказали?

– А затем, что даже трехлетка понимала, что у нее нет выбора, кроме как идти за мной. Ты или сворачиваешь в лес и пытаешься там не погибнуть, или идешь за мной, надеясь, что я не убийца и выведу тебя к семье.

– Хорошо, – я закатила глаза, – варианта сворачивать в лес нет, я поняла.

– Тогда не отставай.

Легко говорить! Не ему всю душу вытащит Эржбет, чтобы как следует поквитаться за попытку побега. Даже если Бренн защитит меня от наказания, последствия все равно будут. Пожалуй, можно даже порадоваться тому, что меня привел принц: Эржбет так или иначе обязана сохранить меня для него.

Хотелось бы, конечно, «так», а не «иначе».

Академия встретила привычной ночной тишиной. Что ж, хотя бы все спят и не видят мой позор. Утром соседки наверняка устроят допрос, но до рассвета будет время перевести дух.

А вот Эржбет нас встречала.

На идеальном лице застыла вежливая и холодная улыбка. Женщина не удостоила меня даже взглядом, а вот Бренну почтительно кивнула.

– Ваше сиятельство, рада вас видеть.

– Эржбет, очаровательно выглядите. Как и обещал, привел вам адептку. Еще раз приношу свои извинения за выходку моего сына. Даю вам слово, впредь он не ступит на территорию вашего пансиона.

Я едва сдержалась, чтобы не ахнуть. Он что, свалил мой побег на Лазаря?! Хотя бы объяснил, какая у нас легенда!

– Главное, что девушка в порядке, – кивнула Эржбет. – И что принц не узнает об этом... недоразумении.

– Само собой. Правда, я накормил ее пирожным, – Бренн усмехнулся собственным мыслям, – надеюсь, Его высочество не надорвется. На этом прошу меня извинить, долг зовет.

Днем работал, ночью – долг. Когда он вообще спит?

Эржбет напоминала слегка обеспокоенную, но приветливую тетушку. Она разве что не расцеловала меня в обе щеки, и я почти поверила, что сейчас выдаст ужин и отправит настрадавшуюся деточку отдыхать, но дверь за Бренном захлопнулась, и дебильная улыбка на ее лице сменилась гримасой раздражения.

– Не думай, что я поверю в его ложь. Наследник Фаренгейтов на спор проник на территорию академии и попытался забрать жизненную силу у воспитанницы, а потом, испугавшись, утащил ее домой и сознался отцу? Бред.

Я испытывала странные эмоции. С одной стороны, Бренн действительно попытался меня защитить, а значит, ему можно верить. С другой, у него это не слишком-то получилось. А с третьей – жестоко так поступать с сыном! Лазарь, конечно, идиот, но не он виноват в том, что я сбежала.

Но я быстро убедила себя в том, что идиот все равно пытался мной полакомиться, а значит, не важно, где именно это произошло. И от него не убудет поработать местной лесной бабайкой.

– Иди за мной, – мрачно скомандовала Эржбет.

Я уныло поплелась вверх, в уже знакомый кабинет, думая, что если меня снова попытаются напоить, то за последствия я не отвечаю. Однажды все это плохо кончится... и почему у меня ощущение, что сегодня?

– Тебе сильно повезло. Не знаю, почему Бренн Фаренгейт тебя выгораживает, однако он обратил на тебя внимание и будет следить. Возможно, по поручению принца.

Я поежилась, на секунду поверив Эржбет. Что если Бренн, используя знаменитую стратегию «не можешь остановить беспредел – возглавь», просто приглядывает за мной по просьбе принца? Черт, у меня и без выпивки сейчас голова на части развалится!

– Поэтому я не стану тебя пороть, хотя и очень хочу. Ты предала мое доверие, Грейс. Ты поступила безответственно и глупо. Ты совершенно необучаема.

– Странно ждать покорности от человека, который не хочет здесь находиться, – заметила я.

– Странно перебивать меня, в то время, как твоя жизнь висит на волоске! – рявкнула Эржбет. – Я ведь могу сообщить о твоей выходке принцу. Пострадаешь ты, пострадает князь Фаренгейт за то, что помог тебе. Никто не позволит тебе, Грейс, закончить академию. Отправишься к принцу немедленно, и ни о каком статусе идеальной не будет идти речи. Тебе оказана честь находиться здесь, обучаться. Тысячи девушек, куда более красивых и способных, мечтают оказаться в мыслях принца. Но ты не ценишь удачу. Ты разочаровала меня, и будешь наказана.

Эржбет прошла к столу и неторопливо открыла ящичек. Мне казалось, сердце с очередным ударом просто остановится, но оно все

билось и билось, не желая сдаваться. Перекачивало вскипевшую кровь, заглушала все сторонние звуки гулким стуком.

– Я либо сообщу о том, что ты натворила, Его высочеству. Либо...

– Эржбет положила передо мной массивные серебряные ножницы и многозначительно кивнула.

Ладно, несмотря на всю нервозность момента, я не очень поняла, о чем она.

– И что мне с ними делать? Вскрыться от раскаяния? Так вы бы хоть канцелярский ножик дали, я же вам весь кабинет уделаю.

– Прекрати паясничать, Грейс! В моей академии за каждый проступок вы лишаетесь чего-то. Одетта лишилась свободы. Ты лишишься волос.

– Что? – Мне показалось, я ослышалась.

– Это отобьет тебе охоту бегать. Возьми ножницы и срежь свои волосы под корень. Немедленно. Иначе отправишься сначала в подвал, а затем прямиком к принцу.

Захотелось ее придушить. Даже руки судорожно сжались. Не то чтобы я дорожила волосами, папа всегда стриг меня под каре, чтобы не мешались, не выгорали на солнце и не сохли от соленой воды. Но Эржбет давила морально, заставляла наказывать саму себя. Я думала о том, как вернуться в комнату девочек и буду слышать их перешептывания.

– У вас ведь скоро бал. Не боитесь, что идеальная с оболваненной головой не пройдет в следующий тур?

– Не боюсь, – холодно улыбнулась Эржбет. – А если будешь огрызаться, прикажу еще и выбить тебе зубы. Быстро взяла ножницы! Уборная вон там!

Хотелось взять ножницы и воткнуть их куда-нибудь в особо чувствительное место, чтобы с лица Эржбет сошла самодовольная улыбка стервы. Но вместо этого я схватила ножницы и молнией метнулась в уборную, чувствуя отвратительный привкус унижения.

Сегодня она победила, но это совсем не значит, что так будет всегда.

Крошечная, но роскошная – иначе Эржбет, кажется, попросту не умела – уборная освещалась очень слабо. Из-за тусклого теплого света от нескольких свечей у самого потолка, отражение в зеркале казалось мне нереальным, мистическим. По коже даже прошелся холодок. Здесь

была и большая стойка-канделябр, но магические свечи на ней не горели, а как их включить, я не знала.

Ах, да, уже ведь ночь – магия Эржбет не действует.

Удивительно, как ей удается сохранять хладнокровие и уверенность в себе даже оставаясь полностью беспомощной.

Я долго не решалась поднять ножницы и отрезать первую прядь. Мне никогда не нравился мой блонд, больше похожий на седину, и я старалась выкроить денег на окрашивание в более теплый тон. Здесь вряд ли приветствуют смену цвета волос, а значит, уже через несколько месяцев я стану совсем другой Грейс. Еще более далекой от дома.

Небольшая цена за возможность в этот самый дом вернуться.

Чтобы быстрее со всем покончить, я срезала волосы практически не заботясь о какой-либо эстетике. Объявлю новую прическу протестом против системы, а, как известно, чем страннее протест, тем больше о нем говорят. Может, кто-нибудь особо впечатлительный даже последует моему примеру.

Светлые пряди падали на темную плитку, пока я на ощупь кромсала волосы на затылке. Немного кружилась голова: наверное, я спала в слишком неудобной позе. В один момент ножницы просто выскользнули из руки и с оглушительным грохотом упали на пол.

Наклонившись за ними, я вдруг поняла, что... мне на лицо падают волосы.

Резко, так, что потемнело в глазах, я выпрямилась и вновь обратилась к зеркалу. Открыв рот, я смотрела, как криво обрезанные пряди растут на глазах, превращаясь в длинные локоны.

Я никогда не носила такую длину!

А вот цвет был мой: пепельный блонд, хотя здесь от них словно исходило едва заметное глазу сияние.

– Э-э-э... Эржбет, – позвала я, – кажется, у вас небольшие проблемы с воспитательным эффектом от наказания.

– Что, прости?

Эржбет появилась в уборной, и вежливое удивление сменилось на ее лице злостью.

– Немедленно прекрати! – рыкнула она. – Я велела тебе состричь их!

– Видите ли, я это немного не контролирую!

Тогда женщина вырвала у меня из рук ножницы и сама ухватилась за волосы, больно дернув меня к себе.

– Ай! – воскликнула я.

«Чик!», – и теперь уже длинная прядь упала на пол.

Но, как только Эржбет взялась за следующую, обрезанная почти сразу вернула утраченные позиции.

Несколько минут я наблюдала, как директриса академии психует: раз за разом режет мои волосы, а потом бесится, когда они отрастают. Снова и снова, пока я не взбунтовалась и не отпихнула ее, поняв, что больше не могу находиться в полусогнутом положении.

Отчасти я понимала злость Эржбет, да и сама испытывала как минимум шок и смятение, потому что вот так совершенно точно проявлялась сумеречная магия, и больше не получалось игнорировать ее намеки. Я понятия не имела, что делать с открывшимся знанием, но теперь, когда о моей силе знает не только Бренн, просто обязана была что-то предпринять.

Но все же взгляд Эржбет меня напугал. Слишком яростный, слишком безумный. Она словно столкнулась не с бунтующей воспитанницей собственной академии (коих наверняка было не одна и не две), а с призраком. Восставшим мервецом, не меньше.

– Вон! – рявкнула Эржбет прежде, чем я успела что-то сказать.

– А...

– ВОН! Быстро в комнату! Сгинь с моих глаз, Грейс!

И я поспешила послушаться. Не до конца понимая, кого (или что?) следует благодарить за свое спасения, чувствуя странную тяжесть волос, которые никогда в жизни не были такими густыми и длинными.

И жизнь такой странной тоже никогда не была.

Не верилось, что я сюда вернулась. В лесу особняк с запертыми в нем девушками казался сном, жутким сюжетом антиутопии, а сейчас я снова в нее окунулась. Только теперь все стало в разы сложнее.

Можно было игнорировать сумеречную магию во мне, пока о ней знал лишь Бренн Фаренгейт, но теперь все собственными глазами видела и Эржбет. Вряд ли она оставит все как есть. И что сделает теперь? Может и побояться отдавать меня принцу, его не обрадует способность игрушки давать отпор.

Если она, эта способность, вообще есть. Вдруг я умею только отращивать волосы? И хорошо, если только на голове, а то к проблемам добавится трехразовая депиляция.

Академия давно спала крепким сном, но в одной комнате все же царило оживление. Я и не ждала, что соседки будут спать, ведь Эржбет наверняка предупредила их о моем возвращении. Но точно не могла подумать о том, что увижу за дверью.

– Грейс! – Пейдж вскочила на постели.

Вот по ней, пожалуй, я буду скучать дома. У меня никогда не было много подруг, да и с Пейдж мы мало общались. Она боялась, что я раскрою ее секрет, а я всегда держала в уме, что соседка может шпионить за мной для Эржбет. Но все же мне нравилось с ней общаться.

Пейдж осеклась на полуслове, рассмотрев меня.

– Что с тобой случилось? Эржбет сказала, что ты болела...

– Что-то я не слышала о болезни, от которой так растут волосы, – раздался ехидный, полный колкого льда, голос. – А они у тебя только на голове выросли?

– Что ты здесь делаешь?! – Я резко развернулась к Одетте.

Хотя скорее – к своей кровати. Сейчас в ней почему-то спала рыжая сучка, и так нахально ухмылялась, что я была готова вцепиться ей в волосы.

– Это моя кровать! Кыш!

– Вот еще. Теперь она моя. Кажется, Эржбет не надеялась, что ты вернешься. Что, принц брал игрушку на выходные? И все-таки решил, что не так уж интересно в нее играть. Теперь будешь искать новые добрые руки, как брошенный щенок?

– Одетта, перестань, – тихо попросила Феникс. – Сейчас накажут всех. Эржбет или сумеречники могут быть рядом.

Одетта только фыркнула и устроилась поудобнее. Она заняла мою удобную кровать у окошка! Одетта! Девушка, пытавшаяся меня утопить, не только не вылетела из академии носом вперед, но еще и заняла мою кровать!

– А где Кларисса?

Одна из кроватей, в самом дальнем углу, стояла пустой, и на ней высилась стопка из полотенца и чистого форменного платья на завтра.

Явно для меня. Эржбет не давала других указаний, кроме как идти в свою комнату.

Девчонки переглянулись, и Пейдж тяжело вздохнула.

– Ее отчислили. Я потом тебе расскажу.

– Цирковая обезьянка получила по заслугам. Я предупреждала. – Одетта пожала плечами. – Со мной не стоит связываться. Тебя, моль, это тоже касается.

– Заткнитесь уже! – рявкнула Татия.

Она не принимала участия во встрече блудной сокурсницы, и явно пыталась поспать, отвернувшись к стене и накрывшись одеялом. Но наши голоса, в отдельные моменты напоминавшие гомон в курятнике, ее, надо думать, раздражали.

Я в нерешительности замерла. Отвоевать свою койку? Или пойти на свободную? Кажется, раз та койка застелена свежим бельем, а еще на ней лежит моя форма, порядок действий ясен.

Но я не могла поверить, что после всего Одетта будет жить в этой комнате! Да она больная!

Словно поняв, что я думаю о ней, Одетта не глядя показала средний палец.

– Да пошла ты, – буркнула я.

Пейдж с явным облегчением вернулась под одеяло, Феникс продолжила следить за мной с выражением крайнего беспокойства на лице.

Идеальных в комнате по-прежнему было пятеро, но атмосфера неуловимо изменилась. Мне казалось, я не усну, зная, что в паре метров лежит Одетта, но усталость быстро взяла свое. Хотелось ни о чем не думать, позволить себе полностью расслабиться и восстановить силы, которых после импровизированного (и крайне провального) побега почти не осталось.

В суматохе всех событий и эмоций я почти забыла об утраченном телефоне со снимками. Но теперь цель – вернуться к отцу – стала хоть немного более реальной. Я ухватилась за соломинку, что предложил Бренн Фаренгейт, и намеревалась держаться за нее, пока не почувствую под ногами твердую почву.

Или свободный полет.

Показалось, на грани между сном и явью, что из открытого окна доносится грустная мелодия виолончели. Подобно сумеречной магии,

она манила, притягивала, звала к себе и мягко касалась каких-то очень чувствительных струн в душе.

Но музыка быстро оборвалась с негромким хлопком: Одетта закрыла окно.

Утром я проснулась от того, что кто-то плеснул мне в лицо ледяной водой.

– Вставай!

Я ожидала увидеть Эржбет, но, к собственному изумлению, встретила взглядом с Одеттой и мгновенно рассвирепела. Но замешкалась, одергивая ночную сорочку, и потеряла драгоценные секунды на реакцию.

– Подъем, – изогнула губы в издевательской усмешке Одетта. – Если проспичь завтрак, накажут всех. Шевелись.

Я скрипнула зубами и дернулась было в сторону этой дряни, но Пейдж и Феникс буквально повисли на мне и не позволили пошевелиться.

– Грейс, не трогай ее! – в панике зашептала Пейдж. – За драку очень серьезное наказание! Одетта умеет выставить себя жертвой! Не обращай внимание!

– Не обращать внимание?! Она меня облила!

– Она специально тебя доводит. Если Одетту игнорировать, она теряет ко всем интерес. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Все время, что я умывалась и одевалась к завтраку, меня трясло от злости. Дурацкие волосы мешались, никак не желая собираться в пучок, все тело ломило, а тоска от опостылевших стен академии обреченно выла внутри, не находя выхода.

– Почему Одетту не отчислили? Моя жизнь что, ничего не стоит, раз на нее можно покушаться и получать хорошие кровати у окна?

Пейдж пожала плечами.

– Всем бы хотелось знать. Сложно представить, будто Эржбет верит, что Одетту можно выгодно продать. Это ж какой риск! Такая идеальная может подпортить репутацию всей академии. Но Одетте почти все сходит с рук. Не знаю, почему. Может, родственница.

Я подумала, что крайне сомнительная забота о родственнике: воспитывать его будущей бесправной любовницей. Но, в конце концов, у всех свои отношения в семье. Мои тоже не назовешь идеальными.

ТЬфу, ненавижу это слово.

Мы действительно пришли в столовую одними из последних. Я не успела еще успокоиться после побудки, как снова вышла из себя, увидев Одетту за своим столиком. Рыжей стерве, казалось, нипочем косые взгляды и шепотки за спиной. Она кайфовала от эффекта, который производила, от опасливой осторожности и смутного страха окружающих. И мне подумалось, что она совершенно точно слегка безумна.

– Нет уж, сидеть она здесь не будет! – сквозь зубы процедила я.

– Грейс! – пискнула Пейдж.

Но на этот раз они с Феникс не успели меня остановить. Подскочив к столику, я схватила чашку с травяным настоем, и вылила нахалке прямо на рыжие кудри.

– Ой, извини, случайно получилось, – равнодушно процедила я. – Мне показалось, ты заснула, я решила тебя разбудить. Одетта, ты перепутала столик. Этот – мой.

Одетта начала вставать, пытаясь испепелить меня взглядом, а остальные девушки застыли, открыв рты. Столовая погрузилась в звенящую от напряжения тишину. И чем бы она кончилась, никто не мог сказать, но один из сотрудников-рассветников (тех, кто никогда не проявлял эмоций и практически сливался с интерьером) поспешил к нам.

– Что здесь происходит? – спросил он.

– Одетта перепутала столик, но она уже отправляется на поиски своего. – Я улыбнулась.

Рассветник повернулся к скрипящей зубами и обтекающей – в прямом смысле – Одетте.

– Вы отнимаете время у собственного завтрака, девушки. Займите свои места. А вам стоит нарисовать карту.

Он огляделся, нашел свободный столик, и переставил на него поднос Одетты, жестом приказав пересесть. На этот раз я торжествовала: победа оказалась моей. Но Одетта отомстит, это совершенно точно. И лучше быть готовой.

Ненавижу травяной отвар в этом месте!

Что, так сложно заварить чаю?

Потом я снова вернулась к учебе. Роб Мердок ждал меня в привычном кабинете, привычно невозмутимый и доброжелательный. Хотя на лице профессора явно отражалась двойная жизнь. Скрывать

отношения со студенткой не так просто, как кажется. Особенно, если за нее уже кто-то отслонявливает купюры.

– Грейс! – при виде меня Мердок обеспокоенно сдвинул брови. – Мне сказали, ты болела. Что-то серьезное?

– Я видела Бренна Фаренгейта, – выпалила я.

Профессор так и застыл с открытым ртом. И еще несколько минут он не мог справиться с речью, а когда, наконец, совладал, выдавил нечто короткое и удивленное:

– Как?!

– Длинная история. С секретами, которые еще могут пригодиться.

– Садись. Бренн помог?

– Не знаю. Мне сложно довериться незнакомому человеку. Сказал, что попытается, но я не уверена, что они с Эржбет не в сговоре.

– Это исключено, – отрезал Мердок. – Бренн Фаренгейт и Эржбет – последние люди во всех мирах, которые могут вступить в сговор. Бренн предал семью Эржбет, по его вине казнили ее брата и убили племянниц. Эржбет никогда его не простит, а он никогда не удостоит вниманием представителя бывшей королевской семьи. Поверь, если Бренн сказал, что поможет – так оно и будет.

Я только вздохнула. Бренн многое сказал, даже поведал трогательную байку из молодости. Но это совершенно не значило, что князь Фаренгейт – добряк, каких поискать.

– Бывают выходцы из других миров, которые обладают магией?

– Почему ты спрашиваешь? – Мердок оторвался от плана занятия и поднял голову. – Это как-то связано с твоей новой прической?

– Может быть...

– Я никогда не слышал об иномирянах, обладающих магией.

– А если гипотетический иномирянин вдруг... обнаружил в себе гипотетическую магию? То что будет?

– Гипотетически – вряд ли это такой уж иномирянин.

– Но я выросла на Земле! – вырвалось у меня. – Жила там столько, сколько себя помню.

Хотя я почти не помню первые годы, но разве кто-то вообще их помнит?! Папа рассказывал, что мы часто гуляли по пляжу, что у нас была большая лохматая собака, которую мы выбрали возле бара, и что однажды эта собака убежала, а мы еще полгода искали ее по всему городу. Мы собирали ракушки и строили из них замки, мы вместе

мастерили лежаки и собирали зонтики. Точнее, папа собирал, а я все время была в коляске рядом, потому что у него не было денег на няню.

Все это я не помнила, но оно было! Часть моей жизни, детства. Зачем отцу врать?

– А какой тип этой гипотетической магии? – Голос Мердока вернул меня в реальность.

– Сумеречный.

– Интересно. Я бы не стал ставить на то, что ты – феномен двух миров. Мы неплохо изучили Землю, магия на ней не существует как вид энергии. Ты не смогла бы открыть в себе дар, будучи иномирянкой.

– И что это значит?

В моем вопросе явственно послышалось «ну давай, только попробуй озвучить правду, которую я боюсь!».

– Давай это выясним. Магия – уникальна, нет ни одной пары идентичных отпечатков силы сумрака. Если ты получила дар в нашем мире, будет легко узнать, от кого. Может, ты полукровка или что-то типа того.

– И вы действительно сможете узнать?

– Пожалуй. – Мердок кивнул. – Если ты этого хочешь.

– Кажется, у меня нет выбора после того, что вчера видела Эржбет. Она уже наверняка на пути к нужной информации, и мне бы хотелось быть в равных условиях... насколько это возможно.

– Грейс-Грейс, – покачал головой мужчина. – Не пытайся тягаться с Эржбет. Эта леди затыкала за пояс куда более опытных и беспринципных противников. Будь осторожна, сосредоточься на цели.

– Это уже тема урока? – буркнула я.

Мердок рассмеялся и, как мне показалось, немного устало покачал головой.

– Еще нет. Возьми листок и напиши все проявления своей магии. Я попробую хотя бы сузить круг семей, в родстве с которыми ты можешь состоять. Их не так уж много среди сумеречников, и наверняка во время переворота бесследно исчезли не сотни детей.

Я послушно взяла чистый листок и вывела:

«1. Сопротивлялась попытке Л.Ф. полакомиться моей жизненной силой».

– Л.Ф. – это... ? – Профессор все это время стоял у меня за спиной.

– Лазарь Фаренгейт. Сын Бренна.

– Ты интересная девушка, Грейс. Очень интересная. Что-то еще?

– Ну, наверное, новую прическу тоже стоит записать в число магических умений.

– Прическу? У тебя новая прическа? – удивленно моргнул Мердок, и теперь хихикала уже я. – И правда, я даже не заметил...

– Эржбет пыталась обрезать мне волосы. А волосы сопротивлялись.

– Это значительно сужает круг!

Вот только я совсем не разделяла его радость. Сколько в этом мире магов сумрака? Миллионы? Миллиарды? Невозможно проверить всех! Даже на Земле, с ее базами ДНК, соцсетями и доступностью информации сложно найти потерянных родных, а уж здесь...

– Грейс, – в ответ на эти озвученные мысли сказал Мердок, – ты судишь с высоты своего опыта. Магия уникальна, магия передается по наследству, магия не возникает из пустоты. Если у тебя есть дар влиять на свою внешность – этот дар хоть однажды, но проявлялся у твоих предков, и об этом есть записи. Если ты сумела отразить атаку другого сумеречника, то и этот дар имел кто-то из твоих пра-пра... по отдельности таких семей – сотни тысяч, но если совместить, то уже меньше. А с тех пор как к власти пришли рассветники, учет сил сумеречников ведется очень строго. Что-то еще?

Я рассказала об исчезнувшем телефоне, и мы записали этот эпизод под знак вопроса. Ничего другого я вспомнить не смогла, и вновь вернулась мыслями к утренней стычке с рыжей стервозиной. Как жить с ней почти год?!

– Не понимаю! Почему Одетту не наказали за попытку убить меня? За побег ее привязали цепью в подвале, а за нападение на сокурсницу поощрили хорошей кроватью у окошка?

Поняв, что урока сегодня не выйдет, Мердок махнул рукой и откинулся в кресле. Некоторое время он с загадочным видом хранил молчание, будто размышлял, стоит ли мне отвечать, но потом, наконец, произнес:

– Это как раз то, о чем я говорил. Грейс, все, что делает Одетта – исполняет приказы Эржбет.

У меня открылся рот.

– Зачем?! То есть...

– Играет роль, которую дает ей Эржбет. Она работает на нее третий год, изображает воспитанницу. Чтобы шпионить за другими девочками, чтобы служить им наглядной демонстрацией последствий непослушания. Чтобы держать идеальных в узде. Каждый раз ее якобы выбирают одной из первых, и Одетта по факту не участвует в распределении девушек по хозяевам. И продолжает играть свою роль. Преподавателям запрещено говорить об этом, если Эржбет узнает...

– Узнаю о чем? – раздался холодный и спокойный голос директрисы.

Мердок побледнел, а я судорожно спрятала листок, на котором писала, под учебник.

Что Эржбет слышала? Если много, то вряд ли признается, но если только часть... я не думала долго, только сжала губы и бросила в сторону наставницы холодный взгляд – это даже не было игрой, если я кого и ненавидела в этом мире, кроме Дилана, то Эржбет.

– О том, что я облила Одетту за завтраком вашей травяной бурдой. И в следующий раз эта бурда будет горячей, если Одетта не перестанет меня доставать.

По лицу Эржбет сложно было понять, о чем она думает, верит мне или лишь позволяет лгать. Но ей несомненно доложили о стычке в столовой, так что спустя несколько долгих секунд она кивнула. И я успокоилась: ложь сработала. Или мне захотелось так думать.

– Как правило за подобные вещи я наказываю обеих, и мне плевать, кто и кого доставал.

– Что-то не помню, чтобы вы наказывали кого-то, когда Одетта чуть не утопила меня.

Эржбет пропустила едкую фразу мимо ушей, а вот Мердоку в ее присутствии было явно неловко.

– Поговорим об этом позже. Профессор, я вынуждена забрать у вас Грейс. У нас случилась небольшая накладка, ее ждут на примерке.

– Разумеется. Грейс, дочитай то, что мы не закончили, к следующему занятию. И закончи свое письменное упражнение. Твои вопросы я изучу, в следующий раз пройдемся и по ним.

– Хорошо.

Что такое примерка и зачем меня на ней ждут, я не знала, но особого выбора не было. Хотя и привычной обреченной тоски – тоже. Академия идеальных впервые за много дней показалась не клеткой, а временным пристанищем. Очередным трейлером на пути к непременно светлому будущему.

То, что теперь именно трейлер, из которого я мечтала выбраться, стал светлым будущим – несущественные нюансы. Хотя я всегда жила мечтательным абстрактным «когда-нибудь», и это начинало надоедать.

Когда-нибудь я поступлю в колледж.

Когда-нибудь сниму квартиру в городе.

Когда-нибудь накоплю на машину.

Когда-нибудь снова увижу отца...

– Сейчас мы встретимся с портнихой, которая шьет моим девочкам платья на бал. С ней нужно будет обсудить твой образ. Он – ключ ко всему, ключ к хозяину, которому ты достанешься.

– А разве я не забронирована? Мне кажется, елку можно не наряжать – сразу упаковывать и отдавать в доставку.

– Принц любит красное, поэтому я подобрала несколько эскизов красных платьев. Сейчас выберешь понравившийся.

Эржбет выбрала тактику игнора и будто не замечала открытой враждебности. Мы, кажется, думали об одном и том же: сейчас день, и я беспомощна, но стоит взойти луне – и совершенно непонятно, какие силы и в какой момент проявятся. Эржбет не сталкивалась с таким, у идеальных не было магии, а я даже примерно не представляла, как использовать новое преимущество.

И нужно ли его использовать вообще.

Конечно, в этой академии у портнихи были целые апартаменты. И небольшой закуток с диванами и столиком, и подиум с огромным зеркалом, и встроенный шкаф с тканями и коробками, и даже целая комнатка с манекенами, разодетыми в платья для будущих элитных любовниц. Ну прямо бал в миниатюре.

Сама портниха, миловидная рыжеволосая женщина средних лет, приветливо мне улыбнулась.

– Грейс. Проходи, садись. Хочешь чаю?

В надежде на то, что хотя бы здесь дадут не опостылевший заваренный веник, я кивнула, но получила всю ту же настойку, не имеющую ничего общего с чаем. Надежда, что Эржбет уйдет, потухла,

едва она опустилась на диван и наманикюренными пальчиками принялась листать папку с эскизами.

Украдкой я рассматривала ее профиль и пыталась понять, почему один взгляд на Эржбет вызывает жгучую ненависть.

Причин любить ее не было, я точно не стану вспоминать академию с теплом и ностальгией, но мне в буквальном смысле хотелось вцепиться ей в прическу, и я никак не могла понять, почему. До недавних пор я даже не знала, что вообще способна испытывать подобные эмоции. Я всегда считала себя добрым человеком.

– Эржбет выбрала для вас несколько эскизов. Грейс, взгляните. Что-то нравится? Может, хочется что-то добавить или изменить?

Несколько листов с рисунками платьев пестрели пожаром. От ярко-красного даже зарябило в глазах, и тут же я мысленно объявила этот цвет самым отвратительным из существующих.

В целом местная бальная мода не особо отличалась от привычной. Я ждала каких-то диких нарядов, откровенных и пошлых, или же напротив, нарочито-магических, максимально выделяющих товар. Но пять эскизов, представленных швеей, были до неприличия обычными.

Их даже можно было счесть красивыми, если бы не стойкое отвращение к мероприятию, для которого мы их готовили.

– Вот этот очень неплох. – Эржбет показала на пышное бальное платье с глубоким вырезом и невесомой накидкой.

– Баба на чайнике, – прокомментировала я.

– Пожалуй, имеет смысл посмотреть более изящный силуэт, – дипломатично отозвалась швея. – Вот такой, например. Платье без колец, не такое пышное, а перья – хит сезона.

– Я что, гигантский красный страус?

– Грейс! – рявкнула Эржбет. – Не капризничай. Выбери платье.

– Хорошо. Вот это. – Я ткнула в симпатичное (несмотря на красноту) платье кружевным верхом, длинными рукавами и многослойной шифоновой юбкой.

– Мне нравится, – улыбнулась Эржбет.

Это она точно не о платье – удовлетворилась моей капитуляцией.

– Только добавьте декора. Поверх сделайте корсаж в тон. На крючках, что привезли недавно. И здесь добавьте разрез, чтобы когда она сидела, было видно ноги.

– И ценник, – не удержалась я.

– По ценнику за тебя уже рассчитались.

И снова побеждает Эржбет.

– Позвольте, я сниму мерки.

Даже швее было неловко находиться между нами, и она поспешила поставить меня на подиум, чтобы начать суетиться вокруг с сантиметром. Это уже не представляло для Эржбет интереса, и вскоре мы остались одни. Но на разговорчивость Мердока не было смысла рассчитывать, портниха намеренно держалась приветливо, но отстраненно. И после «можешь идти, Грейс, но через неделю я жду тебя на первую примерку» исчезла где-то среди манекенов. И мне ничего не осталось, как идти восвояси.

После обеда поставили урок бального этикета, их у меня еще не было. Но до обеда оставалось минут двадцать, и я решила вернуться в спальню, чтобы, пока нет девочек, надежно спрятать записи с урока. Если их найдет Пейдж или, того хуже, Одетта, беды не оберешься.

Едва открыв дверь, я почувствовала странный сладковато-тошнотный запах протухшего мяса. И это было странно, потому что никто не хранил сырое мясо в теплой комнате. Хотя, если брат Татии снова принес продукты для вечерних посиделок, что-то могло и не дожить. Если кто-то узнает – убьют, но не рыскать же по комнате в поисках стухшей заправки.

Планы поваляться провалились, поэтому я записала листок с заметками в тетрадь, а ее поглубже в тумбочку, и собралась было уходить, но вдруг остановилась у собственной постели.

Я совершенно точно ее не застала. Обычно какие-то невидимые и неведомые домовые эльфы, наверняка мысленно проклиная нерадивую и совсем неидеальную обительницу дома, устраняли последствия бардака, который я чаще всего намеренно создавала.

Вот только они делали это так, словно привыкли работать в отелях высокого класса. А моя постель сейчас была заправлена небрежно, косо, с комками и складками. Чувствуя неладное, я откинула покрывало.

Не удержалась от крика.

На белой простыне особенно уродливо и мерзко смотрелись крысы. Шесть здоровенных мертвых крыс с разинутыми пастьями и растопыренными лапами.

– Твою мать!

За одну секунду я научилась ругаться сразу на двух языках, а еще сдерживать тошноту при виде окровавленных тушек и от запаха мяса. Беру свои слова назад, кроме Дилана и Эржбет еще я ненавижу Одетту. И пусть я не могу защититься от принца или владелицы академии, уж Одетте ответка прилетит немедленно!

Я подлетела к ее постели и начала снимать белье, а затем выгребать все из тумбочки. Тетрадки, книжки, какие-то записки и прочую ерунду. Со звоном на каменный пол упал крошечный серебряный ножик, которому я не придавала значения и который бросила в общую кучу хлама. Туда же полетели вещи, небрежно брошенные на постели, пара обуви под кроватью и несколько бутылочек косметики. Все это я вывалила прямо на тушки, но даже тогда меня не перестало трясти. Если бы Одетта вдруг оказалась сейчас здесь...

А она и оказалась здесь.

– Фу, чем пахнет? – услышала я голос Феникс.

Они все возвращались с занятий, чтобы оставить тетради в комнате и отправиться на обед. Пейдж, Феникс и Татия хмурились и морщились, а вот Одетта сияла. Она уже увидела меня, но еще не видела учиненного мной беспорядка, а когда увидела, мигом из довольной стервы превратилась в ошалелую драную кошку.

Рыжую драную кошку.

– Ах ты дрянь! – взвизгнула она.

Подскочила ко мне и толкнула, но я сбросила ее руки с плеч и сделала то, о чем мечтала: вцепилась в кудрявую копну и дернула, что было сил! Откуда они только взялись, силы эти! И на то, чтобы удержать брыкающуюся Одетту, и на то, чтобы подтащить ее к кровати.

– В привычной среде обитания. Кажется, крыс в подвале Эржбет было недостаточно, раз ты притащила их сюда. Но вот незадача: перепутала кровати. Бывает, ничего страшного, я уже перенесла твои вещи. Только попробуй еще хоть раз подойти ко мне или к моим вещам.

– Убери от меня свои руки! – визжала Одетта, а я с каждым новым воплем тыкала ее в крыс, прямо как нашкодившего котенка.

– Ты. Спишь. Здесь. Раз и навсегда, тебе ясно?!

– Что здесь происходит?! Расступитесь!

В комнате собрались не только мои соседки, но и обитательницы соседних комнат. И все смотрели на нас со смесью ужаса и удовлетворения. Одетта здесь многих достала, кто-то даже открыто смеялся, глядя, как она пытается вырваться из моей хватки.

– Грейс, немедленно отпусти ее! – Эржбет была зла не меньше, чем я.

– Да пожалуйста.

Я разжала пальцы, и Одетта едва не грохнулась вишенкой на торт из собственных вещей с крысиным коржом.

– Все. Ты превысила лимит снисхождений, Грейс. Ничья протекция не дает право так безобразно вести себя. Время до бала ты проведешь в подвале. Без еды. А если Его высочество будет предъявлять претензии относительно твоего здоровья и внешнего вида, то пусть в следующий раз приведет более воспитанную куклу. Ступай за мной!

– Крысок можно с собой забрать? Буду с ними разговаривать. – Я была настолько зла, что почти не испугалась.

– Прости? – Эржбет изобразила удивление.

Вспомнились слова Мердока о том, что Одетта – подставная девица директрисы, и я задумалась: могла ли Эржбет приказать устроить эту шуточку или ненависть Одетты ко мне – искренний экспромт?

– Ну зачем-то же ваша несомненно более воспитанная кукла накидала мне в постель дохлых тварей. Наверное, она просто нашла для меня друзей. Чтобы не было одиноко ночью. А я, невоспитанная кукла, не так все поняла и оттаскала бедняжку за волосы.

Кажется, Эржбет искренне удивилась, по крайней мере, такое выражение лица вряд ли можно изобразить искусственно.

– Одетта, она говорит правду? Ты это сделала?

– Нет, – усмехнулась Одетта и, конечно, ей никто не поверил.

– Тогда вы обе будете наказаны. Ты – за то, что начала травлю сокурсницы. А ты, Грейс, за то, что не пришла ко мне, а опустилась до свары, как дворовая сука. Обе! За мной! Посидите в соседних камерах, может, что-то и осознаете!

Пожав плечами, я двинулась за Эржбет. Перспектива камеры сейчас не пугала, адреналин лишил меня способности бояться.

Накроет потом, когда дверь закроется, и я останусь в темноте и тишине, наедине с мыслями. А сейчас хотелось продолжать бороться.

Когда мы были у двери, сзади вдруг кто-то завыл.

Эржбет резко обернулась, девушки расступились, и я увидела, как Одетта сидит на полу, держась за голову.

– Одетта, прекрати спектакль, – устало произнесла наставница. – Поднимайся, идем.

– Я не могу! Не могу-у-у! – Девушка сорвалась на рыдания, и вот теперь меня накрыло паникой.

То ли от искреннего ужаса в ее голосе, то ли от призрачного, но уже поселившегося в душе понимания: это сделала я. Не знаю, как, не знаю, что именно, но совершенно точно это сделала я.

Эржбет посмотрела на меня, и, кажется, подумала о том же.

– Успокойся! – велела она Одетте. – Что с тобой такое?

– Я не могу уйти! Не могу, не двигаюсь, не... тело не слушается!

– О, Гелиос, дай мне сил! – пробормотала она. – Хорошо, а что ты можешь?

Рыжие кудри взметнулись, Одетта смерила нас слегка безумным ненавидящим взглядом, и... медленно, словно каждое движение давалось ей с трудом, села на постель, с которой соскользнули несколько тетрадок.

Эржбет передернуло. Не в фигуральном смысле: она действительно содрогнулась и на секунду закрыла глаза, а когда открыла – снова стала собой.

– Убери постель, Одетта, и жди меня в комнате. Грейс – иди за мной.

Я случайно поймала взгляд Одетты и поежилась. Нет, она не разыгрывала написанную наставницей роль, она всерьез не ожидала подобного. Как и я, впрочем. Раз десять я посмотрела в окно, убеждаясь, что сейчас день. Может, Бренн ошибся? И я обладаю не сумеречной магией? Или в комнате у кого-то есть дар рассветника, и он присоединился к флешмобу «успокой ненормальную рыжую стерву»?

– Я знаю, что вы не интересуетесь моим мнением, но это несправедливо, – сказала я по дороге в подвал. – Одетта с первого дня меня доставала. Сначала она пыталась меня утопить, потом провоцировала, потом заняла мою постель. И можно все списать на

подростковый бунт, хоть в двадцать уже поздновато определять себя подростком, но крысы – это перебор. И я не понимаю, почему должна быть наказана за то, что не стала терпеть такие выходки. Хотя терпеть, конечно, основная концепция этого места.

Мы вдруг остановились перед одной из дверей, хотя до подвала было еще далеко. Эржбет взялась за ручку и пропустила меня в комнату, заходя следом. Это оказалась обычная, ничем не примечательная, спальня, почти такая же, как и общие. С той лишь разницей, что здесь стояла всего одна кровать и, пожалуй, была чуть богаче обстановка: балдахин, чайная пара на небольшом круглом столике, банкетка у постели.

– И что это значит? – спросила я.

Эржбет долго молчала. Я никогда не видела ее такой уставшей и задумчивой, и на секунду мне вдруг стало ее жаль. Странное чувство по отношению к человеку, о котором иначе как в контексте ненависти я еще не думала.

– До бала ты будешь жить здесь. Для тебя теперь вводятся новые правила, Грейс. Я запрещаю тебе говорить с Одеттой или кем-либо из девочек, если они сами к тебе не подойдут и не обратятся. Я запрещаю тебе произносить фразы в приказном тоне. Если еще хоть раз я услышу, что ты в ультимативной форме требуешь от кого-либо что-то – я действительно запрю тебя в камере. Тебе все ясно?

– Да, но...

Эржбет взмахнула рукой, призывая замолчать.

– Принц совершил ошибку, приведя тебя сюда. Среди идеальных не должно быть девушек с магией. Однако я не вправе отказать ему, поэтому сделаю все, чтобы оградить других девочек от твоего... влияния. Буду честной, Грейс, ты – совсем не приятная девушка. В тебе нет доброты, искренности, ты красива внешне, но внутри у тебя совсем не то, что должно быть. Ты считаешь людей вокруг своими слугами. Приказываешь им, сучишь ножками, когда тебе что-то не нравится, отказываешься играть по правилам мира, в котором ты – гостя. Ты отравляешь все вокруг себя, поэтому будешь изолирована.

– Да, вы правы. Я не хороший человек. И не собираюсь принимать правила мира, который ломает и унижает, даже если я в нем гостя. Хотя, судя по последним событиям, все же не гостя, верно? Но вот что интересно, Эржбет. Вы так хорошо меня описали, а я почему-

то представляю вас. Как будто в зеркало смотрюсь. Кажется, мы поэтому не выносим друг друга. Слишком похожи.

– Ты ничего обо мне не знаешь, Грейс.

– Я и не хочу.

Эржбет равнодушно пожала плечами, но в ее глазах промелькнуло что-то... что-то отозвавшееся во мне тем же сожалением. Будь все чуть иначе, будь Дилан и вправду в меня влюблен, я могла бы быть студенткой магической академии, а Эржбет – в ней преподавать, и я бы училась у нее быть такой же: уверенной в себе, сильной, идеальной.

Ненавижу это слово!

– Ты можешь выходить из комнаты только на занятия. Еду будут приносить сюда.

– Вы не сможете продержать меня здесь до конца года. После бала я никуда не исчезну.

Но Эржбет молча ушла. Оставив меня в новой комнате с ощущением полного раздрая в душе. И почему-то обиды.

Устало опустившись в кресло у столика я прикоснулась к чайнику и, поняв, что он горячий, приоткрыла крышку. А потом сморщила нос – все тот же травяной отвар.

Да одна эта бурда способна любого превратить в злобную тварь!

Глава седьмая

– Три основных НЕТ для дебютанток Академии Идеальных: НЕТ имени, НЕТ эмоциям, НЕТ дерзости. На балу, который состоится совсем скоро, вы будете среди гостей, однако помните, что вы – не гости.

«Мы – товар», – подумала я, но послушно списала с доски все три «нет».

– Не называйте своих имен. До тех пор, пока вас не выбрали, вы – тайна, загадка. Имя человека – ключ к его душе, и наши лорды должны очень захотеть узнать ваши имена. Они должны обдумать свое желание и прийти к выводу: да, имя ЭТОЙ идеальной стоит того, чтобы за него заплатить и завершить выбор.

Надо сказать, хоть занятия по бальному этикету не имели ничего с этикетом, да и к балам готовили крайне сомнительно, открыли мне много интересного. Неприятного, но весьма занимательного.

Например то, что если богатый лорд хотел заполучить идеальную, то в начале года он вносил за нее залог. Эти деньги не подлежали возврату и тратились на обучение и подготовку девушек к балу. Затем, на самом празднике, все внесшие залог лорды приезжали, присматривались к девушкам и выбирали одну по очереди, начиная с самых знатных.

А дальше начиналось все самое интересное.

У каждой идеальной своя цена. Самые яркие девушки – преподавательница при этом почему-то посмотрела на Одетту – были самыми дорогими. А те, что попроще... попроще. Итоговую цену идеальной не знал никто, кроме Эржбет. И если лорд, выбравший девушку, считал цену на нее неподъемной, то уходил восвояси, а залог считался входным билетом на трендовое мероприятие.

В нашем мире Эржбет была бы востребованным продюсером телешоу. Чтобы такое придумать, надо обладать недюжинным талантом и особо креативным мышлением. И – это уже на мой субъективный взгляд – беспринципностью.

Подозреваю, я на этой ярмарке любовниц вообще шла по отдельному прайсу, и наверняка Эржбет еще сдерет с Дилана денег за

причиненный мной ущерб.

– Не проявляйте эмоций. Ни симпатии, ни антипатии, ни страха, ни радости. Гости для вас – такие же безымянные, как и вы для них. Среди лордов может быть принц или князь, да хоть король – и вы должны делать вид, будто понятия не имеете, кто перед вами. А когда получите браслет с выгравированным именем хозяина, смиренно и с достоинством примите это.

Ну, хотя бы не ошейник.

Очень хотелось поделиться комментариями с Пейдж, но...

Меня сторонились даже те, кто был призван за мной приглядывать. Сначала я подумала, что боялись, но, как оказалось уже на следующий день – завидовали.

– Если бы я знала, что для отдельной комнаты надо отгаскать Одетту за волосы, я бы сделала это еще до знакомства с ней, – фыркнула Татия на перерыве.

Вроде бы в шутку, но я тут же поймала на себе с десятков взглядов и поняла: в стенах академии, где девушки бьются за право быть самой дорогой куколкой в витрине именно собственная комната – главный катализатор эмоций.

– И, наконец, нет дерзости. Лорды могут пригласить вас на танец. Могут обратиться с вопросом. Могут провоцировать – для некоторых важно умение девушки держать себя в руках. Вы должны помнить, что любая просьба лорда на этом балу равна по значимости приказу хозяина. Лишь в тот момент, когда на вашем запястье сомкнется браслет, для вас перестают существовать все мужчины, кроме одного. Всем ясно?

Раздался хор нестройных «да». Мы уже порядком устали заучивать одно и то же в разных вариациях. Но чем ближе к балу, тем сильнее все вокруг нервничали и накручивали нас. И правильно: вдруг кого-нибудь не купят? Что потом с этим неликвидом делать?

Хм, а и правда.

– Грейс? – Профессор увидела мою поднятую руку. – Какие-то вопросы?

Преподавательский состав, хотя я ходила только к Мердоку, тренеру по танцам и вот этой занудной профессорше, был со мной подчеркнуто вежлив.

– А если кого-нибудь не выберут?

– Такого не бывает.

– Но ведь может? Если какая-нибудь девушка не понравится никому?

Преподаватель вежливо улыбнулась.

– Тебе точно не следует этого опасаться. Ты – яркая девушка, уверена, тебя ждет особый хозяин.

– Ну, может, я волнуюсь не за себя?

– Мужчины, которые вносят залог, хотят получить девушку, соответствующую некоему обобщенному списку критериев – красота, воспитанность, покорность и так далее. А также выполняющую вполне определенную роль. Каждая из вас по завершении года станет такой, поэтому выбор идеальных – исключительно дань статусу наших гостей. Если смотреть на ситуацию с реальной стороны, то лордам все равно, чьим хозяином быть, но принц не должен стоять в очереди из подданных, а князя не могут довольствоваться остатками. Вот и все. Об иных вариантах вам не стоит думать.

Я снова подняла руку. Кажется, мне не дадут здесь диплом с отличием.

– Да, Грейс.

– Чему нас будут учить после бала? Я знаю, что программы индивидуальные, в зависимости от запросов... гм... хозяина. Но все же, что они из себя представляют?

– Давай для началаждемся бала, а потом поговорим о программах после него, – отрезала профессор, четко давая понять, что разговор окончен.

Очень удачно для нее прозвенел звонок. Сегодня у нас, вопреки обычаю, был всего час занятий, а после значилось загадочное «мероприятие». Что за мероприятие, и куда на него идти, никто не знал. Но, едва мы собрали тетради, в аудиторию, чеканя шаг, заявила Эржбет.

– Девушки. Сегодня у нас с вами особенный день. Мы отправимся на прогулку к пляжу. Солнечные ванны и океаническая вода благотворно влияют на здоровье, состояние кожи и настроение. В ваших комнатах уже ждет все необходимое. У вас есть полчаса на то, чтобы принять душ, переодеться и спуститься. Поторопитесь, потому что опоздавшие даже на минуту остаются в академии.

Ее слова произвели эффект разорвавшейся бомбы: девчонки радостно загомонили и поспешили по комнатам, из-за чего в дверях едва не образовалась давка. На самом деле я до последнего думала, что меня это не касается, но Эржбет лишь поджала губы, когда я проходила мимо, а в комнате на постели обнаружился сверток с одеждой: большим пляжным полотенцем, флакончиком с маслом от солнца и купальным платьем черного цвета с логотипом академии.

Накрыло вдруг такой радостью, что я даже подпрыгнула.

Пляж. Вода. Это что-то очень напоминающее дом.

Через полчаса мне открылся новый вид транспорта: все те же огромные и невероятно красивые орлы со всадниками, но на этот раз летящие низко, так, чтобы тащить изящные серебристые сани, в которых мы расселись. Путешествие к океану вышло приятным и относительно недолгим. Было заметно, как девушки истосковались по смене обстановки: они оживленно переговаривались и с удовольствием рассматривали город.

Ну прямо птички, не подозревающие, что скоро их рассадят по клеткам и продадут любителям говорливых ярких попугайчиков.

– Ты как? – спросила Пейдж. – Тяжело одной?

Вдали от стен академии она словно осмелела и решилась со мной поговорить.

– Нет, очень круто. У меня никогда не было своей комнаты, и это такой кайф! В личном пространстве даже дышать легче.

– Завидую.

– Не ты одна.

Пейдж пожалала плечами, что тут скажешь? На меня все еще косились. Меня не звали на посиделки в саду. Одетта держалась подчеркнуто отстраненно.

– Как наша рыжая подруга? Уже смогла отлепиться от койки?

– Как тебе сказать... – Пейдж понизила голос. – Проблем нет, если Одетта уходит на занятия или поест. Или принять ванну. Но стоит ей попытаться переночевать где-то вне постели, как... ну, в общем, она всегда возвращается. И, кажется, Эржбет это даже радуется. Одетта теперь под контролем и не сбежит.

Ага, вот только она вообще скорее всего и не сбежала. У любимой подставной куклы сломался механизм. Неужели это и вправду сделала

я?

– А ты как? Как ваш с профессором план?

Пейдж вздрогнула и заозиралась, но вокруг царил гомон: несколько десятков идеальных возбужденно щебетали.

– Пока никак. Он пытался выяснить, какую цену за меня просят. Но Эржбет не доверяет эти цифры даже бумаге.

Я невольно проникалась к Пейдж сочувствием. Ей хотелось участвовать во всем этом балагане не больше моего. А чтобы стать свободной и вольной быть рядом с любимым человеком – надо иметь кучу денег, которых нет.

Удивительно, как ратующая за правила, дисциплину и покорность, Эржбет не предусмотрела вариант, при котором воспитанница влюбится в молодого симпатичного профессора.

Или предусмотрела?

Мы вдруг остановились.

Несколько мужчин со скрытыми капюшонами лицами подошли к одному из сопровождающих нас рассветников.

– Стража рассвета! – представился главный. – Проверка документов.

– Наш маршрут согласован со стражей, – нахмурился рассветник.

– К нам поступила информация, что вы укрываете и незаконно перевозите незарегистрированного сумеречного мага. Мы обладаем полномочиями проверить ваших пассажиров.

– Эржбет это не понравится.

– А мне есть дело до того, что понравится Эржбет? – грубо и холодно поинтересовался стражник.

Рассветник сделал неопределенный жест в нашу сторону, мол, проверяйте. И все стражи достали из карманов небольшие бронзовые приборы, чем-то напоминающие компасы. Оставалось надеяться, что они реагировали не на учащенный пульс, потому что мое сердце готово было выпрыгнуть из груди!

Маги должны регистрироваться? Их нельзя укрывать? Только сумеречников или это обязанность каждого, кто обладает неким даром? И чем все это может обернуться для меня?

Некоторое время ничего не происходило. Затем сразу у трех стражников стрелки «компасов» вспыхнули ярко-синим пламенем.

Один из стражников как раз стоял возле меня. Два других – возле Одетты и Татии.

– Эта, эта и вон та, – кивнул их главный.

Меня аккуратно, но настойчиво, потянули из саней. Я взглянула на рассветника, но тот со скучающим видом рассматривал поводья. Кажется, это было здесь нормальным делом. Татия и Одетта не сопротивлялись.

– Вы их уже проверяли, – возразил наш второй сопровождающий. – Двоих точно.

– Приказ князя Фаренгейта, – коротко ответил стражник. – Проверить всех, на кого сработал индикатор магии. С него и спрашивайте. К вечеру ваш руководитель может узнать результаты проверки. Продолжайте путь. Всего доброго.

Открыв рот, я смотрела, как удаляются сани, и как девушки возбужденно и слегка опасливо перешептываются, глядя на нас. Мне хотелось спросить у Татии, что это за проверка, как она проходит и где мы пробудем до вечера, но нас уже повели в другой транспорт: нечто, похожее на карету, только наглухо закрытое, выкрашенное в синезолотистых цветах с эмблемой в виде сплетенных рук и лозы.

«Стража рассвета», – прочла я.

Внутри пахло смесью пряного парфюма, кофе и новой кожи – салон так и сверкал чистотой и роскошью. Не успела я подумать, что здешняя полиция явно хорошо живет, как Татия и Одетта уселись напротив, а вскоре к ним присоединились и стражи.

– Ну и зачем было брать ЭТУ? – скривилась рыжая стерва, кивнув на меня.

Татия со вздохом покачала головой.

– Как вы собираетесь выкручиваться?

Один из стражей скинул капюшон, и под ним оказался вполне симпатичный блондинистый парень лет двадцати с интересной прической: выбритым виском с одной стороны и длинной косой, которой позавидовала бы любая девчонка.

– Папа разрулит, – хмыкнул второй, и голос показался знакомым.

Догадка подтвердилась буквально в ту же секунду: под плащом оказался...

– Лазарь?! – ахнула я. – Что происходит?!

– Просто узнали, что птичек выпустили из клетки, и придумали, как вас поймать. Да не бойтесь, погуляем немного, да вернем вас мамочке. Кстати, не напомним, как тебя зовут, раз мы знакомы?

– То есть еще с неделю назад ты был готов испепелить меня на месте и читал лекции о морали, а теперь собираешься «погулять немного»?! А как же идеологическая ненависть к идеальным?

– А если я скажу, что с тех пор повзрослел и многое переосмыслил? Ты согласишься поплавать со мной в облачном бассейне?

Я почувствовала, что поймала тот самый когнитивный диссонанс, о котором все говорят. Лазарь улыбался, и в его взгляде я не видела и толики той злобы, которая в прошлую нашу встречу разожгла во мне ответное пламя. У него что, биполярное расстройство? Или короткая память?

– О, Арлуна, она ужасна! – Одетта закатила глаза, скинула мантию воспитанницы академии, оставшись в купальном платье, и облизнула яркие полные губы.

А потом полезла на колени стражника, который сидел рядом со мной, и не спешил снимать капюшон.

– Давайте выбросим ее где-нибудь по пути. Меня хватит на двоих. Это должно быть интересно, да?

– Не слушай ее, Грейс, – Татия закатила глаза, – это я предложила взять тебя. Во-первых, потому что тебе должно понравиться. А во-вторых потому что ты... м-м-м... делала странные вещи и в том, что тебя забрали на проверку документов, нет ничего страшного. А нас с Одеттой уже забирали, так что Эржбет просто прибежит к страже и устроит разнос. А князь Фаренгейт нас отмажет.

– А вы в этом уверены? – хмыкнула я.

– Не может же он сдать родного сыночка, – расплылся в довольной улыбке Лазарь.

Да, пожалуй.

Второй раз это у него не прокатит.

– Это мой брат, Морган. – Парень, что сидел рядом с Татией, подмигнул мне. – С Лазарем ты, оказывается, знакома. А это князь.

Она кивнула на парня в капюшоне. Тот помахал рукой в перчатке.

– Кто? – не поняла я.

– Друг. Считай, что инкогнито. Мы зовем его князем, потому что всем, кто рангом ниже, нет резона прятать лицо.

– Может, оно у меня просто страшное? – хмыкнул «князь».

– Стрешнее, чем у Одетты? – Татия скорчила рожу, а Одетта злобно зашипела.

– В общем, ребята, у нас несколько часов времени, – сказал Лазарь. – Потом надо рвать когти в контору к отцу, чтобы к моменту, когда прибежит эта ваша сумасшедшая баба, сделать вид, будто нас там и не было. Поэтому предлагаю перекус и поплавать. Кто за?

Татия, Морган и Одетта дружно подняли руки, а таинственный князь делал вид, будто не принимает участия во всеобщем веселье.

– Грейс! – воскликнула соседка по комнате. – Хватит пугаться! Никто не собирается тебя насиловать и убивать, мы просто хотим погулять. Через пару недель нас продадут каким-нибудь лордам с толстым кошельком и старой задницей. Надо взять от жизни хоть немного!

Я все еще колебалась, и тогда Татия просто взмолилась:

– Пожалуйста! Грейс, пожалуйста, поедем с нами! Не выдавай нас, а? Я дышать не могу в этом месте! Мне надо хотя бы пару часов передышки.

– Тебе, кажется, тоже, – хмыкнул Лазарь. – Соглашайся. Тебе понравится облачный бассейн.

Со вздохом я махнула рукой. Не выбегать же на площадь, на потеху прохожим, и не просить отвезти обратно в академию. Будут смотреть, как на не слишком элитную шлюху, попадет от Эржбет и Бренн Фаренгейт вряд ли придет в восторг, если я сдам его сыночка. Это ведь его прерогатива.

– Прикоснешься ко мне – убью! – мрачно предупредила Лазаря.

Тот со слегка испуганным видом пожал плечами, но уже через секунду снова довольно усмехнулся.

– Едем плавать в облаках!

Татия от души рассмеялась, запрокинув голову, а Морган как-то странно на нее посмотрел. Слишком радостно и слишком... влюбленно?

Больше всего меня занимали два вопроса: с чего вдруг Лазарь проницал ко мне такими теплыми чувствами и личность князя в плаще.

От него исходила странная уверенность. Несмотря на то, что большую часть он молчал, мне показалось, что именно князь – лидер компании.

Жаль, но внутри саней не было окон, и мне не удалось увидеть дорогу до бассейна, а когда мы остановились, и Морган первый вышел наружу, глаза заслезились от яркого дневного света. Я ахнула, потому что мы оказались на невероятной красоты отвесной скале в уединенной части облачного бассейна. Внизу клубились облака: солнечный свет придавал им кремовый оттенок. При взгляде вниз слегка кружилась голова. Казалось, будто стоишь на вершине горы, а внизу, далеко-далеко, земля, которая одновременно и манит, и пугает.

– Ты никогда не плавала? – спросила Татия.

Она уже сняла мантию, оставшись в купальном платье. Забавно, дома я частенько работала в коротких джинсовых шортах и верхе от купальника, ничуть не смущаясь голых плеч и открытого декольте, а здесь вдруг, в совершенно закрытом темном купальном платье, чувствовала себя неуютно в незнакомой компании.

Зато Одетта в принципе не была способна чувствовать что-то, кроме огромного себялюбия: она сбросила сначала мантию, а следом полетел и купальник. Татия закатила глаза, Морган тактично отвернулся, а вот Лазарь и князь без стеснения ее рассматривали, даже не скрывая недвусмысленных намерений. И Одетте, кажется, льстило такое внимание. Мне подумалось, она сбегает с ними не в первый раз и вряд ли ограничивается пикником.

Если все перерастет в оргию, я нырну в облака и доплыву до канадской границы.

О том же думала и Татия:

– Давайте только без ваших групповушек. Я хочу отдохнуть и расслабиться, а не наблюдать за чужими сношениями.

– Ты, как всегда, тактична и мила, Татия, – улыбнулся Лазарь.

– Я предусмотрительна. За тобой, Фаренгейт, глаз да глаз.

– Давайте что-нибудь съедим, – сказал Морган.

Мне было интересно, снимет ли князь свой плащ, но он так и не отступил от анонимности. А вот Морган – тот самый поставщик всех вкусностей в академию – извлек несколько корзин с вкусностями, и... я пропала.

Ну правда, когда тебя держат на низкоуглеводной диете из овощей и травяного чая, запах свежей сдобы с корицей способен убить. Мы с

Татией одинаково жадно вгрызлись в слойки, пока Одетта бродила по самому краю скалы.

– Бедные девчонки, – покачал головой князь. – Это преступление – кормить вас так, что на солнце просвечиваете.

– Вот купи себе бабу и прикажи раскормить до размера коровы, – посоветовала Одетта откуда-то сзади.

– Да ты задолбала портить мне настроение! – взвилась Татия.

К моему удивлению, она молнией подскочила к Одетте и... толкнула ее вниз, от души выругавшись – я даже не все слова поняла, хотя уже давно считала свое знание языка неплохим.

Никто, кроме меня, не ахнул и не подорвался спасти Одетту, только Лазарь правильно расценил размер моих глаз и поспешил пояснить:

– Одетта отлично плавает.

– И отлично умеет привлекать внимание, – буркнула Татия. – А вы ей позволяете. Она совсем потеряла берега!

– А что я-то? Одетте ничего не нужно позволять, она сама берет все, что хочет.

– Да, и ты явно в восторге.

– Ребят, хватит. – Морган порылся в корзинке в поисках бутылки. – Грейс, Тати рассказывала, ты умеешь делать интересные напитки? Я захватил персики и вино, сможешь повторить?

Сначала я не поняла, о чем он говорит и откуда знает, что иногда я работала на баре, а потом вспомнила про «Беллини» и едва не рассмеялась. Будет забавно, если я внедрю в магический мир земные коктейли. Странно, что еще никто этого не сделал, если у них так много попаданцев.

Жаль, у меня не было возможности изучить местные ликеры. На них наверняка бы получились бомбические коктейли. Но и «Беллини» – тоже отлично для теплого дня и фэнтезийных декораций. Я даже забыла про Одетту, которая плавала где-то внизу, и так увлеклась смешиванием персикового сиропа и вина, что не сразу поняла, что именно в поведении Моргана и Татии меня смущает.

Потом, когда они вдруг начали целоваться, я подавилась кусочком персика и едва не выронила бутылку.

– Я многого не знаю о вашем мире, и уже не уверена, что хочу знать.

– Да, я бы тоже не хотела. – Татия отстранилась от Моргана и слегка покраснела. – Мы не родные, если что.

– Это не мое дело.

– Но смотришь ты осуждающе.

– Это непроизвольно. Прости.

– Наши родители сошлись, когда нам было по пятнадцать. Во многом это политический брак: мама вышла за князя, – пояснил Морган. – Мы с Тати считаемся братом и сестрой, но они никогда не позволят нам сойтись даже втайне.

– Тогда я решила уйти в академию. У папы нет влияния на Эржбет. А Морган просто купит меня на балу.

– А если Эржбет заломит за тебя цену?

– Я унаследовал небольшое княжество отца. У меня достаточно денег, чтобы оплатить любую идеальную.

– А если Татию выберет кто-то до тебя? – спросила я.

Князь, до этого хранивший молчание, вдруг сказал:

– Вряд ли. По правилам сначала идеальную выбирают члены королевской семьи, если таковые присутствуют. Маловероятно, что сразу всем мужчинам королевской крови вдруг понадобится идеальная. А если принцев и королей нет, то следующими выбирают князя – и здесь Моргану главное успеть первым надеть на Татию браслет. Думаю, с этим не будет проблем.

Да, принц на празднике уже выбрал идеальную, а его брат и король, хочется верить, подобными развлечениями не интересуется.

Потягивая «Беллини», я думала о том, что на первый взгляд все идеальные в особняке Эржбет показались мне рафинированными, одинаковыми, абсолютно безликими. А теперь у каждой из девушек, которых я знала, вырисовывались свои истории и драмы.

Пейдж, влюбленная в преподавателя, у которого никогда не хватит денег выкупить ее для себя. У них осталось всего несколько недель, а потом она станет чьей-то собственностью.

Одетта, явно нездоровая психически, сбегаящая из академии, чтобы поразвлечься с богатенькими наследниками.

Татия, влюбленная в сводного брата, живущая моментом, когда он купит право любить ее – и, пожалуй, в ее истории хотя бы брезжит хэппи энд.

И я, мечтающая о возвращении домой игрушка, в которую принц капризно ткнул пальчиком и вознамерился получить.

Оставалась только Феникс, но с ней мы почти не общались, хотя прагматичная и слегка резковатая, она мне нравилась больше прочих.

Драмы, страхи, интриги – мир, залитый солнечным светом, оказался насквозь порочным и совсем не таким, каким показался вначале. Я вдруг вспомнила парня с виолончелью, встреченного в парке. Как сумеречная мелодия смешивалась с красками полудня, будто тонируя все вокруг в истинный цвет.

Хотя знакомство с сумеречниками тоже не привнесло в жизнь позитива, но они хотя бы не пытались прикидываться добродетельными. За исключением... Лазаря.

– Идем, – он поднялся и протянул мне руку, – научу тебя плавать в облаках. И для этого даже не придется снимать купальник.

Вот еще одна загадка Магии. Биполярное расстройство княжича Фаренгейта – повод крепко задуматься, не задумал ли сумеречный наследник какую-нибудь гадость. В прошлый раз сцепиться насмерть нам помешала волчица, но сейчас-то ее не было. Татия и Морган снова увлеклись друг другом, а таинственный князь хранил задумчивое молчание. Созерцал небо и глушил вино.

Прыгнуть с обрыва в компании с парнем, который чуть не убил меня при первой же встрече? Что может быть лучше! Отказаться было просто выше моих сил, облака так и манили, а крошечные фигурки вдали придавали уверенности. Когда шла к обрыву, подгибались колени от страха, но я упрямо отказывалась брать Лазаря за руку, все еще не веря, что он вообще способен на хорошее отношение к кому-либо.

– Главное – расслабиться. Магия бассейна не даст тебе разбиться, но чтобы плавать, нужно отключить голову, иначе ты просто будешь болтаться где-то внизу, а это скучно. Расслабь все мышцы, вытянись, почувствуй потоки – и просто наслаждайся. Лучше, если в первый раз я тебе помогу...

Не дослушав, я выдохнула и сделала шаг в бездну.

Иначе бы просто передумала и вернулась к остальным.

За несколько секунд свободного падения я успела проклясть и себя, и Лазаря, и Одетту. Но потом вдруг с удивлением поняла, что не несусь стремительно, камнем, вниз, а действительно будто

погружаюсь в воду. Только, в отличие от воды, в облаках стало удивительно легко дышать.

Облака прикасались к коже легкой влагой. Оставляли мелкие капельки на ткани и волосах. Я ныряла снова и снова, наслаждаясь ощущением полета, не обращая внимания ни на кого. К счастью, нам не встретилась Одетта, а Лазарь тактично держался в нескольких метрах поодаль. Пожалуй, лишь попытки разгадать причины таких метаморфоз мешали мне отключить голову и превратиться в восторженного щенка, впервые увидевшего снег.

Мы плавали так долго, что волосы можно было выжимать, а с купального платья ручейками стекала вода. Сил едва хватило на последние метры до облюбованной нами скалы, и Лазарю пришлось силком втаскивать меня наверх.

– Ну и как? – спросил князь. – Понравилось?

Его лицо все еще было скрыто капюшоном, но мне почудилась улыбка.

– Одна из немногих вещей в вашем мире, которая не кажется насквозь прогнившей, – улыбнулась я в ответ.

– Самый лучший комплимент, который я слышал.

Двадцать восемь. Он насчитал двадцать восемь портретов девушек. Все юные, очень красивые блондинки. С холодным взглядом и легкой улыбкой, а еще совсем не свойственными таким молоденьким леди глазами. В них читался груз, взваленный на хрупкие плечи.

Многие из них были когда-то королевами. Некоторые – супругами королей. Большая, на самом деле, разница, хотя кажется, что совсем не важно, наследуешь ты трон или получаешь его через чужую постель.

– Ваша светлость? – в кабинет заглянул помощник.

– Проходи, – кивнул Бренн. – Иди сюда, смотри. Видишь?

Несколько минут помощник рассматривал портреты.

– Ну да, а что такого? Это из галереи?

– Ага.

– А зачем?

– Ты читал Легендариум?

– Нет, – мотнул головой тот. – Я не люблю сказки. Мне по душе история, она основывается на фактах, а не на мифах.

– Тогда не поймешь. Хотя... найдешь лишнюю картинку? Разлюбишь историю.

– Сложно сказать, – подумав, ответил помощник. – Большинство – портреты девушек правящих семей Магии. Но есть несколько незнакомых. Не знаю, кто они. И еще вот она.

Он ткнул в портрет Эржбет.

– Она никогда не была королевой, но других столь же близких правителю родственников в подборке нет. Ну, или я плохо знаю эту самую историю.

– Да нет, это я плохо знаю историю. Зато хорошо знаю сказки, как ты выразился. Ты что-то хотел?

– Э-э-э, да, вас ждет сын.

– Подождет. А еще лучше отправь его домой и скажи, что я разберусь с его очередным косяком после службы.

– Боюсь, папа, после службы с этим косяком разбираться будет поздно, – раздался веселый голос Лазаря.

Они ввалились в кабинет вчетвером: сын, его приятель еще по академии, Морган, какая-то девица (и будь я проклят Арлуной, я видел ее среди куколок Эржбет!), и...

Не выдержав, Бренн выругался. С порога на него с опаской смотрела Грейс Голд.

– Что это значит?! Вы с ума сошли?! Лазарь!

– Просто одолжили девочек на пару часов. Им полезны свежий воздух и фрукты.

– Вы что, пьяные?!

Дражайший отпрыск по-хозяйски уселся в кресло и закинул ноги на отцовский стол.

– Не пьяные, а выпившие.

Одним движением Бренн скинул Лазаря со стула, но тот только расхохотался, распластавшись на ковре. Порой князю казалось, что этот гаденыш – кто угодно, но не его сын. Ни он сам, ни мать Лазаря, не обладали таким паршивым характером. Ну или умели его скрывать, по крайней мере.

– Мне нет дела до твоих развлечений. Верни этих баб на место, а о твоей выходке поговорим вечером.

– Видишь ли, пап, я как раз это и делаю. Мы прикинулись стражниками и разыграли задержание девочек за магию. Поэтому по

легенде их место как раз здесь, на проверке. С минуты на минуту сюда прибежит разъяренная Эржбет и потребует ответа и возврата. Так что ты должен быть мне благодарен, папа. Я сделал все, чтобы тебе не влетело.

Нечасто у Бренна Фаренгейта отнимался дар речи, но сегодня он просто не нашел в своем арсенале достаточно емко описывающее ситуацию неприличное слово.

– И почему же я должен подыграть вам, а не запереть всех в камере и как следует высечь?

– Потому что я твой единственный и любимый сыночек. Правда?

– Правда в том, – Бренн поднялся, – что если бы я умел перемещаться во времени, то единственное, что изменил бы в своей жизни – это заставил твою мать избавиться от ребенка.

Он врет.

Еще он бы не позволил Ари умереть. И у них непременно был бы сын, куда более удачный, чем Лазарь. Но ему этого знать совершенно необязательно, ему хватает и брошенной жестокой фразы.

– Вы, оба, – Бренн посмотрел на сына и его приятеля, – валите отсюда. Чтоб я вас не видел, иначе клянусь, выпорю! А вы...

Тяжелым взглядом смерил девушек.

– За мной.

Если бы не Грейс, он бы даже пальцем не пошевелил, чтобы выгородить этих идиотов. Но Грейс ему нужна, а на Эржбет нельзя надеяться. Она сентиментальна и импульсивна, а эти качества редко помогают в сложных играх за кулисами трона.

– Стражи привели вас ко мне, я с вами поговорил, поспрашивал про магию, и остаток дня вы сидели, ожидая Эржбет, вам ясно?

– Да, – отозвалась одна, а вот Грейс промолчала.

Злость на сына сменилась нервным весельем. Пожалуй, в какой-то мере Бренн даже завидовал Лазарю. У него не было папашки, который прикроет и выгородит, а этому хоть бы хны. Творит, что вздумается, живет на полную катушку. Счастливое поколение, в отличие от них, может позволить себе ненависть к родителям.

А ведь если бы Бренн лишь чуть дал слабину...

Он пропустил незнакомую девушку в комнату ожидания, а вот Грейс чуть придержал. Кровь кипела от близости вкусной сумеречной

магии. В отличие от сына, Бренн умел справляться и с ней, даже находил в обжигающе-холодном вкусе сумрака свое очарование.

– Я этого не планировала, если вам интересно, но не могу сказать, что раскаиваюсь.

– Мне не интересно. Меня беспокоит только то, что ты просила помочь, а теперь вредишь сама себе.

– Я не просила вашего сына прикидываться стражником! Когда они сказали про магию, я перепугалась до смерти! Почему вы не сказали, что надо регистрироваться?!

– Это все неважно. Важно то, что ты не умеешь держать себя в руках. И в присутствии Эржбет можешь выдать и моего сына, и меня, и заодно лишить себя шанса на возвращение. Ты этого хочешь?

– Нет, я буду молчать.

– Да, пока Эржбет умело не надавит на болевые точки.

– И что вы мне предлагаете? – Она упрямо вскинула голову.

Собранные наспех в пучок волосы рассыпались по плечам. Красивая. Не менее красивая, чем сестра, только куда более дерзкая, наглая, импульсивная. У Луны не было шансов вырасти другой, но Бренн испытывал сожаление из-за того, что у нее не будет шансов повзрслеть.

Сожаление ему не нравилось.

– Скажешь, что я перестарался на допросе.

Он, конечно, лгал, Эржбет плевать, она не станет выпытывать у Грейс подробности вылазки. Но соблазн был слишком велик. А ее губы блестели от бесцветной помады и так же, как у сестры, сжимались в тонкую ниточку, когда Грейс злилась.

Много лет назад Бренн Фаренгейт, выводя из леса маленькую потерявшуюся девочку, не мог представить, что однажды будет целовать ее. Сестру своей мертвой невесты.

Впрочем, он всего лишь немного попробовал ее магию.

Она соленая и острая на вкус.

Глава восьмая

С некоторых пор ночами мне не спалось, а днем спать не давали. Вкупе со скудным меню и травяной настойкой я зверела с каждым прожитым в академии днем все больше и больше. Казалось, на балу я просто накинулась на Дилана и придушу его голыми руками. Хотя, если вдуматься, на Дилана мне давно было плевать. А вот Эржбет... при виде нее я превращалась в звереныша, отчаянного и бесстрашного. Сдерживала лишь мысль о встрече с отцом, если бы не обещание Бренна, я бы наверняка совершила непоправимую ошибку.

Но сколько бы я ни пыталась разобраться в себе, найти в душе истоки подобной ненависти, чувства к Эржбет оставались загадкой. Ни один злодей этого мира не казался мне настолько отвратительным, как она.

Даже Бренн Фаренгей, поцелуй которого занял особое место в ночных кошмарах.

Магия его сына показалась сущей ерундой по сравнению с опустошением и отходняком от поцелуя по-настоящему сильного сумеречного мага. Кажется, за мою бессонницу стоит благодарить еще и его.

До рассвета оставалось еще почти восемь часов, и я не знала, как скоротать время. Светильники не работали, а небо сегодня затянуло тучами – не считаешь. Наверняка существовал способ использовать магию, но это оказалось не таким уж простым делом. А со стороны казалось так просто, оп – и кролик показался из шляпы!

Я вдруг услышала странный стук в окно и с колотящимся сердцем села в постели.

Но за окном никого не было. Или был? Осторожно, чтобы не было видно с улицы, я подкралась к окну и выглянула наружу. В темной фигуре внизу с трудом узнала Лазаря и от удивления не смогла ничего сказать, только округлила глаза. Что он здесь делает? Как сюда попал?!

– Ты с ума сошел?! Твой отец обещал тебя выпороть, если еще раз влезешь к идеальным! И непохоже, что он шутил, поверь девушке, которая из-за вашего пикника три дня провалялась в лазарете.

В одном сумеречный князь был прав: за это время он качественно обработал Эржбет, и вопросов по фейковой проверке не возникло. Но я все равно отходила с большим трудом, как будто на ногах перенесла тяжелейший грипп. Со слабостью, жаром, почему-то больной спиной и кошмарами, в которых темная фигура в плаще целует меня, и воздух заканчивается, а вырваться из стальной хватки нет никакой возможности.

– Спускайся!

– Иди к черту! Или к Арлуне, куда у вас здесь посылают...

– Да не бойся ты, Грейс! Спускайся! Поболтаем. Выпьем.

– Выпили уже, хватит! Нельзя злить Эржбет, она ненормальная жестокая тварь. А еще здесь бродит ее цепная Одетта. Откусит тебе излишне самоуверенную часть тела, будешь знать.

– Никто не узнает! Вы всегда сбегаете в сад, я знаю. Дальше сада не уйдем, я тебе обещаю! Грейс, пожалуйста, я сильно рискую, стоя здесь у всех на виду!

Я закусила губу. На одной чаше весов Лазарь Фаренгейт и его биполярное расстройство, а на другой – бессонная унылая ночь.

– Скройся! – шикнула я. – Сейчас оденусь.

Я нашла тысячу причин надеть платье и тенью проскользнуть вниз, чтобы по проторенному пути оказаться на укромной полянке в саду. И то, что иначе придется просто лежать и смотреть с потолок с ужасно безвкусной лепниной. И то, что хотелось глотнуть свежего воздуха. И надежда на то, что Лазарь захватил какой-нибудь еды. И совсем несвойственный ему потерянный вид.

А еще нестерпимое, почти болезненное, желание узнать, говорил ли его отец что-нибудь обо мне после того, как я потеряла сознание прямо у него в руках.

Последнее, надо сказать, не радовало.

– Разве ты не должен быть на учебе? – спросила я.

– Неа, – лаконично и равнодушно ответил Лазарь, окинув меня взглядом.

Я заметила в его руках небольшую фляжку, но не почувствовала запаха алкоголя, да и сам парень не был пьян. Тогда что стряслось?

– Все нормально? Ты какой-то непривычно задумчивый. Вторую встречу подряд не пытаешься меня унижить, не угрожаешь купить. Что с тобой?

И Лазарь в очередной раз удивил:

– Расскажи о своем отце.

– Что? – Я даже подумала, что ослышалась. – Зачем тебе интересоваться моим отцом?

– Ты так часто о нем говоришь. О том, что хочешь вернуться. Расскажи, какой он.

– Он мой отец. У меня больше нет близких. Мама умерла, я никогда ее не знала. А папа меня вырастил. У нас свой бар на побережье, маленький, но атмосферный. Папа делает обалденные коктейли. А я, хочется верить, неплохо их разношу. На пляже очень красиво вечером, когда заходит солнце. Посетителей уже нет, можно неспешно прибираться между лежаками и любоваться морем. А в несезон мы делаем горячие коктейли и, надо сказать, многие нас за это любят. Народ приходит, берет стаканчик горячего вина и смотрит на штормовое море. Мы живем в трейлере неподалеку. Тесновато, но все компенсирует близость пляжа. Однажды...

– Грейс, – перебил меня Лазарь, – ты говоришь о доме. О природе. О своем мире. Но не об отце, почему?

– Я...

Никому и никогда я не признаюсь, что впервые оказавшись в этом мире, часто думала о том, как здорово было бы остаться здесь навсегда. О том, какое все вокруг светлое и красивое, как спокойно и весело рядом с Диланом. Как хотелось окунуться в другую жизнь: вне крошечного выдавшего вида трейлера и пьющего беспробудно отца. Вселенная иногда исполняет желания.

– Он хороший отец. Может, не победит в конкурсе «Отец года», но он воспитывал меня, как умел. Я не знаю, что случилось с ним, почему он стал пить. Но мне казалось, что существуют два совершенно разных человека. Один – это мой папа, с которым мы искали ракушки, вместе плели сети для декора барной стойки и придумывали новые рецепты коктейлей. А второй... второго человека я не знаю, он чужой мне, он пугает.

Иногда я боюсь, что мой отец совсем исчезнет. Останется только часть него.

– Мы плохо расстались. Он наговорил много обидного. И я тоже. А еще он оказался прав, но вряд ли его это радует. Я не знаю, что с ним, справился ли он с моим исчезновением, или окончательно спился.

Может, я вернусь, а отца уже нет. И последнее, что он слышал от меня – это что я ненавижу жизнь, которая ему далась с трудом.

– Я думаю, он ищет тебя, – произнес Лазарь.

Протянул фляжку, и я сделала осторожный глоток. Что-то совсем не алкогольное, но очень тонизирующее: я даже приободрилась, а еще исчезла остаточная слабость после поцелуя с сумеречником.

– Он не сдался, он ищет. Так должен поступать настоящий отец.

И тут я догадалась.

– Ты снова поскандалил с Бренном, да?

– Это сложно назвать скандалом. Он не скрывает того, что я – ошибка молодости. Они с мамой недолго были вместе, меньше года. Потом отец влюбился в принцессу, а мама уехала жить в нищете и вскоре умерла. Мне пришлось вернуться, но, как видишь, чуда не произошло. Я часто размышляю, сколько выходок Бренн Фаренгейт должен мне спустить, чтобы показать наконец истинное лицо и перестать играть перед окружающими заботливого отца.

– Нас с тобой точно не сфотографируют для рекламы семейных завтраков на упаковке хлопьев.

– Мне правда жаль, что его невеста погибла. Возможно, будь у него желанный ребенок, он бы меньше ненавидел меня.

– Что с ней случилось? С его невестой?

– Папа служил у бывшего короля, был его советником и метил на место главы сумеречных стражей. Только король не знал, что его друг собирается его предать. Без помощи отца переворот бы не случился. Папе обещали, что он получит желанные должности и принцессу Ариадну. Что она ничего не узнает о его предательстве. Но король не сдержал слово: Ариадну заставили пройти через ритуал принятия сумеречной магии. Она не выдержала его, умерла. Отец узнал слишком поздно, чтобы помешать, но успел к самому концу – и она умерла у него на руках, поняв, что ее любимый мужчина убил ее семью. Тогда Бренн Фаренгейт из хозяина жизни и самого молодого Советника Сумерек превратился в циничную тварь, уничтожающую на своем пути каждого – даже сына – если он мешал. А еще завел волчицу и назвал ее в честь мертвой невесты. Вот такая вот история.

– В этом мире хоть у кого-то есть простые истории?

– Есть. – Лазарь улыбнулся. – У тебя. Ты не хотела здесь оказаться, ты хочешь к отцу в свой мир. Ты – иномирянка, всего лишь

поверившая не тому человеку, и скоро вернешься домой. Чем не простая история?

Я вспомнила о сумеречной магии, почти беспричинной ненависти к Эржбет, Дилане, Одетте...

– Всем.

Лазарь вдруг сделал очередной глоток из фляги и потянулся ко мне.

Я отпрянула, будто над головой кто-то перевернул кадку с ледяной водой.

– Прости... – покачала головой. – Я действительно хочу вернуться. Уйти навсегда. Я не могу позволить себе оставить здесь... что-то такое, понимаешь?

И я совсем не хотела его целовать. Хотя Лазарь, особенно в слабом свете луны, скрадывавшем грубость черт лица, был хорош. Эдакий грустный принц, ненавидимый отцом. Наследник всего мира, но лишенный тепла и любви. В такой образ легко влюбиться, но последнее, что мне сейчас нужно, это любовь.

Он поднялся, и у меня упало сердце: обидела. Странно переживать о душевном состоянии человека, который при первой встрече показался совершенной скотиной, но узнав Лазаря получше, я уже не кипела злостью. Пожалуй, мне было его жаль. Бренн несправедливо обходится с собственным сыном. Неудивительно, что тот делает все, чтобы его позлить.

Но Лазарь не ушел. Он убрал флягу во внутренний карман куртки и протянул мне руку:

– Хочешь увидеть Академию Сумрака изнутри?

Что в мгновение ока взметнулось в душе! Увидеть магическую академию? Настоящую, не суррогат извращенного мозга Эржбет, а школу магии, о которых на Земле можно было только читать? От нестерпимого желания бросить все и понестись вперед Лазаря к мечте свело пальцы, но я мужественно сдержалась.

– Нельзя. Эржбет убьет, если узнает.

– Брось, Грейс, она позволяет тебе все. Вы с Одеттой нужны Эржбет, вы – самые дорогие идеальные. Она скорее откусит себе руку, чем испортит вас прямо перед самой продажей. Идем. Тебе нужно выходить отсюда, иначе ты превратишься в тень. Потом будет меньше шансов.

– Если кто-то поймет, откуда я...

– Не поймет. Поверь мне. Если тебе удастся вернуться в свой мир, то будешь жалеть, что не увидела толком наш. А если не удастся, возможно, захочешь и сумеешь там учиться.

Меня не надо было долго уговаривать. Даже мысль о том, что Эржбет будет в бешенстве, больше не пугала, а скорее веселила. Вот так и теряется авторитет руководителя: стоит лишь пару раз дать слабинку – и рабы залезут на шею. А еще одной монетой в копилку моих оправданий было то, что многострадальная дырка в заборе так и осталась открытой. Не хотели бы, чтоб мы сбегали: заварили бы прутья.

Мы выскользнули за пределы академии и поспешно скрылись в лесу. Когда редкие огни академии окончательно растворились в лесной тьме, Лазарь вдруг вместо того, чтобы выпустить меня, сжал руку крепче и сказал:

– А теперь – бежим!

– Что? Почему?!

На секунду сердце ухнуло куда-то в желудок: я подумала, что Брени снова может выгуливать Ари в здешних местах. Но младший Фаренгейт только хитро ухмыльнулся и нагнал еще больше тумана:

– Увидишь. Просто держи меня за руку – и беги так быстро, как можешь!

Все еще не понимая, зачем все это и где дракон, на котором мы доберемся до города, я пожала плечами и рванула вслед за парнем. Бежать в туфлях и платье было неудобно, но я уже делала это однажды – перед встречей с Бренином. Деревья, влажная земля и небо слились в один комок мрачных красок. Я не видела дороги и, по ощущениям, бежала словно по чему-то мягкому. Траве? Грязи?

И вдруг, словно из ниоткуда, передо мной возник сияющий город. Лазарь резко затормозил, а вот я не успела. Врезалась в парня, и мы покатались по брусчатке, отбив друг другу все ребра.

– Как...

– Я так и думал, что ты это умеешь.

– Умею что?

Я поднялась, отряхивая платье и пытаюсь отдышаться. По ощущениям мы бежали несколько минут, но ведь до города нельзя добраться пешком...

– Становиться тенью. Это сумеречная магия. Многие сумеречники умеют превращаться в тень, а тени, как известно, намного быстрее хозяев.

– Кому известно? Лично я учусь в уникальнейшей академии, где никого и ничему не учат. По крайней мере полезному.

– Ты и сама неплохо справляешься. Много у тебя уже открылось способностей?

– Ну... я отрастила волосы, когда Эржбет заставила их обрезать. Не дала тебе отожрать кусок моей энергии. Возможно, заставила один предмет исчезнуть, потому что не хотела, чтобы Эржбет в него залезла. Приказала Одетте сидеть и не дергаться – и она с диким воем послушалась.

– Стой, что ты сделала?!

– Одетта меня достала, она забрала мою постель, а потом накидала мне под одеяло дохлых крыс. И я скинула все ее вещи, велев там и спать, где намусорила. Эржбет хотела нас наказать, но Одетта не смогла сдвинуться с места. Девчонки говорят, любая попытка сменить койку, вызывает у нее истерику. А меня отселили подальше ото всех и запретили вообще использовать повелительное наклонение.

Лазарь открыл рот и, кажется, забыл его закрыть.

– Но это вряд ли сумеречная магия, ведь Одетте я приказывала днем.

– Что ты знаешь о своей родне?

– Ничего. – Я пожала плечами. – Папа не любил говорить о прошлом. Мама умерла, я – единственный ребенок. Они никогда не жили богато, но всегда мечтали о своем ресторане. Папа получил страховку, собрал все накопления и купил для нас бар и трейлер. Это все. А что такое?

– Считается, что в нашем мире только два типа магии: сумеречная и рассветная. Но есть еще одна способность. Приказы некоторых магов исполняются вне зависимости от желаний того, кому приказывают. Сам Гелиос наделяет такой властью. Только члены королевской семьи нашего мира отмечены подобным даром. Король принимает Сердце Магии – единственный ныне существующий сосуд, в котором одновременно заключены и сумрак и рассвет. И с этим сосудом получает дар. А вместе с королем и его супруга, и дети.

– Что это значит? Я могу быть родственницей короля?

– Ты уверена, что твой отец – это твой отец? Говорят, Его величество не прочь сходить налево. Теоретически...

– Уверена! – отрезала я. – Он мой отец.

– Значит, твоя мать могла быть королевской крови. Как вариант. Хотя я не слышал, чтобы дар передавался так далеко. Обычно им владеет королевская чета и прямые наследники.

Он вдруг расхохотался, хотя я, шокированная открывшейся информацией, совсем не понимала, что смешного.

– И ты боишься гнева Эржбет? Грейс! Да она и пальцем тебя не тронет! Ты же можешь делать все! Тебе и прятаться-то не нужно!

– Что, я могу явиться во дворец и приказать пропустить меня к порталу домой?

– Ну... – Лазарь слегка стушевался. – Полагаю, на большое количество людей твоя сила не рассчитана... хотя я точно не знаю. Двор держит в тайне информацию об этом даре. Но он – основа их власти. Странно, что ты до сих пор жива. Эржбет, вероятно, не доложила о тебе Его величеству.

– Вот успокоил так успокоил, – вздохнула я.

Только этого еще не хватало! Весть о том, что я – маг и могу быть родом из этого мира, свалилась как снег на голову. А теперь еще и это! Можно я просто уйду домой, разносить свои коктейли, и никакого дара, никакой уникальной силы мне не нужно?

– Так, надо привести тебя в порядок. Вот это, – Лазарь придвинулся ближе, так, что я почувствовала аромат его парфюма, – лишнее.

С треском, но без малейшего усилия, он оторвал белоснежный воротник от моего форменного платья и выбросил куда-то в кусты.

– Вот это надень.

Он протянул небольшой значок, больше напоминающий бейджик с незнакомыми именем и фамилией: Амелия Линст.

– Моя однокурсница одолжила. Она болеет и не ходит. А тебя в нем вообще никто не заподозрит.

Мне очень хотелось сказать, что все это – плохая идея. Но желание увидеть изнутри академию сумрака победило здравый смысл. Который, впрочем, даже не боролся.

Академия Сумрака поразила масштабом и атмосферой. Банально, но так и есть. После мрачной и относительно небольшой академии идеальных, место учебы сумеречных магов всех мастей показалось мне другим миром. Здесь царил совершенно другой порядок: студенты не ходили, уставившись в пол, придерживаясь строгих правил. Они смеялись, бегали, перекусывали прямо на газоне перед зданием, колдовали и вообще вели себя как самые обычные студенты.

Какие-то два парня сцепились в магической дуэли. Они то и дело исчезали, превращаясь в тени, а затем возникали в самых разных точках площадки, пытаясь поймать удачный момент для удара. Неподалеку стайка девчонок хихикала, жадно наблюдая за боем.

Я старалась делать вид, что происходящее мне совсем не в новинку, но все равно крутила головой и жадно ловила все проявления магии. Сейчас, именно в этот момент, я бы многое отдала, чтобы учиться!

– Ну как? – спросил Лазарь, когда мы поднимались по ступенькам к главной башне. – Нравится?

– Как будто другая реальность. Таким ваш мир показал мне Дилан. А потом уничтожил его.

– Да, у вас там царит уныние, – согласился Лазарь. – Ладно, я знаю, что тебе понравится. Сделай невозмутимое лицо, и пойдём.

Едва мы очутились в длинном коридоре, я не сдержалась и ахнула: в стенах, на потолке и колоннах сияли звезды. Огромные камни, вмонтированные прямо в камень, сверкали, искрились, складывались в созвездия и даже негромко позвякивали. Мы словно очутились в зале, полном хрусталя.

На облицовке арки, изящными буквами было выведено:

«Да воцарится Сумрак вновь».

– Ага, – Лазарь заметил, как я с трудом читаю витиеватые выцветшие буквы, – осветники давно пытаются запретить эту фразу. Но пока ректор держится. Их всех страшно бесит даже мысль о том, что осветников на троне могут сменить сумеречники.

– Прекрасные люди. Очень толерантные.

Я думала, мы пройдемся по академии, и даже почти набралась наглости попроситься в столовую, потому что ужасно хотелось есть. Но Лазарь вдруг остановился у одной из аудиторий и распахнул дверь.

– Прошу, – шутливо поклонился он.

Я рассмотрела внутри большой поточный двухэтажный класс, где уже собирались студенты.

– Ты с ума сошел?! Мы не можем сидеть на лекции, как будто я здесь учусь! А если будет переключка?! А если кто-то поймет, что я не местная?!

– Грейс, здесь не так, как у вас. Здесь есть лекции прославленных магов-профессоров, на которые приходят все желающие. Есть обязательные лекции курса, который выбрал сумеречник, но если ему интересно – он может хоть все подряд слушать и сдавать. Здесь никто друг друга не знает. А лекция интересная. Я очень советую.

Оглушительно – мы стояли прямо рядом с колоколом – прозвенел звонок. Пришлось быстро юркнуть в аудиторию и найти свободные места. Я хоть и согласилась с безумной авантюрой, все же предпочла сесть в укромном уголке, подальше от любопытных глаз. Лазарь только посмеивался. Он-то чувствовал себя здесь как рыба в воде.

– Итак, господа сумеречные адепты, – невысокий сидящий профессор поднялся из-за преподавательского стола и с предвкушением потер руки, – сегодня мы разбираем символизм и аллюзии в «Легендариуме». Как мы с вами выяснили ранее, произведения древних времен следует рассматривать в качестве символов и аллюзий. На знаковые события, на надежды и мечты общества того времени. Не имея возможности облечь желания перемен в прямые требования, люди мечтали так, как вообще свойственно мечтать только человеку: искусством.

Народ закрипел карандашами, но профессор, казалось, вообще не обращает внимания на аудиторию. Тем не менее, болтающих не было.

– Итак, начнем с простого. Арлуна – монстр, живущий на дне океана – олицетворяет сумрак. Она – символ власти сумеречных магов, некий образ. Сначала, еще когда наше общество только начинало свой путь развития, Арлуна была способом постичь непостижимое. Для магов того времени банально было проще для себя прежде всего объявить жуткое монстроподобное существо истоком и хранителем их магии. Мы привыкли считать, что Арлуна и Гелиос появились в источниках одновременно, но это не так. Упоминания Арлуны можно найти еще в эпоху Кровавого Заката, в то время как Гелиос стал

появляться на фресках и в легендах уже в эпоху Светлой Ночи. Кстати, кто назовет мне все эпохи по порядку?

Лазарь, к моему ужасу, вскинул руку!

– Адепт Фаренгейт, какое похвальное рвение. Не ожидал от вас. Прошу.

– Эпоха Полудня, Эпоха...

– Нет-нет, мальчик мой, пожалуйста, пару слов про каждую. К слову, тогда я смогу исправить вашу прошлую оценку «неудовлетворительно»...

– Эпоха Полудня – начало развития магии, появление первых государств, единой письменности и открытие порталов в иные миры. Эпоха Кровавого Заката – время войн и борьбы за территории. Эпоха Звездной ночи – единственная в своем роде эпоха баланса двух магий. Затем Сумеречная эпоха – время власти сумеречных королей. И Рассветная эпоха, это та, что длится сейчас. Соответственно, время власти рассветных королей.

– Надо же, – хмыкнул профессор. – Вы смогли меня удивить. Вам определенно идет на пользу соседство с прекрасной спутницей.

Народ дружно засмеялся, а я почувствовала, как краснею и едва-едва удерживаюсь от того, чтобы не сползти под парту. Зачем он привлекает внимание?! А если сейчас спросят меня?!

К счастью, профессор продолжил:

– Что ж, Гелиос и Арлуна – самые простые символы. Отчасти это трансформировавшийся в понятные образы страх перед природой магии. Отчасти – немного наивное и детское желание, чтобы пришел кто-то большой и сильный, и показал врагам их место. С другими легендами все непросто, и сегодня мы обсудим одну, на мой взгляд, самую интересную. А вот домашнее задание к следующему семинару будет такое: берете в библиотеке расширенное издание «Легендариума», выбираете одну из легенд – и разбираете ее символизм. Всем ясно?

Раздался нестройный хор голосов. Всем было ясно, а мне – обидно. Я бы с удовольствием выполнила задание.

– Легенда рассказывает о Королеве Магии, и, в сущности, довольно короткая. Разделенный надвое мир не может жить в мире и согласии. Рассвет не встречается с сумраком так же, как день не встречается с ночью. Маги, способные колдовать с приходом дня

беспомощны после наступления ночи, и наоборот. Это все непреложные истины, однако, в каждом правиле есть исключения, и «Легендариум» это исключение описывает.

Мы притихли. Кажется, профессор тоже обладал своеобразным даром, иного объяснения такому умению увлечь аудиторию, я не находила. Поймав себя на том, что едва дышу, боясь пропустить продолжение, нахмурилась. Нельзя влюбляться в это место! Нельзя надеяться на то, что однажды получится сесть за парту не в качестве зайца, пользуясь чужим бейджем!

– Мы знаем лишь один артефакт, где сумеречная и рассветная магии способны существовать вместе – Сердце Магии. Это некий сосуд, хранителем которого является король. В обмен на клятву хранить сосуд, король получает особый дар. Не нужно объяснять вам, какой. Однако легенда о Королеве гласит, что этот артефакт – не единственный способ увидеть две древние магии в единстве.

Профессор взял со стола большую книгу с серебряными вензелями на обложке, откашлялся и зачитал:

– «И воцарится Сумрак вновь. Рассвет отступит, дав дорогу брату. Две силы, две магии станут одной, если придет Королева.

С иного пути, с иными мотивами, женщина с кровью рассвета примет сумрак, отдастся ему. Взойдя на трон во имя Арлуны и Гелиоса. И Ковен Солнца по ее приказу завершит свой рассветный путь, а Культ Луны растворится в океане Арлуны. Две магии в Королеве объединятся вновь.

Мужчина закрыл книгу.

– Но пока она просто принцесса». Это вольный перевод одного из лучших культурологов Магии, сумеречника, предыдущего ректора академии, князя Горарда Хеллза. Пожалуй, именно профессора Хеллза можно назвать ведущим символистом Рассветной Эпохи. Я чрезвычайно благодарен судьбе за возможность работать под началом этого ученого. И обучать его анализу вас. Давайте попробуем разобрать легенду. Кто-нибудь хочет выступить? Ну же, не бойтесь, я не ставлю оценки отсутствию опыта. Но определенно уважаю смелость.

Но никто не торопился выступать: напряженную работу мысли в аудитории можно было почувствовать. Казалось, я даже слышала, как скрипели мозги студентов.

– Знаете, я бы послушал вашу очаровательную соседку, адепт Фаренгейт, – вдруг улыбнулся преподаватель, а у меня желудок свернулся в узел! – Как ваше имя, леди?

– Я...эм...

Прости, щедрая, но незнакомая подруга, пожертвовавшая бейдж. Сейчас я тебя опозорю...

Но Лазарь предупреждающе пихнул меня в бок.

– Не говори ее имя! Некоторые могут ее узнать! – шепнул он.

– Грейс, – облизав пересохшие губы с трудом ответила я, – Грейс Голд.

– Ну же, Грейс, попробуйте.

– Ну... я полагаю, люди устали от вражды. Они ждут, когда две магии объединятся, перестанут соперничать. Когда обладать сумеречным даром станет так же престижно, как и рассветным. И наоборот. Поэтому они придумали себе героиню, которая однажды явится – и станет знаком, что пора менять этот мир. Они верили, что из сложившейся ситуации нет выхода, потому что высшие силы не позволяют из нее выйти. Но однажды, когда сойдутся звезды, придет кто-то могущественный, одновременно и не принимающий ничью сторону и принявший обе. Тогда все будет хорошо.

– Да, это очевидный ответ. Более того, есть и более прямолинейный взгляд на эту легенду. Некоторые считают, будто она правдива. Будто и впрямь однажды родится принцесса, которая сумеет принять обе магии. К сожалению, подобная вера зачастую приводила к трагическим последствиям. Особенно для юных принцесс... но это, к сожалению, не тема моего курса. А вот на некоторые детали мы посмотрим внимательнее. Например, на фразу «с иного пути». Дело в том, что слова «путь» и «мир» долгое время обозначались одинаково, и лишь с развитием городов, перемещений, а также иномирских переходов, изменилось ударение. Неявный, но очень показательный символ: сила, способная примирить непримиримых, придет к нам из иного мира. Почему, Грейс, как думаете?

Я немного выдохнула: кажется, никто не собирался меня разоблачать. Профессор кайфовал от лекции, студенты по большей части слушали, только некоторые тихонько занимались своими делами. На меня смотрели равнодушно.

– Возможно, потому что если бы избранной стала девушка из этого... то есть, нашего мира, то она бы непременно была или сумеречницей, или рассветницей. А это снова превосходство одной магии над другой.

– Тогда к чему фраза «с кровью рассвета»?

– Я... я не знаю.

– Как и многие культурологи. Я склонен считать, что это неточно переведенная аллюзия на войну. Что одним из предвестников появления Королевы Магии станет кровавое и жестокое событие среди рассветников. Что, в общем-то, совсем не противоречит законам истории. Ковен Солнца завершит свой путь – чтобы объяснить этот момент, стоит ознакомиться со зверствами и преступлениями Ковена в те времена. А Культ Луны, растворившийся в океане, – это уже интереснее. Кто-нибудь слышал о ритуале принятия сумрака? Грейс, садитесь, спасибо.

Лазарь наклонился ко мне:

– Если отец узнает, что нам здесь преподают, он разберет Академию по камушку. Мы должны изучать культуру, конечно, но точно не ритуалы принятия сумрака и чаяния прошлых эпох. Рашсиренной версии «Легендариума» даже нет в рассветных библиотеках. Но, пока никто не выносит все это за пределы академии, мы спим спокойно. Единственный оплот мнения, что сумеречники – не слуги для рассвета – академия. Преподы как могут пытаются учить нас уважать себя и свою силу, но это непросто.

– Убью! – прошипела я. – Зачем ты привлекаешь к нам внимание?! А если бы я не смогла ответить и заработала твоей Амелии «неуд»?

– В возрасте Амелии пора понимать, что жизнь несправедлива, – хмыкнул Лазарь.

Профессор говорил что-то еще, но у меня от пережитого стресса шумело в ушах и тошнило. Хотя второе скорее от голода, но одно другому не мешает. И все же к этому зубодробительному коктейлю ощущений примешивалось приятное возбуждение. Как же это было круто! На миг представить, что я – студентка Академии Сумрака, отвечаю по домашнему заданию и после пар пойду вместе с друзьями гулять или упражняться в магическом искусстве.

Чем больше я узнаю мир за пределами академии Эржбет, тем сильнее растет ненависть к этой женщине.

– Чем хочешь заняться дальше? – спросил Лаазарь, когда мы вышли с пары. – Сходим еще на какую-нибудь лекцию или погуляем?

Я решила признаться:

– Здесь есть какая-нибудь еда? Чем ближе к балу, тем меньше нас кормят. Эржбет утверждает, что ее отвар компенсирует недостатки диеты, но лично у меня он вызывает исключительно желание убивать.

Парень рассмеялся и ласково заправил мне за ухо выбившуюся из косы прядку. Мне бы смутиться и покраснеть от его внимания, но вдруг вспомнился Дилан – и я поежилась. Нет уж, в ближайшие годы никаких отношений и влюбленностей. Первая любовь не просто разбила мне сердце, она еще дала по почкам и готовится к новому удару.

– Сейчас принесу что-нибудь, и поедим на улице. Давай ты подождешь у фонтана во внутреннем дворе? Там красиво.

– Хорошо, – легко согласилась я, не имея никакого желания толкаться в очереди в буфет: народ вывалил с пары и побежал восстанавливать силы. – Только возьми что-нибудь сладкое и вкусное. Душу бы продала за слойку с джемом!

От предвкушения даже слюни потекли. Удивительные перемены творятся с Лазарем, но я совсем не против такого наследника Фаренгейтов. И жить в ожидании бала намного легче, когда есть воспоминания о ночной прогулке в волшебную школу, магической лекции о легендах мира Магия и небольшом пикнике в поистине волшебном внутреннем дворике.

Никогда не видела такой красоты!

Небольшой, но при этом просторный дворик стал апогеем магических впечатлений этого вечера. В центре негромко шумел фонтан, переливаясь разными цветами. Порой мне казалось, что эти цвета не просто необычные – они совершенно новые, не укладываемые в нашу стандартную палитру. От этой мысли захватило дух.

А над головой сияющие нити на фоне звездного неба складывались в узор в виде паутины. Она мерцала, кидая блики на поверхность воды в фонтане, и казалось, словно пространство дворика наполнено крошечными бриллиантами. Народ сидел на изящных

скамейках, качелях, бортиках фонтана, а кто-то и прямо на мраморном полу. Многие перекусывали, некоторые судорожно листали учебники.

Я улучила момент и села к фонтану, отвернувшись от толпы, смотря на умиротворяющий водный поток. Во-первых, я боялась, что кто-то может мной заинтересоваться и выяснить, что я здесь не учусь, а во-вторых потому что глядя на счастливое и беззаботное студенчество я испытывала... не боль, но что-то очень близкое к ней.

Почему меня лишили этого мира? Возможности изучать свою силу? Связан ли папа с Магией, и если да, то что случилось, почему мы оказались на пляже в Калифорнии и что толкнуло отца заливать воспоминания алкоголем?

А еще в голову невольно лезла легенда о Королеве Магии.

Девушка из иного мира, способная и к магии сумрака и к магии рассвета... Однажды я приказала Одетте – и был ясный день. На Эржбет не было лица, а вместо наказания я получила отдельную комнату. Профессор говорил, что легенды – это лишь символы надежд, желаний и страхов, но вдруг в них есть истинное зерно?

«Размечталась», – подумала я. – «Хочется как в кино, быть избранной спасительницей мира, а получается как в жизни: любовница олигарха ищет своего олигарха, пока форма официантки ждет в шкафу».

Из-за шума воды я не слышала, как кто-то подкрался сзади и закрыл мне ладонями глаза. Впрочем, у этого «кого-то» был вполне знакомый парфюм.

– Булку принес? – хмыкнула я. – Без булки сделаю вид, что мы не знакомы.

Я ждала чего угодно: смеха Лазаря, сладкой плюшки, сунутой под нос, виноватому «прости, студенты все сожрали, я принес огурец». Но только не того, что он придвинется максимально близко, опалит мне горячим дыханием загривок и нагло, бесцеремонно, пошло... облапает грудь.

Прозвенел звонок, и вместе с ним Лазарь охнул, получив локтем в ребра.

– Да ладно тебе ломаться! – скривился он. – Через пару дней я смогу трахать тебя абсолютно законно, давай пропустим игру в ухаживания и просто уединимся в пустом классе...

У него точно биполярное расстройство. Или Лазарь – просто мудака. А может, одно другому не мешает, но лично я в его игры играть не собираюсь.

– Еще раз ко мне подойдешь, утоплю в фонтане! – рявкнула я. – Я думала, ты стал адекватным, но, как вижу, ты все еще скотина. Счастливо оставаться и спасибо за прогулку.

Хочется верить, я найду дорогу обратно, а не проблуждаю по городу, пока кто-нибудь не сжалится и не доведет деточку до мамочки Эржбет.

От злости хотелось рычать, а от обиды плакать! Лазарь развел меня, как наивную дурочку! Как можно было вообразить, что он изменился и проникся ко мне хорошим отношением после всех угроз и слов, сказанных в доме его отца? Маленький избалованный богатенький дурачок, он привык играть с людьми, как с куклами, посмеиваясь над ними и наслаждаясь, унижая их!

– Надо было приказать тебе снять штаны и побегать так по академии, – пробормотала я, смахивая слезы с ресниц.

Вот уж не думала, что сволочизм младшего Фаренгейта так больно отзовется в душе. Он казался искренним, когда говорил об отце в саду! И я верила, жалела паршивца. Искренне считала, что даже самый трудный ребенок не заслуживает слов, сказанных Бренном в адрес сына. Подыскивала слова, чтобы убедить Лазаря в том, что его отец на самом деле так не думает, что он сказал это в сердцах и никогда бы не отказался от родного ребенка.

– Я бы на его месте не только отказалась, но и приплатила за это!

– Грейс!

От злости я даже не сразу поняла, что слышу свое имя.

– Грейс, подожди! Куда ты?! Эй! Грейс!

Дальнейшее вообще не поддавалось разумному объяснению, потому что Лазарь обогнал меня и помахал двумя здоровенными булками, завернутыми в пергамент. На лице парня застыло недоуменное выражение, и я почти уверилась в том, что сошла с ума.

– Грейс, что случилось? Тебя кто-то обидел? Не уходи! Давай поедим, а потом я тебя провожу...

Пока из всего словарного запаса я подбирала выражения, способные внятно и цензурно выразить то, насколько я не понимаю,

что происходит, сзади раздался смех, больше напоминающий ржач гиены. Мы дружно обернулись и увидели... Лазаря.

Уносите идеальную, у нее поехала крыша.

– Мы же договаривались! – воскликнул Лазарь с булками.

– Ну прости, братец, не удержался. Видел бы ты ее лицо!

– Вы близнецы! – ахнула я. – Хотя нет, вы гады! Вы просто два одинаковых козла!

Абсолютно одинаковых: внешность, прически, одежда. Два внешне идеальных парня, которых хочется убить!

– Прости, – вздохнул тот Лазарь, которого я мысленно назвала светлым. – Я объясню, Грейс.

– Нью-ню-ню, – передразнил его Лазарь темный. – Говорил я тебе, девочки любят плохих парней.

– Он наврал, – мрачно прокомментировала я. – Так кто из вас Лазарь? Только не врите, что вас и зовут одинаково, иначе я вам одинаково врежу!

– Лазарь – он, – вздохнул светлый. – А мое имя Бес. Не злись, Грейс, у нас нет другого выхода, кроме как жить одну жизнь на двоих.

Прозвучало как-то уныло.

– Почему так?

– Идем, покажем тебе мост. Лаз, ты не хочешь скрыться? Или ждешь, когда нас заметят вдвоем и доложат отцу?

Каждый раз, когда мне кажется, что тайн у этого мира уже не осталось, он подкидывает новые сюрпризы! Выходит, Бренн не знает, что парни подменяют друг друга? Он вообще не говорил, что у него двое детей. Может, Бес болен, и Фаренгейты его прячут, как что-то постыдное?

– Не хочу, – ответил Лазарь. – Надоело. Папочке придется смириться, пусть скажет спасибо, что мы тихо и без свидетелей развлекаемся, а могли бы написать пару горячих статей о том, как князь Фаренгейт заботится о детях.

– Ну, я бы не сказал, что без свидетелей. – Бес опасно покосился на меня.

– Если расскажете, что все это значит, буду молчать. А если он, – я ткнула острым ногтем в плечо Лазаря, и тот обиженно зашипел, – продолжит ко мне приставать, то по-женски поделюсь секретом с Одеттой. С нее станется разболтать по всем мирам.

– Не злись на нас, Грейс. Это вынужденная мера. Меня не должно здесь быть, а Лаз никогда не должен был узнать о брате.

Несмотря на то, что началась очередная пара, на газоне перед академией яблоку негде было упасть. Мы с трудом нашли укромный и темный уголок у стены, где расположились вместе с булочками и соком, который Бес налил во флягу, придав ему легкий привкус энергетика, который мы пили в саду. Получилось вкусно, я даже сделала мысленную зарубку выяснить ингредиенты и при случае намешать бурду поинтенсивнее.

– А мне булку?! – возмутился Лазарь, когда мы с Бесом дружно вгрызлись в ночной обед.

– Обойдешься. На тебя не рассчитывали, ты должен был дома сидеть.

– Там уныло.

Лазарь отмахнулся и нагло отобрал у брата половину булки. У меня мелькнула мысль, что стоит поделиться с Бесом, он все-таки мужик и вряд ли наестся половиной булочки. Но альтруистичная мысль была почти мгновенно подавлена постыдным нежеланием расставаться с углеводами. От удовольствия даже пальцы на ногах поджались! Теплая, ароматная сдоба с кусочками каких-то фруктов... за это я была готова простить двум гадам любой обман!

Ну за это и еще за рассказ, как так вообще все вышло.

– Наши родители были женаты недолго. Студенческий роман и все такое. Потом отец влюбился в принцессу и собирался на ней жениться, а маму отправил на все четыре стороны. Но у них уже были мы, и мама не смогла бы вырастить двоих парней-сумеречников. Тогда отец согласился, хоть и без особого энтузиазма, взять одного ребенка. Лазарь достался ему, а я – маме. Она, увы, умерла очень рано, я был совсем ребенком. Может, она и собиралась рассказать мне об отце, но не успела. До поры до времени я ничего не знал о Лазаре.

– А потом я совершенно случайно оказался в Гелиосом забытом городишке и увидел там свою копию, – кивнул Лазарь. – Тогда и понял, что Бренн Фаренгейт не просто хреновый отец, но еще и порядочная тварь.

– Силы близнецов всегда связаны. Невозможно быть полноценным магом вдаль от брата. Это странное ощущение, как будто ты – не полноценный. Как будто часть тебя просто вытащили и

выбросили, а как жить с пустотой внутри, не объяснили. Мы оба жили, пытаюсь заполнить эту пустоту. Когда мы встретились, это ощущение ушло. Тогда мы поняли, что нам придется как-то жить.

– Но почему вы не поставили Бренна перед фактом? – спросила я. – Что Бес остался сиротой, что вам плохо вдали друг от друга, что вы либо вместе, либо никак?

– Для начала – отец никогда не обрадуется такому повороту. Он одержим службой, ему не нужны скандалы и новые члены семьи. А вообще...

Лазарь посмотрел мне в глаза, и я поежилась от тьмы, в которой можно было утонуть. Там плескалась такая жгучая ненависть, что казалось, стоит ей вырваться на свободу, и она уничтожит все на своем пути.

– Ты бы хотела открыться человеку, который так поступил? Который отнял у тебя брата, который бросил его, не интересуясь судьбой? Бренн лишил меня шанса узнать мать, у нее нет даже могилы, потому что она стоила денег! Она умерла, не зная, что будет с ее детьми, а мы росли, не имея ни отца, ни матери, и лишь по счастливой случайности встретились. Ты бы искала поддержки у такого человека?

О, я искала. И даже нашла, но теперь кажется, что обратиться к Бренну Фаренгейту было самой большой ошибкой, совершенной в этом мире. Способен ли на бескорыстную помощь человек, не умеющий и не желающий любить своих детей?

– Единственный человек, которого я ненавижу – это Бренн Фаренгейт, – кивнул Бес. – Это наше общее чувство, и оно сильнее всего. Здравого смысла, моральных принципов и родной крови.

Кажется, мне это знакомо.

– Кстати о принципах, – Бес вдруг посмотрел куда-то поверх наших голов и изменился в лице, – это Бренн. Лаз, я уважаю твое право и желание на протест, но, может, радовать папу прибавлением в семействе еще не время?

– Да пошел он. – Лазарь поднялся. – А вот куколку ему точно не стоит видеть. Сейчас свалим по-тихому.

– Как ты свалишь?

Я, наконец, рассмотрела Бренна, хотя для этого пришлось подняться – из-за ограды не было видно, что происходит перед

академией. Впрочем, вскоре все стало слышно.

– Уважаемые адепты, большая просьба оставаться на своих местах! Небольшая проверка по приказу Его величества.

Лазарь выдал такую тираду, что даже Бес покраснел, а он явно уже примирился с норовом братика. Я хоть и слабо понимала, чем мне это грозит, на всякий случай напряглась. Не зря же парни, чтобы выдернуть нас поплавать, разыграли именно проверку.

– А другие выходы есть? – спросила я.

Бес покачал головой.

– Там, скорее всего, тоже всех проверяют. Это же Бренн Фаренгейт. Знаешь, обычно правители не любят предателей, даже если предательство свершилось в их пользу, но у Бренна особый статус. И существующий режим во многом его заслуга. Что-то я не слышал о проверках в Академии Рассвета.

– Это всего лишь предлог, чтобы прищучить профессорский состав, – фыркнул Лазарь. – Вот увидите, не за горами тот момент, когда Академию Сумрака объявят вне закона в связи с многочисленными нарушениями, которые наш папочка с удовольствием помогает находить.

– Да ладно тебе разводить политпрогнозы. Что будем делать с Грейс?

– Давайте ничего не будем со мной делать? – предложила я. – Лазарь сделает вид, что он тут на занятиях, ты спрячешься, а я подожду, когда меня найдут и скажу, что ну вот так вышло, решила походить по учебным заведениям, вдруг появится бюджетное место вакантное для перевода?

– Исключено! – отрезал Бес. – Мы тебя вытащим.

– Или не мы. Глянь, кто явился.

Когда среди толпы студентов я увидела знакомую фигуру, сердце почему-то екнуло. На сей раз на Князе была короткая кожаная куртка, но лицо оставалось неизменно скрыто под капюшоном. А еще в руках – я невольно засмотрелась на рельефные, будто сошедшие с альбома по рисованию анатомии – Князь держал явно старинную виолончель.

Лазарь довольно рассмеялся:

– Да он псих!

– Он нас видел, я полагаю. И понимает, что надо дать нам уйти. Но Бренн убьет его.

– Князя? Вот уж до кого не доросла убивалка. Ладно, значит, как только он заводит свою шарманку – рвем когти и возвращаем куколку на полку.

– Еще раз назовешь куколкой, начну орать, что ко мне пристали двое одинаковых Фаренгейтов, – пригрозила я.

Но больше дежурно, потому что напряженно следила за Князем. До поры до времени никто не обращал на худощавую темную фигуру внимания, но вот струн коснулся смычок – и я снова будто очутилась в том дне, когда мы с Диланом прогуливались по улочкам нового мира. Когда в размеренный и светлый день ворвалась сумеречная магия таинственного музыканта, мгновенно увлекла и заворожила всех, кто был рядом. Я еще не знала тогда, насколько миры рассвета и сумрака разные, а сейчас задалась вопросом: как ему удалось ворваться в законное время рассветных магов сумеречной музыкой? Каким даром он обладал?

– Вы мне так и не расскажете, кто это? – спросила я.

– Прости. Он сам решает, кому и когда говорить. С Князем лучше дружить, поверь, – ответил Бес.

На площади перед академией происходило то же самое, что и тогда, на улице. Народ постепенно стекался к музыканту, и даже суровые королевские стражи не могли противостоять магии Князя. Кроме, разве что, Бренна, но что он мог сделать против толпы? Он явно хорошо понимал, в каком случае стоит смириться и плыть по течению, и уж потом, когда это самое течение куда-то да принесет, разбираться с последствиями.

Поэтому Бренн стал самым внимательным слушателем Князя из первого ряда. Вот только если судить по выражению лица – он словно слушал не прекрасную музыку в виртуозном исполнении, а терпеливо ждал, как ждет мудрый родитель, когда закончатся детские капризы.

Значит, Бренн не одобряет действия Князя, но не может приказать или остановить – это довольно интересно.

– Сейчас! – шепнул Бес, предварительно разведав обстановку.

Как три нашкодившие мыши мы прошмыгнули к воротам. Никто из поглощенных музыкой слушателей не обратил на нас внимания, но в один момент я не удержалась и обернулась, чтобы еще раз взглянуть на музыканта.

И – мне, полагаю, просто показалось – появилось четкое ощущение, что он тоже на меня смотрел.

Вдали забрезжили первые признаки рассвета. До окраины города мы дошли пешком, и Бес по дороге купил для меня целую коробку печенья. Было одновременно радостно и неловко, по большей части из-за классических стереотипов об ухаживаниях. Бес явно ухаживал, а меня совсем не тянуло ответить. Зато тянуло к печенью.

Потом мы теньями проскочили лес, и во второй раз мне даже понравилось. Пожалуй, быть магом не так уж и плохо, хотя все еще довольно странно.

Мы остановились возле той же дырки в заборе, через которую и убежали, но в этот раз что-то было не так.

– Не поддается! – удивился Бес, дергая прутья.

– Да, ты прав. – Лазарь хмыкнул. – Они ее заделали! Вот Арлунье дерьмо!

– Кажется, Грейс сегодня разозлила удачу. Интересно, мы сможем сломать или разрезать прутья?

– Думаю, мы сможем подсадить ее, чтобы перелезла. И заодно полапать задницу.

Тут я уже не выдержала:

– Спокойно! Не надо ничего резать и никого лапать. Я найду через парадный.

– Грейс... – Бес округлил глаза. – Эржбет тебя убьет! Давай пойдем вместе, я объясню...

– Не убьет. Она уже смирилась с тем, что я не слушаюсь. Идите домой, пока не исчезла магия и не пришлось чесать пешочком.

Бес улыбнулся, а Лазарь стоял с задумчивым видом. Спустя несколько часов в их компании я даже начала различать братьев. И удивляться, как же они могли казаться мне одним человеком!

Тем более, что один из них вообще не человек, а скотина, выдавшая результат своих измышлений максимально холодным тоном:

– Знаешь, я тут подумал, что когда тебя куплю, развлечемся втроем, с тобой может быть весело.

– Лаз! – Бес впервые за ночь всерьез разозлился, да так, что даже пихнул брата в плечо.

Я молча показала придурку средний палец.

– Не слушай его, Грейс, – сказал Бес. – Он дурак. И всегда так ведет себя.

– Пойду я спать. До подъема пара часов, от кругов под глазами не избавлюсь, но хотя бы не упаду в обморок от недосыпа. Пока, Бес. А ты смотри, разбитой копилки может не хватить даже на самую стремленькую подружку. Может, купишь себе картинку с голой бабой? С чего-то же надо начинать.

Все бы наверняка закончилось банальной дракой, но на этот раз в роли Ари выступил Бес. Только из огромной благодарности за прогулку я сделала вид, будто мне совсем не хотелось вцепиться Лазарю в шевелюру и оттащить его, как Одетту.

Главные ворота были не заперты, и это значило или что Эржбет ждала моего возвращения, или что никакому здравомыслящему человеку не пришло бы в голову возвращаться в академию после ночной вылазки напрямиком по центральной аллее.

Как вскоре оказалось – первое.

– Тебе придется объясниться, Грейс. – Эржбет перегородила мне дорогу, сложив руки на груди.

Ни дать ни взять разгневанная мамаша ждет дочурку с танцев.

– Я гуляла с друзьями по городу. Съела булку, а еще мне подарили печенье. – Я помахала коробкой. – Ну и предлагали секс втроем, но я отказалась. Одетта не рекомендовала, сказала, дышалки не хватает, еще и кто-то все время чем-то тыкает. Так что сейчас пойду и немного посплю, очень устала.

– ГРЕЙС! – рявкнула Эржбет.

Я пожала плечами и аккуратно обошла ее по траве, не сумев удержаться от улыбки. В воплях директорши явственно слышалась бессильная ярость.

– Не делай этого, – догнал меня тихий голос.

Я ожидала продолжения криков и даже того, что Эржбет применит силу, но никак не того, что она вдруг заговорит.

– Не увлекайся силой, которую в себе открыла. Она довела до беды немало более искушенных и сильных магов, чем ты. Она пьянит тебя, дает ощущение власти, но с такой же легкостью и погубит.

– Это вопрос будет на зачете перед балом?

– Непременно донесу до твоего хозяина, что если он хоть единойжды даст слабину, то ты обнаглеешь за считанные недели. От

этого вопроса будет зависеть твоя жизнь!

– Надо же, а я думала, моя жизнь будет зависеть от человека, которому вы ее продадите. Знаете, Эржбет, я устала. Поэтому сейчас я пойду спать, а вы – к черту.

– *Айден! Я что тебе сказала? Почему ты ушел?! Ты должен был следить за Луной! Малышка испугалась! В кого ты такой безответственный?!*

– *Она маленькая!*

– *А ты старше, ты должен ее защищать!*

– *Мама, это несправедливо!*

– *Для нас не существует такого слова, Айден! Немедленно извинись перед Эржбет за то, что оставил Луну одну!*

Маленький мальчик вот-вот готов расплакаться, хоть это для него подобно смерти. Еще отец учил его ни при каких обстоятельствах не распускать сопли. И хоть от обиды жжжет глаза, он клянется, что не заплачет.

– *Прошу прощения, Ваша светлость. Этого больше не повторится.*

Княгиня опускается рядом с ним на колени. Она невероятно красивая, всегда казалась Айдену прямиком сошедшей со страниц сказок королевой. И, хоть он знает, что Эржбет вовсе не королева, не может отделаться от мысли, что в ее облике есть нечто нереальное.

– *Хорошо, Айден. Я верю тебе. Береги Луну, малыш, она станет тебе ближе самых родных людей.*

Он смотрит на белокурую девочку, что беззаботно играет чуть поодаль. И Айдену совсем не верится в слова сказочной королевы.

«Ненавижу ее!», – ярко вспыхивает мысль.

Да. Он определенно ненавидит принцессу Луну так же сильно, как занятия с виолончелью.

Глава девятая

– Ты не возражаешь, если мы перестанем играть в игру, где я тебя обучаю, а ты усердно занимаешься? – спросил мрачный, как грозовая туча, Мердок, когда я пришла на занятие.

– Не возражаю. Тогда я спать. Ночка выдалась бессонной, а статус сумеречника с правом отсыпаться днем никто не спешит мне давать.

Потом я подумала, что Мердок все же не виноват в моих разногласиях с Лазарем и Эржбет, и раздражение чуть утихло. Не надо было быть экстрасенсом, чтобы понять, какая муха укусила профессора. До бала оставалось всего ничего, а свет в конце туннеля так и не забрезжил.

– Вам с Пейдж не удалось собрать денег?

– Увы. Пейдж высоко ценится. Эржбет назначила за нее неподъемные деньги. Залог – не проблема, но цена...

– Вот могла бы для собственного блага прихрамывать, храпеть и немного косить левым глазом. – Я попыталась пошутить, но вышло уныло.

Мердок вдруг в сердцах хлопнул ладонью по столу и выругался.

– Какой вообще во всем этом смысл, если я не могу найти денег, чтобы защитить женщину, которую люблю?!

– Смысл в том, что никто не должен платить просто за возможность быть вместе. Смысл в том, что все это, – я обвела рукой кабинет, подразумевая академию, – плод больного воображения человека, который почему-то решил, что у людей могут быть хозяева. Дело не в том, насколько кто-то способен заплатить за свободу близкого. А в том, что в здоровом обществе такие вопросы не должны возникать, и уж тем более не должны считаться обыденными.

– Как найдешь идеальный мир, скажешь, – грустно фыркнул Мердок. – А ты как проводишь время? Эржбет ходит в ярости, ты совсем перестала с ней считаться.

– Да, я немного заигралась. Когда Эржбет рядом, я мгновенно выхожу из себя и превращаюсь в невменяемую стерву. Как она меня еще не убила.

– Об этом гудит вся академия. Никому она еще не позволяла такого. Думаю, Эржбет ждет бала и понимания, кто тебя купит. Она боится сломать игрушку принца, но как только на тебя наденут браслет, станет ломать в нужных местах. Так, как понравится хозяину.

– Ты что, выиграл конкурс «демотиватор года»?

– Прости. Сложно поддерживать других, когда опустил руки. Я вижу ее в коридорах или в столовой и каждый раз думаю, что эта встреча может быть последней. Не знаю, сколько еще я смогу смотреть Пейдж в глаза, я боюсь однажды увидеть там разочарование.

– Нельзя, чтобы она его видела в твоих. С балом еще ничего не закончится. Впереди девять месяцев обучения. Какая бы мерзкая скотина не купила Пейдж, у вас есть время, чтобы все продумать и свалить.

– Знаешь, – Мердок улыбнулся, – я понимаю, почему Эржбет не может с тобой сладить. Здесь еще не было такой ученицы. Конечно, во многом потому что девушки по большей части идут в академию добровольно, но все же... в тебе есть что-то, из-за чего не поворачивается язык перечить.

– Кстати об этом. Я обнаружила в себе способность приказывать. Правда, пользовалась ей всего единожды и не могу поручиться, что это вышло по моей вине и получится повторить. Но один... м-м-м... приятель высказал предположение, что я могу быть родственницей короля. Что лишь у них есть такая способность.

– Да, король во время инаугурации получает этот дар. Это особый сплав двух магий, он рождается в Сердце Магии, артефакте, который хранит королевский двор. Однако есть и другой вариант: подобной силой может обладать король по происхождению. Получившему трон с помощью меча и предательств необходимо получить свою королевскую магию, но королю по праву рождения это не требуется. Дар уже в его крови.

– И ты думаешь...

– Ты не можешь быть родственницей действующего короля, Грейс, он получил дар уже после твоего рождения. Если ты действительно можешь отдавать беспрекословные приказы, то ты – родственница Эржбет.

Я резко выпрямилась, почувствовав, как неприятно скрутило живот. Очередная волна злости накатила так стремительно, что на миг

закружилась голова.

– Это можно как-то проверить?

– Да, и легко. Общая кровь ярко проявляет себя под воздействием магии. Однако все это очень странно, ведь ты утверждаешь, что твоя магия – сумеречная, а весь род Эржбет и короля были рассветниками. Ты ничего не знаешь о своей матери?

– Нет, зато я знаю легенду. В которой говорится, что девушка из иного мира с рассветной кровью получит магию сумрака. Мне надо знать, Мердок.

Профессор поднялся, чтобы начать рыться в столе. При этом он еще как-то умудрялся вслушиваться в звуки из коридора и кидать на меня подозрительные взгляды.

– Не верь легендам, Грейс, это лишь сказки. Люди всегда придумывают себе сверходаренных избранных, и каждый представляет на их месте себя. Это лишь тропинка, ведущая из унылой реальности в яркие фантазии. Она довольно опасна.

– Говоришь, как Эржбет, – усмехнулась я. – Мердок, я не мечтаю оказаться всесильной спасительницей мира. Я хочу вернуться домой и спасти свою шкуру от любителя замысловатых игр, который готовится отвалить кругленькую сумму за то, чтобы со мной поразвлечься. И если Эржбет со мной в родстве, тоже хочу знать.

– Дай руку.

Мердок подошел ко мне с небольшим флакончиком. Острым чистым пером он проколол мне указательный палец и заставил сцедить во флакон несколько капель крови, а затем плотно запечатал его пробкой.

– А как ты добудешь кровь Эржбет?

– Достаточно будет волоса или слюны.

– Прямо как ДНК-тест.

– Что?

– Нет, ничего. Так, воспоминания из прошлого. И когда будет ответ?

– Скоро не обещаю, к Эржбет еще надо подобраться, я же не могу просто так дернуть ее за прическу. Но постараюсь успеть до бала, чтобы ты шла на него во всеоружии. Борись, Грейс, хоть кто-то должен вырвать право на свободу.

Мы оба замерли, услышав стук каблуков за дверью. Привычными жестами прикинувшись, что всего лишь обсуждаем домашнее задание, мы с Мердоком изготовились ждать явления Эржбет – никто другой не мог так вальяжно расхаживать по коридорам в учебное время. На несколько секунд она замерла, словно вслушивалась в голоса, и я нарочито громко произнесла:

– Хорошо, я переделаю, профессор!

– Профессор Мердок, заканчивайте занятие. Сегодня у девушек финальная примерка платьев перед балом. А тебя, Грейс, в моем кабинете ждет посетитель.

– Какой посетитель?

От неожиданности я даже забыла, что еще минуту назад всерьез размышляла о нашем возможном родстве.

– Делай, что велят, у меня нет времени на твои капризы. Сначала зайди ко мне, а потом отправишься на примерку. Остальные девочки уже почти закончили.

Не удостоив нас больше ни взглядом, ни словом, Эржбет поспешила исчезнуть. Как по мне, слишком поспешно. Даже Мердок выглядел удивленным.

– Иди, Грейс. Все равно из меня сегодня никудышный учитель.

По дороге к кабинету я гадала, кого принесло. Самая очевидная версия: Бренна Фаренгейта, которого так и не удалось обмануть при вылазке в академию. И сейчас меня ждут взбучка и очередной справедливый упрек. Потом шли варианты Бес (неловко), Лазарь (снова скандал!), таинственный Князь со скрытым лицом (а вот это уже интересно).

Я забыла лишь об одном человеке, казалось, мы так давно не виделись, что за насыщенностью событий, лиц и новостей, я совсем забыла о существовании Дилана. Держа в уме его желание купить меня, я совершенно не ожидала, что принц явится лично.

– Грейс, – тепло улыбнулся он, – рад видеть тебя. Ты очаровательна. Тебе идет на пользу пребывание здесь, из миленькой официантки ты превращаешься в роскошную леди. Молодец, что отрастила волосы. Тебе очень идет. Вот, я спросил у Эржбет, что можно принести, она разрешила ягоды.

Он протянул небольшую корзинку каких-то ягод, которую я машинально взяла. Тут же опомнилась и выбросила ее в мусор, но на

лице Дилана не пробежало даже тени. Он только улыбался, как клинический идиот, будто верил, что я сейчас брошусь ему на шею и начну неустанно благодарить за шанс, который подарила эта академия.

– Что тебе нужно, Дилан?

– Увидеть тебя. Скоро бал, я знаю, но это выше моих сил. Я скучаю, Грейси.

– Хватит строить из себя пылко влюбленного юношу. Говори, что хотел, и убирайся.

– Тебе не стоит так разговаривать со своим принцем.

– Ты не мой принц. Я не рождалась в твоём мире и мои предки не приносили твоему королю клятву верности. Ты – всего лишь маленький богатенький извращенец, который любит издеваться над девушками. То, что у меня нет возможностей с тобой сражаться, совершенно не значит, что я буду вымаливать твою благосклонность.

Маска заботы и приятного волнения сошла с Дилана в один миг. Даже черты лица ожесточились, стали острее. Я рассматривала его с почти исследовательским интересом, не понимая, как могла влюбиться. Хотя что удивительного в том, что нищая девочка из трейлера на пляже бросилась на шею первому встречному? У меня не было шанса для другой первой любви, но был хотя бы шанс на то, чтобы она не завела меня так далеко.

– Давай не будем притворяться, – устало произнесла я. – Ты не рад видеть меня, ты предвкушаешь момент, когда получишь власть. Я не лучше выгляжу, ты просто кайфуешь от того, что получилось меня изменить. Ты предал меня, но я сама во всем виновата. Папа был прав насчет отношений с тобой, зря я его не послушала.

– Не хочешь, кстати, знать, как у него дела?

Спокойно, Грейс. Он всего лишь мстит за то, что я его не боюсь.

– Почти спился. Вряд ли он узнает тебя, если ты вернешься. Думаю, твоему папаше недолго осталось: печень не способна вынести такую нагрузку. Каждый день вижу его, накачивающимся спиртным. Он даже не работает в баре. Жалкое зрелище. Может, я бы мог ему помочь... есть много способов, в том числе и магических, избавиться от зависимости. Привести в порядок бар, поддерживать его на расстоянии. Намекнуть, что ты жива и здорова, в порядке, счастливо живешь в новом мире. Я бы мог все это сделать, если бы ты была сговорчивее.

Он сделал шаг в направлении меня, но замер, встретив не просто гримасу отвращения, а дрожь, которую я не смогла подавить.

Он лжет! Дилан не видел моего отца! Зачем ему ходить за Землю и справляться о его здоровье?

– Ты знаешь, что я говорю правду. Тебе хочется верить, что папа придет и спасет, но твой отец умеет только заливать проблемы алкоголем. И сейчас он лежит где-то, нажравшийся в ноль, как всегда. Это правда, Грейс, потому что так было всегда.

Спорить, доказывать правоту, биться в истерике – это слабость, а слабостей Дилан не прощает. Я представляла каждую деталь из его рассказа, наверное, намного лучше него самого. И разбросанные под столом пустые бутылки, и заваленный мусором пляж. Если папа перестанет поддерживать чистоту и опрятность, нам могут не разрешить ставить там лежаки и бар. Дело всей нашей жизни окажется на помойке.

Но все это должно быть только внутри, иначе Дилан обязательно использует. Вывернет наизнанку, уничтожит остатки надежды. Все ради того, чтобы получить идеальную, которую сам же и выбрал.

– Если это все, то я должна идти. Мне нужно на примерку платья.

Я развернулась к двери, не собираясь больше слушать его, но тут меня настигла еще одна брошенная в порыве злости фраза:

– Хочешь знать, почему я ищу их на Земле? Почему все так сложно, почему я не покупаю идеальных среди тех, кто идет сюда за сытой жизнью и богатым покровителем?

Дилан подошел ко мне со спины, невесомо провел кончиками пальцев по предплечьям и ниже, до самых кистей. Словно хотел взять за руки, но передумал.

– Каждая жительница этого мира сделает все, что я прикажу. Без исключений. Мне стоит велеть встать на колени – и они становятся, потому что магия, которая делает меня сыном короля, не позволяет ослушаться. Это скучно, Грейс. Невыносимо скучно. Но девушки с Земли... они умеют сопротивляться. На них не действует моя магия, в их крови не течет подчинение правителю. Эржбет готовит их для меня, и некоторые действительно превращаются в послушных куколок, но, увы, быстро ломаются. Некоторые только смотрят. В их глазах целый шторм, ненависть, эмоции. Это очень заводит. А некоторые не перестают сражаться до конца. Такие как ты, например, Грейс. Ты ведь

тоже не сдашься? Мне уже не терпится увидеть тебя на балу! Думаю, это событие я не забуду. У нас будет много памятных моментов...

Он перешел почти на шепот, касаясь моей шеи.

– До тех пор, пока тебя не придется отправить на чердак, где сломанным куклам самое место.

– Заткнись! – рявкнула я.

Резко обернулась, перестав сдерживать магию – я чувствовала ее внутри, и хоть за окном был тоскливый туманный день, я инстинктивно поняла, что делать. Почувствовала, что получится.

– На колени! Это приказ!

Впервые Дилан испытал неподдельный ужас, очень похожий на тот, что почувствовала Одетта, когда тело перестало вдруг слушаться и исполнило чужой приказ. Должно быть, он часто проделывал это с другими девушками, но только сейчас испытал на собственной шкуре.

Я чувствовала власть над ним. Способную убить, уничтожить, отомстить за причиненную боль. Стоило лишь пожелать – и Дилан возьмет со стола Эржбет канцелярский нож, чтобы по справедливости ответить за содеянное зло.

Не знаю, какое чудо заставило меня остановиться. То, что называют внутренним стопором, наверное. Порой мне казалось, я с легкостью могу убить человека, но на практике все выходило иначе.

– Ты забудешь о существовании моего отца. Его нет и никогда не было. Ты не посмеешь приблизиться к нему, навредить или даже просто заговорить. Это приказ! Ты не тронешь меня и пальцем! Ни одной живой душе не расскажешь о моей силе. Это приказ! На балу ты выберешь меня и оплатишь предложенную Эржбет цену, а затем проведешь в замок, прямиком к порталу. Это приказ! Отныне и навсегда ты не прикоснешься ни к одной девушке, силой или с ее согласия. Это приказ! Тебе ясно? Отвечай!

– Да.

Во взгляде горела ненависть, а губы произносили совсем не то, что Дилану хотелось бы произнести. Власть действительно пьянит, от нее голова кружится не хуже, чем от алкоголя. Было неправильно, стыдно наслаждаться абсолютной властью над другим человеком, но Дилан, на коленях стоящий передо мной, лишившийся забавы и воли, стал наболевшим нарывом, вдруг вскрывшимся и очистившимся.

Несколько секунд я стояла, закрыв глаза, а потом, досчитав до трех, снова отвернулась.

– Ты действительно запомнишь этот бал навсегда, Дилан. Это я тебе могу пообещать.

У лестницы моя решимость и холодность закончились. Руки мелко задрожали, а тело прошиб холодный пот. Что я сделала?! Приказала сыну короля! Использовала на нем магию, которой у меня и вовсе не должно было быть!

А если я ошиблась? Если он расскажет отцу, что я умею? Мне не удастся вернуться домой, если о способности приказывать станет известно общественности. Я снова не сдержалась и снова показала себя не в лучшем виде, но почему же хотелось смеяться и кружиться, словно случилось нечто безумное, но хорошее?

Потом я поняла: это ощущение защищенности.

Я не беззащитна. Я могу приказать – и никто не осмелится причинить мне вред. Я могу приказать – и те, кто ненавидел и ломал меня, склонятся передо мной. Я могу приказать – и враги станут лучшими друзьями, а близким больше никто не навредит.

Жаль, что я не могу справиться с даром в одиночку.

Платье уже ждало в апартаментах модистки. Такое, как мы и согласовывали: ярко-красное, с кружевным верхом, низким (даже чересчур) вырезом и пышной шифоновой юбкой. Агрессивное, но очень красивое – я стояла перед огромным зеркалом, пока модистка делала подметки и замысловатым образом поменяла ткань.

Возможно, мне больше не нужен Бренн Фаренгейт, чтобы попасть во дворец.

Возможно, я смогу все-таки однажды стать магом.

Возможно, в моих венах и впрямь течет королевская кровь.

Возможно, женщина в отражении зеркала, что стоит, прислонившись плечом к косяку, моя кровная родственница, кусочек потерянной и раздробленной на элементы паззла семьи.

– Зачем вы пустили его ко мне? Вы ведь знали, что все этим кончится, что Дилан доведет меня, а я не сдержусь! Вам что, нравится играть?!

– Не понимаю о чем ты, Грейс. – Эржбет впервые за много недель торжественно улыбнулась. – Однако посмею напомнить, что ты – не

единственная, на ком отражались выходки ненаследного принца. У него много недоброжелателей.

– Это уж точно, – хмыкнула я.

Прямо на наших глазах из красного платья стремительно становилось черным. В отблесках свечей сияет бисер на корсаже, а тончайшее черное кружево легло на тело, как вторая кожа.

Вот теперь правильно. Теперь я смогу появиться в этом на балу.

Модистка испуганно посмотрела на Эржбет, но та, продолжая улыбаться, лишь отмахнулась:

– С ней невозможно справиться, она неуправляема и всегда все делает по-своему. Не просите меня повлиять на эту девушку, потому что это не может сделать ни одна живая душа нашего мира.

Глава десятая

Вечер бала подкрался неожиданно и ошарашил своей неотвратимостью. С самого утра академия стояла на ушах: идеальные носились туда-сюда, готовясь, персонал и преподаватели не отставали. Мы примеряли платья, делали прически, макияжи, подбирали аксессуары, и вообще вели себя так, как обычные девушки перед крупной вечеринкой.

Я чувствовала себя странно. С одной стороны ситуация зашла в тупик, и я понятия не имела, как выкручусь из всей этой передрыги. С другой всеобщее возбуждение передалось и мне. К счастью, я видела Эржбет лишь пару раз и мельком, а Одетта была целиком и полностью поглощена сборами, поэтому остаток дня прошел мирно, а с первыми лучами заката мы погрузились в уже знакомые сани и дружно отправились в место проведения бала.

Для него сняли какой-то театр или что-то такое: огромное здание с колоннами, увитыми зеленым плющом. Всюду сияли магические огни, звучала негромкая, но чарующая музыка. Однако ничто: ни вывески, ни афиши, не говорило о том, что здесь богатые лорды будут покупать себе игрушки.

Нам выделили большую гримерную, подрядили сразу несколько десятков служанок, чтобы помогать собираться, и велели быть готовыми через час. Эржбет, одетая в строгое, но в то же время роскошное длинное черное платье, окинула нас немного нервным суровым взглядом, задержалась на мне – и ушла, явно уверенная, что я обязательно что-нибудь выкину.

Но у меня была другая забота: найти Мердока и выпросить, сделал ли он анализ. Все занятия, кроме бального этикета, отменили, поэтому нам не удалось увидеться вплоть до бала. Но он должен был быть здесь. Это ведь его единственная возможность в последний раз увидеть Пейдж.

На ней не было лица. Его ей, конечно, старательно рисовали, но на бледную и усталую Пейдж невозможно было смотреть без слез. Она сидела перед зеркалом, выпрямив спину, смотрела в одну точку и, казалось, вообще слабо понимала, где находится и что происходит. Ее

было жалче всех. Я мысленно сочувствовала Мердоку: в темно-синем платье с перьями и жемчугом Пейдж производила впечатление сказочной принцессы. Пожалуй, она была единственной, кому пошли перья, остальные в них смотрелись, как огромные разноцветные курицы.

Татия нервничала. Она уже закончила сборы, и теперь бродила туда-сюда по примерной, молясь, чтобы Гелиос и Арлуна позволили ее брату выкупить ее. Мне подумалось, что как-то странно молиться гигантским монстрам, но в эту ночь я решила молчать и сосредоточиться на том, чтобы нивелировать последствия собственной несдержанности. Если все пойдет по плану, то Дилан купит меня, и на этом все, но если нет... я не знаю, сколько действует магия, я не знаю, как она действует, но полагаюсь на нее больше, чем на Бренна, и это пугает.

– Вот это новость! – Феникс влетела в примерную в возбуждении, глаза азартно горели.

Вообще она отпрашивалась в туалет, но явно по дороге добыла сплетен.

– На балу будет король! Девочки, Его величество выберет идеальную!

Татия побледнела, я тоже почувствовала, что желудок сжался. Мы все думали об одном и том же: король выбирает первый. И он вполне может выбрать любую из нас. Это я не предусмотрела. Что будет, если король выберет меня вперед сына?

– Дамы, – стражник, что дежурил у дверей, заглянул к нам, – Эржбет велела передать, что вам нужно спуститься. Они готовы начинать.

Большая часть девчонок испуганно замерли. Только Одетта, как обычно чрезвычайно довольная собой, растолкала всех и вышла первой. Ее единственную из всех одели в черное. Не считая меня, конечно. Получилось эффектно, но мысль о том, что Эржбет сделала это из-за меня, никак не отпускала.

– Держись в конце толпы, – посоветовала я Татии. – Твой тебя не упустит, а остальные, возможно, не заметят.

– Спасибо, Грейс, – слегка дрожащим голосом сказала она и на секунду сжала мою руку.

Всеобщее волнение передалось и мне. Минуты, которые мы шли к дверям зала, показались вечностью. Я чувствовала себя так, словно выпила что-то на голодный желудок. От сияющего декора и мерцающих свечей кружилась голова, а руки заледенели.

Мы остановились перед большими, в два человеческих роста, дверьми, и стали ждать. Безмолвные и бесстрастные охранники откроют для нас двери не раньше и не позже, чем все лорды соберутся в зале. Затем мы войдем – и начнется церемония, где на каждую из нас наденут по браслету с именем хозяина. Затем пройдет торжественный ужин лордов в компании своих новых приобретений, а затем нам дадут время повеселиться. Хотя вряд ли кому-то будет время для веселья.

Наконец стражники переглянулись, кивнули друг другу – и нам открыли дверь в сияющий зал, полный запахов, звуков и людей. Большая часть из них, конечно, была мужчинами, но я успела рассмотреть и несколько женщин.

К горлу подступила тошнота. Как я ни пыталась найти в толпе Дилана, среди множества лиц сложно было рассмотреть кого-либо. К тому же мы вышли на небольшой балкон, так, чтобы можно было стоять чуть на возвышении. Чтобы покупатели лучше рассмотрели товар.

Я снова начала злиться и попыталась успокоиться. На город уже опустился сумрак, мне нельзя допустить использование магии. Если бы хоть кто-то меня обучил, как это сделать!

Одетта первой двинулась к лестнице. Все как учили: неспешно и смиренно. Только для меня все равно загадкой оставалась ее цель здесь. Если Мердок не соврал, если Одетта и впрямь работает на Эржбет, зачем этот цирк с балом? Поддерживать легенду до конца?

И тут, едва Одетта спустилась в зал, от толпы отделилась фигура, в которой я узнала... Дилана.

С улыбкой и полной уверенностью в себе, он легким движением надел Одетте на запястье широкий золотой браслет – и рыжая стерва натурально зарделась, изображая невероятное счастье из-за внимания столь знатного лорда – принца!

– Ваше высочество, право первого выбора у Его величества... – Эржбет, все это время наблюдавшая за нашим выходом, решила напомнить правила вечеринки.

– Бросьте, – пробасил король, – какой отец не уступит выбор своему ребенку?

Бренн Фаренгейт, например.

Эржбет с улыбкой склонила голову в знак согласия, но я видела по лицу – не будь король королем, его бы попросили помолчать и не мешать взрослым людям работать.

Мое сердце билось где-то у горла, грозя вот-вот остановиться. Не сработала! Магия не сработала, Дилан выбрал Одетту! И это, черт возьми, справедливо, хотя и жутко.

Отца Дилана не пощадили возраст и, полагаю, изрядно нездоровый образ жизни. Он выглядел лет на двадцать старше отца, а уж рядом с Бренном смотрелся бы дедом. И еще в нем не чувствовалась властность. Хотя это довольно эфемерное понятие.

Когда последняя идеальная спустилась в зал, мы рассредоточились по нему и... просто бродили, стараясь не слишком пялиться на гостей. Впрочем, чтобы заметить всеобщую нервозность и нетерпеливость, не надо было быть семи пядей во лбу. Некоторые лорды едва ли не притоптывали в ожидании, когда король сделает свой выбор, и можно будет начать им.

В самой толпе на расстоянии метра друг от друга бродили Татия и Морган. Одетта всю ворковала с Диланом, я не могла заставить себя отвести от них взгляд. В один момент мы с Диланом посмотрели друг на друга, и он криво усмехнулся.

Глупая! Возомнила себя магом, способным управлять принцем! Решила, что победа уже у меня в кармане, что достаточно лишь немного потерпеть – и я окажусь дома! Теперь думай, как выкручиваться, когда тебя купит какой-нибудь престарелый лорд с шаловливыми ручонками. Как попасть во дворец, к порталу?!

Погрузившись в собственные мысли, я не сразу заметила оживление. Заозиралась, ища источник всеобщего внимания, и увидела короля – он с блаженной улыбкой надевал браслет на руку Феникс, а та счастливо моргала. Я серьезно, никогда не думала, что можно так радостно просто моргать, но у нее это, черт возьми, получалось!

С этого момента все пошло поживее, но я вдруг растерялась. Признаться честно, я слушала лекции вполуха, наивно полагая, что даже если вползу в зал в одной туфле и с размазанной тушью, это не остановит Дилана. И теперь понятия не имела, что надо делать.

– Скучаешь? – Одетта подкралась из-за спины. – Какая неприятность, да? Принц не выбрал нашу главную драгоценность. Может, теперь у тебя убавится гонору?

– А тебе хозяин говорить разрешил? Может, тогда пойдешь и поинтересуешься, куда у него делись прошлые идеальные?

Я наконец нашла в толпе взглядом Пейдж и поспешила к ней – подруга по несчастью выглядела еще растерянее. Казалось, ей вот-вот станет плохо.

– Ты как? – спросила я.

– Нормально. Терпимо. Не знаю... ты видела Мердока?

– Нет. – Я покачала головой. – Прости.

– Скорее бы все кончилось! Скорее бы они уже закончили! Может, станет легче... Грейс...

– Не бойся. – Я постаралась ободряюще улыбнуться. – Принцы закончились. Теперь выбирают лорды.

– Есть еще принцесса, – услышали мы веселый звонкий голос и обернулись.

Девушка, одна из тех, кого я заметила среди гостей, выглядела пугающе. То есть, она была красива, это бесспорно, очень красива, но по сравнению с ней Одетта казалась самой адекватной и спокойной девушкой в мире. Одетта в платье с кожаными вставками и драным подолом, принцесса всем своим видом словно говорила: ну давай, давай, вступи со мной в противостояние, начни войну – и я сорвусь.

– Разрешите вашу ручку, – хмыкнула она, крутя на пальце браслет.

Мы с Пейдж застыли, не в силах сдвинуться с места. И каждая малодушно молилась, чтобы принцесса обращала это к другой.

Ту, похоже, наш ступор только развеселил. Принцесса сама потянулась к Пейдж и надела ей на руку браслет.

– Вот так.

Она довольно рассмеялась и поправила завитые в крупные локоны волосы Пейдж. С нарочитой заботой, но получилось жутко.

– Так тоже интересно, правда? Ох, простите, меня зовет отец.

Она громко, так, что на нас обернулись практически все, произнесла:

– Королевская кровь закончила выбор. Можете довольствоваться остатками.

Вот теперь-то и началось веселье!

Лишившись опоры, я могла только наблюдать за толпой. Каждый раз, когда кто-то из гостей оказывался рядом со мной, сердце екало и пропускало удар, а потом билось быстрее – и в какой-то момент стало не хватать воздуха.

Я должна была поддержать Пейдж, но сама не могла успокоиться. Странное ощущение тревоги, как перед неприятностями, усиливалось с каждой секундой.

– Надо успокоиться.

«Надо валить», – пришло в голову.

Кажется, я не могла оставаться здесь больше, но куда пойти? И как жить в этом мире, отказавшись от своего? Бросив отца?

Я увидела Татию и Моргана и немного успокоилась. Они как спасительный якорь, островок счастья в зале, полном безумия и мерзости. На руке девушки болтался браслет, а Морган словно боялся, что он соскользнет и лишит его счастья – придерживал его.

Что ж, хоть кто-то выйдет с бала с ощущением покоя.

Почти никто не танцевал, в основном уже сложившиеся пары «хозяин-идеальная». Больше половины девушек бродили без браслетов, лорды неторопливо и степенно высматривали наилучший товар. Я пыталась отыскать хоть одно знакомое лицо, но когда нашла, выругалась сквозь зубы, и какой-то гость брезгливо шарахнулся.

– Надо же, какие мы нежные, – фыркнула я.

Надо сбежать! Лазарь Фаренгейт пока не видел меня, но когда увидит, может существенно осложнить и без того непростую жизнь. Я почему-то сразу поняла, что это именно Лазарь, а не Бес, вспомнила его угрозы – и решила бежать. Плевать на Эржбет, плевать на правила!

Расталкивая народ и направляясь к выходу, я заметила странную вещь: от меня словно шарахались. Что было странно, потому что все меньше идеальных оставалось без браслетов. Может, слух о том, что принц хотел выбрать меня, разошелся среди гостей? Или Дилан мстит и приказал меня не выбирать...

Я даже на секунду замешкалась, подумав, что если это так, то Эржбет просто отчислит меня и отпустит на все четыре стороны. Потом снова вспомнила про Лазаря, и снова начала продвигаться к выходу.

Но скотина зашел с другой стороны и крепко вцепился мне в руку.

– Стоять! Вот и ты! А я тебя везде ищу!

– Пусти!

– Подожди, сейчас браслет надену. Куда же я его положил...

Лазарь демонстративно шарился по карманам в поисках браслета, не выпуская меня, а я одновременно пыталась вырваться и сдержать рвущуюся наружу магию.

Сдержать не получилось. Там, где соединялись наши руки, вспыхнул синий огонек, да так ярко и стремительно, что все свечи разом погасли, погрузив зал во мрак и тишину.

– Не смей! Только попробуй, Лазарь, и я не постесняюсь никого, ты тысячу раз пожалеешь, что ко мне подошел!

К нам обратились все взгляды, и я надеялась, парень ступает от такого внимания, но он одним уверенным движением застегнул браслет на моей руке. И тут же отшатнулся: я вlepила ему пощечину. Почти ожидая услышать крик Эржбет, почти ожидая ответного удара, но мне было плевать. Негромкий щелчок застежки браслета прозвучал как приговор. Унизительный, жестокий и несправедливый.

– Нет.

Вопреки ожиданиям, это сказала не Эржбет. Я узнала голос, едва слышала. Князь все еще скрывал лицо, но присутствующие почтительно расступались. Значит, знали, кто он?

– Ты передумал.

– Что? – Лазарь скривился. – Мы так не договаривались!

– Мы вообще не договаривались, – холодно произнес он. – Ты передумал.

Горло пересохло. Я пыталась дышать, но вдох получалось делать через раз. Что происходит?!

– Сними браслет, – спокойно приказал Князь.

Лазарь медлил. Буравил Князя взглядом и медлил, но в итоге, когда я уже поняла, что сейчас отключусь, протянул руку и легким движением расстегнул мой браслет. А в следующий миг на запястье оказался другой, уже принадлежащий Князю.

С этого момента мир вокруг перестал существовать. Только я, холод металла, обхватившего запястье и мужчина, чье лицо всегда скрыто.

– Зачем? – хриплым голосом спросила я.

– Я так хочу.

– Кто ты такой?

– Ты знаешь.

– Я знаю тебя?

– Возможно.

Мне почудилась улыбка в его голосе.

– Все возможно.

– Зачем я тебе? Зачем все это?

– Ты должна поговорить с Робом Мердоком. У него есть для тебя информация. Он ждет тебя на балконе.

– Я...

– Иди, Грейс. Поверь, тебе нужна информация, которая у него есть.

Снова вспыхнули свечи. На нас все еще смотрели, но человеческий эгоизм все же взял свое. Те, кто уже определился с выбором, спешили убедиться, что не прогадали, а те, кто еще не использовал браслеты, надеялись еще сделать выбор и не потерять залог.

Князь подтолкнул меня в направлении балкона, а когда я обернулась, чтобы задать еще несколько вопросов, растворился в толпе. Только тяжесть на руке напоминала, что это был не сон и не спектакль.

Я окончательно перестала что-либо понимать, поэтому просто отправилась на балкон, в глубине души не веря, что Князь сказал правду, и Мердок действительно меня там ждет. Но он ждал. Выглядел не лучше Пейдж, только к тоске и обреченности добавилась изрядная доля бессильной злости.

– Привет, – осторожно сказала я. – Ты хотел поговорить?

– Да, Грейс.

Он словно избегал смотреть мне в глаза, и это настораживало.

– Ты проверил мою кровь? Это правда? Я – родственница Эржбет?

– Я действительно выяснил кое-что интересное о тебе. Вероятно, это станет решающим оружием в борьбе с Эржбет. И, на мой взгляд, ты должна это знать. Но...

– Но оружие ударит и по мне? – улыбнулась я. – Знаю. Мне кажется, я готова.

– Я расскажу, что узнал, если ты кое-что сделаешь для меня.

– Что?

Я не поверила своим ушам. Это шантаж? Угроза? Мердок Роб, единственный человек в академии, предложивший реальную помощь, поддерживавший меня. Человек, чьей истории я искренне сочувствовала? В чудо для которого искренне и наивно верила?

– Помоги Пейдж. Прикажи принцессе, чтобы она ее не трогала. Чтобы отпустила.

– Я не могу, Мердок.

– Грейс, она погибнет во дворце! Принцесса... ты не представляешь, что это за тварь.

– Я так понимаю, это у них семейное. Мердок, я не могу помочь не потому что не хочу. А потому что уже пыталась проделать это с Диланом. У магии либо ограниченный срок действия, либо она просто не работает на королевских отпрысках. Ничто не помешало ему, несмотря на мой приказ, выбрать Одетту. Прости.

– Ему помешало не это.

– Что? – Я нахмурилась.

– Дилан не выбрал тебя, потому что ему запретили. Его освободили от твоей магии. Принцессу не освободят. Сделай, что я прошу, прикажи ей – и получишь информацию.

С балкона открывался потрясающий вид на звездный скалодром. Крошечные точки – неизвестные, но наверняка куда более счастливые маги – карабкались по звездам наверх. В этом было что-то символичное. И завораживающее.

– Тебе необязательно было просить так, – наконец, произнесла я. – Необязательно шантажировать информацией. Я помогла бы, если бы попросил.

– Я... мне страшно за нее, Грейс. Прости. Я не желаю тебе зла, но ты сильная, ты выкарабкаешься, а Пейдж – нет.

– Говори. Я прикажу принцессе, но сначала говори, Мердок! Иначе я найду того, кто проверит наше родство снова, а ты останешься со своей ценной информацией. Видишь? Я тоже умею угрожать. Правда, я обычно не делаю этого с теми, кого считаю друзьями. Так мы с Эржбет родственники, или нет?

– Да.

Черт! Как это вообще возможно?!

Мердок предвидел подобный вопрос.

– Я проверил. Вы с Эржбет родственники, причем ближайšie. Единственная девочка, подходящая тебе по возрасту – принцесса Луна. Я проверил ее могилу, она пуста.

Он помолчал, а потом добавил:

– Как и могила ее отца. Вы каким-то чудом сбежали на Землю. Поэтому ты можешь отдавать приказы.

– А сумеречная магия? Ты говорил, вся королевская семья была рассветниками.

– Я тоже задался этим вопросом, поэтому проверил твое родство с Ее величеством. Кажется, тебя воспитывали как принцессу, однако мать у тебя была другая.

На Земле живет почти восемь миллиардов человек. Из них наверняка найдется пара миллиардов молодых девушек, которые могли приглянуться принцу магического мира, но почему-то он выбрал меня.

– Как это возможно? – наконец спросила я.

Хотя хотелось поддаться панике и сбежать, оказаться как можно дальше от женщины, с которой меня связывала не только ненависть.

– Мне сложно сказать, Грейс. Возможно, во время захвата дворца кто-то из стражи спас маленькую девочку, ушел в твой мир. Это, по сути, был единственный шанс для принцессы Луны... то есть, тебя. Короля жестоко убили, принцессу Ариадну заставили пройти через испытание сумеречной магией – и она умирала в мучениях, Эржбет сослала. Ты бы не выжила здесь, новый король был жесток.

Я села прямо на пол, потому что вдруг закружилась голова и остро стало не хватать воздуха. Быстро и глубоко дыша, я смотрела на луну, словно она могла дать мне ответы. Обычно становилось легче, но сегодня как будто сердце взяли в стальной обруч и сдавили.

– Ты в порядке?

– Нет... нет, я не в порядке! Она знала! Она знала, понимаешь?! Она знала, что я ее племянница и продолжала меня мучить, издеваться, продала! Как?! Как может подняться рука сделать такое с родным человеком? С тем, кто едва не погиб ребенком?!

– Грейс, Эржбет – глубоко травмированная женщина. На ее глазах убили брата, старшую племянницу. Ее лишили всего, заставили возглавлять, по сути, бордель. Ее сначала сломали, а затем заставили служить новому хозяину. Возможно, она просто не знает, как помочь тебе. Как снова стать для тебя родной.

– Вот сейчас и проверим!

Мердок изменился в лице.

– Грейс, не делай глупостей! Не говори ей ничего!

– Я тебя не выдам, не бойся. Скажу, что догадалась сама, когда увидела способности Дилана. А еще во сне слышала имя Луны.

– Грейс, плохая идея. Эржбет сейчас натянута, как струна, мы не знаем, как она отреагирует на твою попытку поговорить с ней.

– Это ее проблемы.

Я решительно направилась обратно в зал, чувствуя, как внутри злость смешивается с магией, и эта адская смесь стремительно вскипает.

– Грейс, ты сделаешь себе хуже!

– Некуда хуже! – рявкнула я, когда Мердок попытался схватить меня за локоть, но испуганно отшатнулся.

Я показала браслет Князя.

– Хуже быть уже не может! Неужели это говоришь ты?! Твою любимую девушку только что купила ненормальная принцесса! И она, скорее всего, знает о вас, потому что Одетта и Татия – две болтушки, неспособные хранить секреты! Ты больше никогда не увидишь Пейдж, а я рискую не попасть во дворец и не вернуться к отцу. ЧТО может быть еще хуже?! Смерть?! Кишка у нее тонка! Эржбет – трусливая сука, неспособная принимать решения без указки сверху! Но если она попробует, напоследок я устрою ей такой спектакль, что вся ваша Магия запомнит его до тех пор, пока не погаснет солнце!

– Любопытно будет взглянуть, – раздался холодно-вежливый голос Эржбет.

С лица Мердока сошла краска, а вот я была так зла, что даже не испугалась. Только почувствовала нестерпимое желание вцепиться женщине в горло, когда увидела ее легкую улыбку и абсолютно умиротворенную позу.

– Тебя ищет хозяин, Грейс.

– Можете передать ему, чтобы катился к Арлуне.

– Думаю, ему понадобится объяснить дорогу. Профессор Роб, вы свободны. Благодарю, что присмотрели за Грейс. Я даю вам час на сбор вещей, и тогда о вашей связи с моей воспитанницей, а ныне Идеальной Ее Высочества, никто не узнает. В противном случае, боюсь, новый рассвет вы не встретите.

Что ж, бал не мог обойтись без драмы. Пейдж и Мердок – необходимая в любом сюжете трагедия, иначе счастливые Татия и Морган, довольная Феникс, заполучившая короля и Одетта, одержавшая надо мной верх в завоевании Дилана, будут менее ценны для сюжета.

– Пройдемся? – предложила Эржбет так, словно мы случайно встретились на светском рауте.

Душа требовала спорить и огрызаться, и Эржбет это чувствовала.

– Ты ведь, кажется, собиралась со мной поговорить. Не ссориться же у всех на глазах.

– Я все знаю.

– Это вряд ли, – рассмеялась она. – Идем. У нас не так много времени, к ужину тебе нужно вернуться. Не смотри так, Грейс, у меня отличный иммунитет к осуждению. Итак, ты узнала, что в тебе течет кровь прежней королевской семьи. Я удивлена: тебе удалось заполучить в союзники Мердока Роба. Что ж, его давно следовало убрать, пусть скажет спасибо, что ушел живым. Но у него действительно выдающиеся способности, и мне жаль терять такого педагога. Он учил вас думать, и хоть считается, что для идеальных это совсем нежелательная способность, порой она выручает.

– Ближе к делу. Мне не интересна ваша кадровая политика.

– Ты очень похожа на отца.

– Так он все-таки король.

– Бывший. Да. Каким-то образом Эрмесу удалось уйти и даже спасти тебя. Мы не знали, был пожар. В спальне нашли два обугленных трупа, все решили, что это королевская чета.

– А дети? Старшую принцессу заставили принять сумеречную магию? Боялись, что она – королева из пророчества? Но неужели никто не заметил, что исчезла младшая?

– Во дворце было много детей. Возможно, за Луну приняли кого-то другого. Мы не успели вывести тебя в свет, это стало твоим спасением. Увидь твои волосы однажды, никто бы не забыл их. Бренн Фаренгейт точно догадался бы.

– При чем здесь Бренн?

– Ты не знаешь? – улыбнулась Эржбет. – Он возглавлял штурм дворца. Он предал Эрмеса. И свою невесту, Ариадну. Впрочем, Бренн

успешно совмещал и роль злодея, и роль жертвы. Ему обещали ее в награду. Обещали, что Ариадна будет жить.

– Он не знал о ритуале?

– О нем никто не знал. Даже новоиспеченный король. Никакого ритуала не существовало, это я подбросила им его описание, как и пророчество в нужный момент. Мне нужно было кое-что сделать, для этого требовался ритуал.

– Вы провели ритуал, из-за которого погибла ваша племянница?! – ахнула я. – Арлуна, да вы еще больший монстр, чем я думала! Папа мог бы и рассказать, что у меня в родне сумасшедшая тетка!

– Папа мог рассказать многое, – согласилась Эржбет. – Например то, что я не твоя тетя. Я – твоя мать.

Словно в банальном кино под каблук попал камешек, и я чудом не встретила с полом.

– Лжешь!

– Зачем мне это? – Эржбет пожала плечами. – Ты вряд ли сможешь ненавидеть меня сильнее. Мы с твоим отцом, конечно, хотели воспитать тебя иначе. Я немного в обиде на него, хотя умом понимаю, что у Эрмеса не было вариантов. Но он бросил меня здесь, выживать в проклятом мире, а сам забрал нашу дочь. Раньше, еще до твоего рождения, он часто предлагал мне уехать на Землю. Но я боялась, что без магии и ритуалов, окажусь в ловушке, из которой нет выхода, а внутри которой – только невыносимые мучения.

– Он же твой брат. – Я почувствовала, как к горлу подкатил комок.

– Всего лишь названный. Согласно закону Магии мы не имели права на брак, но нашу связь никто не мог разорвать. Она длится тысячи лет, разве может какая-то условность ее разрушить? Королева была лишь подставной фигурой. Иллюзией брака. Я была женой Эрмеса, и только я. Я родила Ариадну и Луну.

– И ты же одну убила, а вторую продала.

– Ты многого обо мне не знаешь.

– И не уверена, что хочу.

Мы замолчали. Меня трясло, я пыталась поверить, что эта женщина в роскошном платье, с идеальной укладкой и абсолютно черствой душой – моя мать. Наверное, в этом даже был какой-то смысл, ведь никого в этом мире я не ненавидела так, как Эржбет.

Именно она с первой встречи вызывала во мне неконтролируемую ярость. Именно в ее присутствии я превращалась в... нее же.

На миг я закрыла глаза.

Мы все-таки похожи.

– Посмотри, – Эржбет протянула мне карманные часы на массивной бронзовой цепочке, – там, за циферблатом. Сбоку есть потайной рычажок.

С трудом – свет факелов, что висели на стене вдоль балкона, не дотягивался до нас, я нащупала рычажок. Часы негромко щелкнули, и циферблат, подобно объективу фотоаппарата, открылся, явив портрет симпатичного мужчины с темными длинными волосами. Его можно было рассмотреть в мельчайших подробностях: по ободку часов шла тонкая полоска света.

Вскоре портрет сменился другим – и на нем тоже оказался брюнет. Затем еще и еще, я насчитала десятка два портретов. В них было что-то схожее – может, улыбка, а может, взгляд – но все же это были совершенно разные люди.

– И кто это?

– Твой отец.

– Ты издеваешься надо мной?

– Нет, Луна, не издеваюсь. У Эрмеса есть точно такие же часы. Вряд ли они работают в том мире, но, надеюсь, он их сохранил. В этих часах мои портреты. Все мои портреты, какие только существовали. Ты спрашиваешь, как я могла убить свою дочь и быть такой жестокой к тебе? Я уже давно не чувствую к своим детям ничего, Грейс. Возможно, это последствия проклятья, еще одна его темная грань, а возможно, я просто устала привязываться.

– Я не понимаю...

– Помимо той фальшивки, которую я подсунула королю, есть и настоящие легенды. О том, как Арлуна съела солнце, как маги рассвета заточили ее в океане и как сотни лет два мира, две магии, не могут примириться.

– Легендариум.

– Ты изучала сокращенную версию, – кивнула Эржбет. – Подробная, с жизнеописаниями великих магов, хранится в королевской библиотеке. И там есть небольшая легенда. О том, как однажды двое рассветников встретили друг друга и полюбили. Как

любовь открыла им силу, превосходящую всякую существующую в Магии. Как они открывали все новые и новые грани своего дара, питая его в друг друге. Они стали сильнейшими магами, равных которым не было ни в сумраке, ни в рассвете. И назвали себя Гелиосом и Арлуной.

Эржбет закрыла глаза, мечтательно улыбаясь. Казалось, уже некуда бояться больше, но мне все равно казалось, что все самое жуткое еще впереди.

– Люди поклонялись им. Называли своими королями. Их сила все росла, власть становилась абсолютной. И до самого Гелиоса дошли слухи о самозванцах на троне Магии. Обезумевшие от силы, что жила внутри них, рассветники возомнили себя способными приручить первородного монстра. Гелиос мог бы разорвать их на части в ту же секунду, что они приказали ему склониться, но он поступил иначе.

Она посмотрела на луну и грустно вздохнула.

– Он наложил на нас проклятие. Самое страшное, которое только мог. Он наделил нас единственным даром, который мы не приручили. Гелиос подарил нам бессмертие.

– Это бред. Сказки! Легенды, которыми люди оправдывают войны и ненависть!

– Узнаю Мердока Роба. Это популярная точка зрения. Увы, люди склонны забывать свои истоки. Хотя в моем случае это скорее плюс. Гелиос подарил нам с твоим отцом бессмертие, но заставил заплатить за него муками. Мы не умирали, но старели. Нас мучили болезни. Страшные недуги, ты даже не можешь их вообразить. Мы молили о смерти, но Гелиос и Арлуна не хотели нас слышать. Тогда Эрмес обратился к магии. Он придумал ритуал. Для него нужно было лишь подходящее тело, которое мы могли занять и снова жить! Быть молодыми, сильными, здоровыми! На поиски такого тела ушли годы. Годы мучений и боли. Эрмес первым нашел для себя подходящее тело, а затем не щадя себя пытался спасти меня. Я почти обезумела от болезней, когда он нашел ее. Красивую юную девушку с золотыми волосами. Я впервые открыла глаза в ее теле и не смогла сдержать слез. Мы снова жили, снова были рядом. Но прежней силы уже не имели. С каждым новым перерождением мы становимся чуть слабее. Не знаю, что будет, когда магия иссякнет настолько, что сил не хватит даже на ритуал. Боюсь, все мучения повторятся вновь. На самом деле...

Голос Эржбет сорвался, она впервые продемонстрировала даже не страх, а какой-то животный ужас.

– Я боюсь, что это уже случилось. Когда дворец взяли, я пыталась провести ритуал, и... возможно, Ариадна просто не подходила для него, но мои дети всегда становились идеальными телами! Много лет я жили лишь надеждой, что найду для себя идеальную девушку. Идеальное тело. Проведу ритуал, сброшу оковы, надетые королем, отыщу тело Эрмеса, сожженного заживо, запертого в жалком обручке, и мы вновь станем свободны!

Со стороны зала доносилась музыка, танцы были в самом разгаре. Лениво мигали фонари, где-то вдали слышался смех сумеречников, вывалившихся на улицы. А я хватала ртом воздух, убеждая себя закрыть уши и не слушать, не верить Эржбет.

Это все ложь. Легендариум, сборник сказок с простым слогом, пособие для изучающих язык! Так говорил о нем Мердок. Сказанное Эржбет не могло быть правдой.

Но она в это верила. А Эржбет производила впечатление расчетливой, даже слегка безумной, стервы, но никак не блаженной дурочки.

– Академия существует лишь потому что я ищу ее. И я нашла.

Наверное, на моем лице отразились все чувства. А еще я отшатнулась, пораженная внезапной догадкой. Но Эржбет рассмеялась.

– Не бойся. Ты не подходишь. Это другая девушка, хорошо тебе знакомая.

– Одетта.

– Молодец, Луна.

– Мое имя Грейс.

– Я назвала тебя Луна. Эрмес был против. Он считал, это слишком созвучно монстру, запертому в океанических глубинах. Не удивлена, что он сменил его, едва оказался вдали от Магии. Но ты права, Одетта по всем признакам подходит для ритуала.

– У тебя ничего не выйдет. Я предупрежу ее. Расскажу все Дилану! Он, может, и мудака, но в предоплаченную идеальную вцепится бульдожьей хваткой! А тебя закроет в каком-нибудь колодце, и плевать, сдохнешь ты там или будешь вечно вить на луну!

– Ты эмоциональная девочка, но очень глупая. Принц выбрал Одетту исключительно потому что мне это нужно. Не думала же ты, что я буду довольствоваться телом оборванки? Мы всегда становились королями, Луна, я – законная королева Магии! И с позиции идеальной игрушки принца будет куда легче вернуть утраченные позиции. Можешь сколько угодно пытаться открыть Дилану глаза, но он слишком очарован Одеттой, даже имя твое не вспомнит.

Эржбет сделала в направлении меня несколько торопливых шагов и протянула руку. Она хотела ухватить меня за подбородок, но я увернулась – и холодные, как смерть, изящные бледные пальцы скользнули по волосам.

– Я верну трон, а ты сможешь вернуться ко мне, Луна. Я потеряла Ариадну, я никогда не прощу предательство Эрмесу, но ты можешь быть рядом. Ты поможешь мне отомстить за нашу семью, отплатить Фаренгейтам той же монетой, уничтожить их изнутри! А затем мы вместе будем развивать твой дар! Ты не представляешь, какой потенциал в тебе скрыт, Луна!

– Замолчи! – рявкнула я. – Ты больная! Тебя надо лечить!

– Я не ждала, что ты поймешь. Но у нас будет время, чтобы все обсудить и узнать друг друга лучше. Возвращайся на бал, Луна. Тебя ждет хозяин. Сейчас начнется ужин, если мне не изменяет память. Его не стоит пропускать.

Эржбет быстрым шагом покинула балкон, оставив меня жадно глотать воздух. Я прислонилась лбом к холодной стене и поняла, что не могу больше сдерживать рыдания. Я так хотела узнать хоть что-то о маме! Мы с отцом были счастливы, мы были семьей, но каждый ребенок верит, что где-то есть мама, которая его любит. Что однажды она придет, у нее будут теплые руки, красивая улыбка и ласковый голос.

Те, у кого нет мамы, ее придумывают. И в фантазиях она непременно красивая, яркая, идеальная.

Ненавижу это слово!

Ненавижу Эржбет! С самой первой встречи ненавижу, только теперь истоки этого чувства понятны и просты.

Почему я?! Почему мой отец – злодей из детских сказок, меняющий тела, почему моя мать – жестокая владелица элитного

борделя?! Я практически принадлежу совершенно незнакомому мужчине, даже лица которого не видела!

Расплата за самонадеянность жестокая, в этом Эржбет была права. Я считала себя всемогущей, а за гордыню принято платить.

– Грейс?

Князь словно появился на балконе из ночной тьмы. Должно быть, проскользнул тенью, а я и не заметила. Мне не хотелось показывать ему слезы, но я уже не контролировала себя, только считала секунды в надежде, что он не дожидается ответа и уйдет.

– Тебе нужно пойти со мной.

– Я не вернусь в зал.

– Мы отправимся не в зал. Я пропущу ужин.

– Я не...

– Я видел, как ты говорила с Эржбет. Если она рассказала тебе, то понимаю, как тебе тяжело. Но нам нужно уходить.

– Нет.

– Грейс...

– Мне нужно помочь Пейдж. Я обещала Мердоку, что прикажу принцессе ее не трогать.

Смахнув слезы и кое-как успокоившись, я направилась к стеклянным дверям, ведущим обратно в зал, но за несколько шагов до полоски золотистого света меня настиг Князь и резко дернул, вжимая в стену рядом.

– Поздно, – выдохнул он. – Ей уже не поможешь.

– Что? – Я вырвалась.

– Нет, Грейс, не смотри туда!

Но было поздно. Сквозь стекло виднелись столы смежного с танцевальным, обеденного зала. Лорды как раз заканчивали усаживаться за столы. За спинкой каждого кресла, опустив голову, стояла идеальная с широким золотым браслетом на запястье. Король, по правую руку которого сидел Дилан, а по левую – принцесса, одарил Эржбет благосклонной улыбкой и произнес:

– Поздравляю всех нас с отличным приобретением. Уверен, каждая идеальная из пансиона Эржбет подарит хозяину немало приятных минут. Да начнется ужин!

На серебряных тарелках появились ножи. Инкрустированные камнями, они играли со светом, посылая на стены и лица солнечных

зайчиков. По лицам лордов я поняла: что-то не так.

А когда девушки за их спинами подняли головы, меня передернуло от их пустых глаз, затянутых поволокой.

Каждая идеальная схватила нож с тарелки хозяина.

Каждая идеальная одним умелым движением оборвала его жизнь.

Кубки на столе наполнились кровью.

Я не могла отвести взгляда от перерезанного горла Дилана. От окровавленного ножа в руках Пейдж. От сползшего на пол Моргана и равнодушной Татии над ним.

Идеальные девушки.

Идеальные игрушки.

Идеальные убийцы.

Эржбет равнодушно прошлась вдоль стола, брезгливо обходя лужи крови.

– Убрать здесь все, – скомандовала она. – И найти Грейс Голд и Айдена. Девушку взять живой, а с ним можно не церемониться.

– Не успели, – вздохнул Князь. – Прости, Грейс. Еще одна монетка в копилку ненависти ко мне. Однажды ты поймешь, что выбора другого не было.

Я слышала все, что он говорил, но смысл слов не доходил, весь мир виднелся через кроваво-красную пелену.

Из рук Князя вырвалось синее пламя, ударило в пол рядом с местом, где я стояла. Паутина из трещин мгновенно охватила балкон. Я отшатнулась, но даже если бы тенью метнулась к залу, не успела бы. После второго удара магии я потеряла опору, почувствовав, как лечу вниз вместе с камнями. Без каких-либо шансов удержаться.

Показалось, в последний миг перед тем, как сорваться вниз, я успела увидеть глаза Князя.

И я правда ждала, что он успеет меня подхватить.

Но он даже не собирался этого делать.